

©“Адвокатская Палата”

**Официальное издание
Адвокатской палаты Московской области
№ 5, май 2015**

**Научно-практический журнал, выходит с
01.01.2003**

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации
ПИ-77-14492 от 27.01.2003 г.**

Учредитель: Адвокатская палата Московской области

Издатель: Адвокатская палата Московской области

Главный редактор: Ю.М.Боровков

Выпускающий редактор: А.А.Горшенков

Компьютерная графика, верстка: А.А.Исупов

Адрес редакции и издателя: 111020, город Москва, Госпитальный вал, 8/1, строение 2

Телефон редакции: (495) 360-3941, 360-8630

E-mail: apmo@bk.ru **Web:** www.apmo.ru

Подписной индекс: 82201

Отпечатано: ООО “Красногорская типография”

143000, Московская область, город Красногорск,

Коммунальный квартал, д.2

Объем: 6 п.л. **Тираж** 1000 экз. **Заказ**

**Редакционный Совет
журнала "Адвокатская палата"**

1. Председатель редакционного совета журнала **Галоганов Алексей Павлович**, адвокат, президент АПМО;
2. **Боровков Юрий Михайлович**, адвокат, первый вице-президент АПМО;
3. **Володина Светлана Игоревна**, адвокат, вице-президент ФПА РФ, член Квалификационной комиссии АПМО;
4. **Добровольская Светлана Игоревна**, адвокат, руководитель Экспертно-консультативного совета АПМО;
5. **Жаров Александр Евгеньевич**, Уполномоченный по правам человека в Московской области;
6. **Ковалева Лидия Николаевна**, адвокат, советник президента АПМО;
7. **Никифоров Александр Владимирович**, адвокат, отв. секретарь Квалификационной комиссии АПМО;
8. **Новолодский Юрий Михайлович**, адвокат, президент Балтийской коллегии адвокатов;
9. **Пепеляев Сергей Геннадьевич**, адвокат, член Совета АПМО, член Совета ФПА РФ;
10. **Пилипенко Юрий Сергеевич**, адвокат, президент ФПА РФ;
11. **Юрьев Сергей Сергеевич**, адвокат, председатель президиума КА “Межрегион”.
12. **Яртых Игорь Семенович**, адвокат, председатель президиума КА “Яртых и коллеги”, член Совета АПМО;

Содержание

События	
Калейдоскоп событий	2
Обмен опытом	
Э.И. Эзрохи Явка с повинной плюс "царица доказательств"...	4
Дискуссия	
А.А. Куприянов, Ф.А. Куприянов Гендиректор с бухгалтером - не сообщество!	7
Т.В. Твердова Актуальные аспекты ответственности погражданскому законодательству: нет пределов совершенствованию	10
А.Ю. Дюпин Земельный вопрос №1 или "Кто первый встал, того и тапки" - не факт	13
О.Д. Ярошик О необходимости общественной экспертизы судебных постановлений, или Вновь о системных проблемах российского правосудия (продолжение)	15
История адвокатуры	
А.В. Никифоров Московская областная коллегия адвокатов: история в архивных документах 1941-1945 г.г.	29
Наследие	
В. Валерин Волчья стая. Записки члена коллегии защитников (продолжение)	37

Дата выхода в свет: 25.06.2015

Цена свободная

КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ

Прошу поднять мандаты!

В конференц-зале столичной гостиницы "Золотое кольцо" 22 апреля с.г. состоялся седьмой Всероссийский съезд адвокатов. На нём присутствовали делегаты от большинства адвокатских палат страны, а также почётные гости - высокопоставленные представители правительства и администрации Президента, Госдумы и Совета Федерации.

Мероприятие началось с минуты молчания, которой почтили память безвременно скончавшегося президента АП Красноярского края С.Н. Мальтова. Затем замминистра юстиции Е.А. Борисенко огласила приветствие съезду председателя правительства РФ Д.А. Медведева, председатель комитета Совета Федерации ФС по конституционному законодательству и государственному строительству РФ А.А. Клишас зачитал приветствие главы Совфеда В.И. Матвиенко, а председатель комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Государственной Думы В.Н. Плигин - соответствующее поздравление главы Госдумы С.Е. Нарышкина.

С концептуальным выступлением вышла на съездовскую трибуну заместитель министра юстиции, к слову, начинавшая свою карьеру в петербургской адвокатуре, Е.А. Борисенко. По её словам, она за свободу и независимость адвокатуры, но адвокатская монополия на судебное представительство пока преждевременна. Российская адвокатура должна привлекать этической безупречностью, высокими стандартами профессиональной деятельности, вернуть себе былую элитарность.

С обстоятельным докладом выступил ведущий мероприятия президент Федеральной палаты адвокатов России Ю.С. Пилипенко. Вместе с его речью на экране демонстрировались графики статистических данных по российской адвокатуре. Юрий Сергеевич остановился на необходимости справедливой оплаты адвокату за работу по назначению следственных и судебных органов, формировании единой дисциплинарной практики, повышении квалификации адвокатов и улучшении имиджа адвокатуры.

Потом по различным вопросам высказались председатель Ревизионной комиссии Совета ФПА, президент АП Астраханской области В.Н. Малиновская, президент АП г. Москвы Г.М. Резник, вице-президент Федеральной палаты Г.К. Шаров, вице-президент Федеральной палаты, член Квалификационной комиссии АПМО С.И. Володина, первый вице-президент Федеральной палаты Е.В. Семеняко и другие.

Вице-президент ФПА РФ, президент АПМО А.П. Галоганов, в частности, говорил о деятельности по консолидации адвокатских общественных объединений в прошедшем между съездами периоде, о необходимости поддержки адвокатов, идущих на выборы в органы законодательной власти различных уровней и в общественные палаты, о важности сохранения памяти об адвокатах-ветеранах Великой Отечественной.

Делегаты съезда с правом голоса проголосовали своими мандатами за поправки в Кодекс профессиональной этики адвоката, которыми вносятся редакционные изменения в п.3 ст. 9 КПЭА и определяется статус комиссии ФПА РФ по этике и стандартам. Согласно поправкам Комиссия представляет собой коллегиальный орган, который разрабатывает для утверждения Всероссийским съездом адвокатов стандарты оказания квалифицированной юридической помощи и другие стандарты адвокатской профессии, даёт разъяснения по вопросам применения КПЭА; регламент Комиссии утверждается Советом ФПА РФ, а её председателем по должности является президент Федеральной палаты. Седьмым съездом также был утверждён предложенный Советом ФПА состав Комиссии.

Ещё съезд принял резолюции о вознаграждении адвокатов, участвующих в судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия или суда; о награждении адвокатов государственными и ведомственными наградами и о позиции адвокатуры относительно развития института суда присяжных. Кроме того, Всероссийский съезд адвокатов утвердил отчёт о деятельности Совета ФПА РФ и Ревизионной комиссии за 2013-2014 гг., произвёл ротацию Совета Федеральной палаты, утвердил дизайн нагрудного знака адвоката и принял ряд решений организационного характера.

Итог работы - триумф побед

На следующий день после Всероссийского съезда адвокатов состоялось и вручение четвёртой Национальной премии в области адвокатуры и адвокатской деятельности в культурно-развлекательном центре "Арбат" в Москве. Организатором премии и мероприятия является Федеральная палата адвокатов России при поддержке региональных палат. Вручение вели популярный шоумен Сергей Князев и телеведущая Светлана Зейналова, саму премию в различных номинациях вручали известные государственные и общественные деятели В.Н. Плигин, А.В. Яцкин, М.Н. Палеев, М.А. Федотов, А.А. Клишас и Г.В. Минх. А на мероприятие - как награждаемые или гости, по традиции, собрался почти весь цвет российской адвокатуры в лице адвокатских руководителей и мэтров со всей страны.

Среди награждаемых в номинации "Деловая репутация" с вручением почётного диплома и специального знака - за большие успехи в оказании юридической помощи, в том числе бесплатной, в науке, в подготовке стажёров и молодых адвокатов, в укреплении престижа адвокатуры - адвокат АПМО, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, член Квалификационной комиссии АПМО, директор института адвокатуры Государственной юридической академии (МГЮА) С.И. Володина. Выдвигал её на высокую премию член комитета по награждению Национальной премией в области адвокатуры президент АПМО А.П. Галоганов.

По рекомендации Алексея Павловича в другой номинации - "Триумф" среди награждённых адвокатских об-

разований оказалась и Кировская областная коллегия адвокатов.

А высшей награды премии адвокатского сообщества - знака "За честь и достоинство" оказался отмечен президент Палаты адвокатов Нижегородской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов России, представитель ФПА в Приволжском Федеральном округе Н.Д. Рогачёв.

Бойцы вспоминали прошедшие дни...

24 апреля в зале заседаний Совета АПМО состоялся большой приём в честь подмосковных адвокатов-ветеранов Великой Отечественной войны, приуроченный к 70-летию Победы. Зал был декорирован плакатами и баннерами в честь этого близкого знаменательного дня. В торжественном мероприятии приняли участие шесть ветеранов: Н.Ф. Валяев, А.Л. Красинский, Е.В. Шишкин, В.К. Цымбал, М.И. Муравчик и С.В. Натрускин. Некоторые ветераны, увы, по состоянию здоровья не смогли лично прибыть на торжество, однако их представляли дети: И.А. Юдкевич - её дочь Л.С. Юдкевич, а В.П. Горина - дочь Л.В. Горина. Также в палату прибыли вдовы и дети адвокатов-фронтовиков, уже ушедших от нас. Среди них Э.С. Шингарёва, М.П. Ария, Т.И. Муравьёва, Л.Л. Стерник, А.С. Кроник, Е.М. Ямпольская (Гофштейн), Е.Л. Сальман, М.А. Абрамович, А.В. Волков, Е.И. Воропаева (Лазарева), Т.Г. Карповская, Т.Л. Сторожакова (Хигер), А.С. Кацман, Н.К. Словягина (Семиохина), А.А. Вишневецкая, А.А. Сергеева (Кацман), Е.В. Райхлина и Л.М. Израхович.

Мероприятие предварили посадка кустиков сирени у входа в офис палаты и видеоролик с фрагментами из кинофильмов о Великой Отечественной войне. Затем с прочувствованным приветственным словом выступил президент АПМО А.П. Галоганов. В своей речи он не забыл никого из присутствующих и ушедших, вспоминая эпизоды их ратного труда и адвокатской деятельности. Президента продолжил председатель президиума Московской областной коллегии адвокатов И.П. Грицук.

И после минуты молчания об ушедших товарищах и поминовения их состоялась презентация книги-альбома "Адвокатам Подмосковья, участникам Великой Отечественной войны, посвящается...", выпущенной АПМО и буквально только что вышедшей из типографии, поступившей в палату, что называется, с пылу с жару. Богато изданную и иллюстрированную фронтовыми фотографиями книгу представили вице-президент АПМО М.Н. Толчеев и член Совета АПМО А.А. Орлов, совершившие большой труд по её составлению и своевременному изданию. Их сменил заместитель председателя президиума МОКА, член Квалификационной комиссии АПМО А.В. Никифоров, рассказавший о своём исследовании по материалам архивов мало известных фактах участия адвокатов Подмосковья в той великой войне.

И, конечно, каждому ветерану и родственнику наряду с цветами и подарками вручили и по экземпляру книги. А они, в свою очередь, торжественно подписали два экземпляра "Адвокатам Подмосковья...", которые теперь подлежат вечному хранению в президиуме МОКА и в адвокатской палате. Ветераны от души поблаго-

дарили коллег и поделились своими воспоминаниями о тех огненных годах. Их рассказы с волнением выслушали присутствующие.

Фронтовые воспоминания перемежались с исполнением любимых ветеранами военных песен. Среди исполнителей был народный артист России Г.А. Каменный, заслуженный артист России, член Союза писателей России Ю.Н. Доронин (он же является ещё и адвокатом АПМО!), мастерски прочитавший стихотворение Константина Бальмонта, наши адвокаты А.В. Таратухин с гитарой и А.В. Овчинников с баяном, другие певцы и музыканты с юридическими дипломами и без.

А дочь адвоката-фронтовика Н.К. Словягина (Семиохина) прочла залу стихотворение своего отца, присланное своей любимой с фронта, в котором есть и такие строки:

Знай, не надо, дорогая, плакать,
Знай, что если долго не пишу,
Это значит, я иду на Запад,
Это значит, я к тебе спешу!

Новое помещение

В апреле состоялась презентация нового помещения филиала №88 МОКА в городе Красногорске. Просторный, красивый офис в новом доме недалеко от суда был предоставлен филиалу администрацией Красногорского района. На торжественном открытии присутствовали глава районной администрации Б.Е. Рассказов, глава администрации города П.В. Стариков, председатель Красногорского городского суда Т.В. Зайцева, прокурор Красногорска Р.В. Лаврухин, президент АПМО А.П. Галоганов, председатель президиума МОКА И.П. Грицук, первый заместитель председателя президиума МОКА В.А. Фомин.

Высказали много поздравлений и пожеланий плодотворной работы в новом доме. Б.Е. Рассказов отметил огромную роль адвокатов района и лично заведующего филиалом и представителя Совета АПМО в Красногорском судебном районе В.С. Тонкоева в оказании юридической помощи местным жителям и защите их прав. Обращает на себя внимание, что там, где руководство адвокатских образований и представители в судебных районах занимают активную позицию, корректно, но настойчиво взаимодействуют с представителями органов власти, судебным сообществом и правоохранительными органами, как правило, удаётся наладить необходимое взаимопонимание и нормальные рабочие отношения, что, в конечном итоге, благотворно отражается на обеспечении прав граждан.

(по материалам наших спецкоров)

Э.И. Эзрохи - ветеран МОКА, почётный адвокат России

Явка с повинной плюс "царица доказательств"...

Статья 142 УПК РФ даёт определение понятию явки с повинной. В Законе сказано - "Заявление о явке с повинной - добровольное сообщение лица о совершённом преступлении".

Это важный процессуальный и морально - этический акт, во многом определяющий в дальнейшем судебный приговор и судьбу человека, преступившего закон.

Сразу позволю заметить, что в Законе даётся неполное определение явки с повинной, т.к. оно может быть сделано не только о совершённом, но и о готовящемся преступлении.

Как правило, дела о готовящейся взятке, успешно раскрываются в случае сообщения об этом на стадии замысла и уже затем, путём проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий, появляется возможность изобличить взяточника.

Недавно во многих СМИ прозвучало сообщение об одиозном деле учительницы музыки из подмосковной Шатуры, замыслившей зверское убийство её ученика, отвергнувшего сексуальные домогательства престарелого педагога.

Только благодаря своевременному заявлению в органы следствия выбранного этой женщиной на роль киллера человека удалось предотвратить особо тяжкое преступление.

Явку с повинной, как указано в п. "и" ч.1 ст. 61 УК РФ, закон рассматривает в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, и суд обязан это отразить в приговоре и принять во внимание при назначении наказания, причем даже в том случае, если в дальнейшем подсудимый откажется от явки с повинной и признательных показаний.

Так, несколько лет назад президиум Московского областного суда изменил приговор Люберецкого городского суда по делу К., признанного виновным в совершении умышленного убийства, предусмотренного п. "з" ч.2 ст. 105 УК РФ, заявившего в процессе следствия о явке с повинной, а затем рассказавшего об обстоятельствах, которые не были известны органам следствия и подтвердившем их при выходе на место совершения преступления, указав участок леса, где он спрятал важные вещественные доказательства, ранее не обнаруженные следствием.

В судебном заседании подсудимый отказался от явки с повинной и всех признательных показаний и при назначении К. наказания, суд, нарушив п.3 ст. 307 УПК РФ, не указал о его явке с повинной и не принял это во внимание при назначении ему наказания.

Президиум Московского областного суда по отмеченным выше обстоятельствам изменил приговор городского суда, отметил допущенную в приговоре ошибку и сократил К. срок назначенного ему наказания.

Вместе с тем, приходится констатировать, что в ра-

боте правоохранительных органов отмечается, мягко выражаясь, явная нездоровая тенденция, когда при отсутствии объективных доказательств хотят во чтобы то ни стало склонить подозреваемого к явке с повинной, а затем по принципу "куй железо, пока горячо", тут же, пригласив своего надёжного беспринципного "карманного адвоката", заполучить признательные показания лица, которые в дальнейшем, если человек в действительности не совершал преступления, сыграют с ним злую "шутку" и станут одним из главных доказательств обвинения.

Закон - ст.142 УПК РФ не предусматривает при оформлении явки с повинной присутствия защитника, чем широко пользуются бездарные оперативники и следователи, не способные найти объективные доказательства совершения лицом преступления, если оно к нему причастно.

Для незаконного получения явки с повинной используются шантаж, физическое и моральное воздействие, не оставляющие на задержанном явных следов, в том числе такой изуверский приём, когда ему на голову надевают полиэтиленовый пакет, и человек, задыхаясь, порой теряет сознание.

Не вынося подобных издевательств и не видя выхода, он вынужден себя оговорить путём мнимой "явки с повинной", после чего эта "явка" подкрепляется "чистосердечными признаниями" в присутствии оперативника, добившегося "явки", и недобросовестного адвоката, даже не удосужившегося побеседовать с человеком наедине.

В дальнейшем, когда после ареста обвиняемый поймёт свою подчас непоправимую ошибку и в процессе следствия и в суде пытается объяснить, как и почему появились "явка с повинной" и "чистосердечное признание", суд задает подсудимому риторический вопрос: "Почему вы об этом не заявили на первом допросе в присутствии адвоката?", - но все объяснения лица просто отвергаются и не принимаются во внимание.

Суд в этих случаях ссылается на п.1 ч.2 ст. 75 УПК РФ, признающим недопустимыми доказательствами "показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтверждённые подозреваемым, обвиняемым в суде".

В тех случаях, когда явка с повинной и "чистосердечные показания" были получены с грубейшим нарушением закона, а затем оформлены в присутствии предоставленного следователем защитника, эти документы признаются судом неоспоримыми доказательствами в качестве истины в высшей инстанции.

Каждый из адвокатов может без затруднения привести из своей практики многочисленные примеры, когда суды выносили обвинительные приговоры по делам при мотивированном отказе подсудимых от явки с повинной и

данных на следствии "чистосердечных показаний", объясняя, что они получены в результате применения к ним недозволенных методов расследования.

В качестве примеров выбивания признательных показаний, положенных в основу обвинительных приговоров, позволю привести несколько дел, рассмотренных Люберецким городским судом.

Приговором Люберецкого городского суда от 20 февраля 2013 года Модин Алексей Алексеевич признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.30 и п. "г" ч.3 ст. 228.1 УК РФ, и ему назначено наказание в виде девяти лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

В соответствии с приговором суда Модину А.А. инкриминируется приготовление к сбыту наркотических средств в особо крупном размере. Суд посчитал установленным, что Модин, с целью последующего сбыта, в неустановленное время и у неустановленного лица в период до 09 часов 50 мин. 8 августа 2012 г. приобрел наркотическое средство - героин в количестве не менее 6,3 гр., что является особо крупным размером, которое незаконно хранил по месту жительства в пос. Красково Люберецкого района Московской области.

В качестве доказательств, якобы подтверждающих совершение Модиним А.А. названного выше преступления, суд ссылается на его признательные показания, данные на предварительном расследовании в качестве подозреваемого и обвиняемого, показания оперативных сотрудников, задержавших Модина, утверждающих, что они якобы в присутствии понятых обнаружили и изъяли у него из правого кармана шорт шесть свертков из полимерного материала с веществом, оказавшимся наркотическим средством.

Материалами, исследованными в процессе судебного разбирательства, бесспорно и объективно установлена несостоятельность доказательств и доводов, на которые суд ссылается в приговоре.

Модин А.А. при предъявлении ему обвинения в окончательной редакции и в судебном заседании 20 декабря 2012 г., отказавшись от ранее данных показаний в качестве подозреваемого и обвиняемого, в том числе и объяснений, полученных у него 8 августа 2012 г. оперативным сотрудником наркоконтроля Горбуновым А.В., заявил, что он вынужден был оговорить себя в результате оказанного на него физического и психического давления со стороны оперативных сотрудников наркоконтроля как при его задержании, так и при получении объяснений Горбуновым, требовавшим, чтобы он оговаривал себя, иначе к нему будут применены более жесткие меры физического воздействия, чем при задержании.

Как усматривается из показаний обвиняемого Модина А.А. от 18 октября 2012 года, к нему в комнату в названное время, разбудив его, без понятых, вошли 4-5 человек, представившимися сотрудниками наркоконтроля, заставив его в трусах. Они предложили ему одеть джинсы, но они после стирки не высохли, и он одел шорты, после чего он тут же оказался в наручниках и Горбунов в правый карман шорт что-то положил, после чего применили к нему физическое воздействие для подавления его воли, а затем, когда спустя какое-то время пригласили в комнату понятых, был произведен его досмотр и из

кармана шорт извлекли шесть пакетов из полимерного материала, не принадлежавших ему, о чём он сразу же заявил в присутствии понятых и это отражено в протоколе досмотра. Признательные показания Модина А.А., на которые суд ссылается как на одно из доказательств совершения им преступления, получены с грубым нарушением норм конституционного и уголовно-процессуального права - ст. 21 Конституции РФ и ст.9 УПК РФ, запрещающих применение в процессе расследования пыток и других мер физического и психического воздействия. Как следует из показаний Модина в судебном заседании 20 декабря 2012 г., при его допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого 9 августа 2012 г. с участием назначенного следователем защитника присутствовали для его устрашения оперативные сотрудники, участвовавшие в его задержании и применявшие к нему меры физического воздействия, однако, в нарушение п.3 ч. 3 ст.66 УПК РФ их участие в его допросах не отражено в протоколах допроса.

Модин А.А. в показаниях в качестве обвиняемого 18 октября 2012 г. и при допросе в суде 20 декабря 2012 г. заявил, что протоколы допросов в качестве подозреваемого и обвиняемого от 9 августа 2012 г. были подготовлены следователем Лычагиным А. С. в его отсутствие и ему представлены для подписания, что он вынужден был сделать, опасаясь выполнения угроз оперативных работников о применении к нему жестких мер воздействия, если он посмеет отказаться от самооговора и признания в намерении реализовать якобы обнаруженные у него наркотические средства.

В связи с отмеченными выше грубыми нарушениями норм Конституции РФ и УПК РФ протоколы объяснения Модина А.А. от 8 августа 2012 г., как и протоколы его допросов в качестве подозреваемого и обвиняемого от 9 августа 2012 г. в соответствии с ч.1 ст. 75 УПК РФ являются недопустимыми доказательствами и на них суд не вправе ссылаться в обосновании его вины в предъявленном ему обвинении.

Несмотря на многочисленные нарушения норм Конституции РФ и УПК РФ суд вынес по делу обвинительный приговор, назначив Алексею Модину наказание в виде девяти лет лишения свободы в колонии строгого режима.

Аналогичным образом завершилось в том же суде уголовное дело в отношении Л., обвинявшегося по ч.1 ст. 105 УК РФ в совершении умышленного убийства. В судебном заседании Л. объяснил, что так называемые "чисто сердечные показания" были получены с помощью применения к нему угроз, морального давления и только после того, как оперативники надели ему на голову полиэтиленовый пакет и Л. начал задыхаться и терять сознание.

Несмотря на это и наличие иных нарушений норм уголовно-процессуального закона, суд признал Л. виновным в совершении особо тяжкого преступления, назначив ему наказание в виде десяти лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима, где он находится по настоящее время.

По названным выше уголовным делам приговоры были обжалованы в кассационном и надзорном порядке, однако эти инстанции прошли мимо грубых нарушений

закона, оставив решения Люберецкого городского суда без изменения, причём в обоих случаях вышестоящие суды аргументировали свои выводы о виновности этих лиц, в том числе, признательными показаниями, данными **в присутствии защитников, назначенных следователями.**

Вызывает серьёзные опасения тенденция органов следствия и суда ставить во главе угла признательные показания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых и некритическое отношение к ним судов.

Невольно вспоминается псевдонаучная "Теория судебных доказательств" небылоставшего сталинского прокурора - палача А.Я. Вышинского, назвавшего в своей "теории" признания обвиняемого "царицей доказательств".

При этом Вышинский все же сделал оговорку, что признательные показания имеют решающую роль и значение по делам о "контрреволюционных" преступлениях, т.к., по убеждению этого прокурорского "деятели", такие преступления совершались в глубокой тайне, тщательно конспирировались и кроме причастных к ним лиц никто о них не знает, и знать не может.

К большому сожалению, что и спустя полвека после ухода в мир иной "отца народов" и автора "царицы доказательств", она продолжает свою жизнь в практике органов следствия и суда в наше время.

В результате не хитрого, а точнее преступного "арифметического действия" - "явки с повинной плюс чистосердечное признание", полученных с нарушением закона, невинные оказываются надолго за решёткой, ломаются судьбы не только этих людей, но и их близких, утрачивается вера в справедливость российского правосудия.

Всё это делается для показухи, повышения процента раскрываемости, особенно неочевидных преступлений, получения незаслуженных наград, внеочередных звёзд на погоны и продвижения по службе.

Представляется, что это в первую очередь объясняется несовершенством нынешнего Уголовно-процессуального Кодекса, в котором нет чёткой регламентации процессуального оформления такого важного документа, каким является протокол явки с повинной.

Статья 142 УПК РФ не предусматривает присутствия защитника при оформлении протокола явки с повинной. С одной стороны это позволяет, как отмечено выше, сразу после оформления "явки" немедленно допросить подозреваемого с участием защитника, предоставленного следователем.

Как правило, это так называемые "свои адвокаты", которым безразлична судьба подзащитного, они не выясняют у него мотивы явки с повинной и её достоверность.

С другой стороны действующий порядок оформления явки с повинной позволяет, особенно рецидивистам, в дальнейшем отказаться как от протокола явки с повинной, так и признательных показаний, мотивируя это якобы применением к ним недозволенных методов ведения следствия, бросая незаслуженное обвинение в адрес сотрудников правоохранительной системы.

Закон не догма, и если в процессе многолетнего применения выясняется его несовершенство, то он должен быть изменён или дополнен.

Необходимо в законе предусмотреть обязательное присутствие при оформлении явки с повинной защитника, причём в протоколе должно быть отражено, что до оформления этого документа лицо при его желании имело возможность свидания с защитником наедине.

Более того, осмелюсь предложить обязательное присутствие при оформлении явки с повинной представителя уполномоченного по правам человека.

Могут возразить, что это излишне громоздкая процедура и дополнительная нагрузка для правоохранителей, т.к. им придётся приглашать адвоката, если его нет у гражданина, и правозащитника, но если это будет надёжной гарантией от произвола и беззакония, оно того стоит, тем более, у нас ещё не выстроились нескончаемые очереди желающих заявить о явке с повинной!

Полагаю, что и при допросе подозреваемого или обвиняемого у него необходимо выяснять, имелась ли у него реальная возможность свидания с защитником наедине до начала допроса и это должно отражаться в протоколе допроса.

При такой регламентации этих следственных и процессуальных действий протоколы приобретут доверие суда, апелляционных и иных вышестоящих судебных инстанций.

Одновременно руководители адвокатских формирований и палат должны решительно пресекать сращивание и панибратские отношения адвокатов со следователями, поскольку от такой "дружбы" один шаг к коррупции.

Считаю, что должен быть усилен отбор претендентов на адвокатскую деятельность, чтобы в адвокатуру не проникали случайные лица, ищущие, как им кажется, легкого заработка, а не служения людям и Закону.

А.А. Куприянов - адвокат АПМО, почетный адвокат России, почетный юрист города Москвы, член редакционного совета журнала "Уголовный процесс";

Ф.А. Куприянов - адвокат АПМО, к.ю.н., доцент ГАСИС ВШЭ

Гендиректор с бухгалтером - не сообщество!

В этой статье:

Уголовное законодательство России в последние годы испытывает разнонаправленные воздействия. С одной стороны, его пытаются гуманизировать, например, за счет удаления нижних пределов санкций в виде лишения свободы, с другой, наоборот, ужесточить. Ужесточается оно как в части криминализации различного рода противоправных деяний, ранее считавшихся административными проступками, так и в форме усиления наказаний за преступления, изначально включенные в УК РФ.

Вместо вступления

Если сравнить УК РФ с любой более ранней версией отечественного уголовного закона, начиная с 1845 года - с "Уложения о наказаниях уголовных и исправительных" Российской Империи, то легко видеть, что действующий УК РФ из всех - самый строгий. Однако, как известно, строгость наказания никогда не коррелировала с уровнем преступности. При английском короле Эдуарде VI, царствовавшем в XVI веке, казнили за малейшие кражи, но наибольшее их число происходило именно при стечении народа около виселиц. За одно царствование наследницы Эдуарда доброй королевы Елизаветы, к которой сватался наш Иван IV Грозный, казнили по суду 38 тыс. чел. Ивану Грозному такое и не снилось (при нем - по суду казнили 3-4 тыс. человек).

Почему именно в этот период истории Англии суды так свирепствовали? Вспомните известное из школьной программы и имевшее место как раз в тот период "огораживание". В то время говорили, что "овцы съели людей". В Англии стало слишком много крестьян, а промышленная революция еще не привлекла их на фабрики. Крестьян, потерявших землю, не способных себя прокормить, первых "люмпенов", в судебном порядке просто убивали.

Еще в начале XIX столетия Англия была лидером по количеству уголовных составов, караемых смертной казнью. В разные годы их число колебалось от 160 до 240. Повешение назначалось за порубки в лесах, за любое браконьерство, за кражу из лавок на сумму свыше 5 шиллингов, любую кражу в церкви, кражу на ярмарке на сумму свыше 1 шиллинга... Казнили за проступки чисто формального свойства: бродяжничество, нищенство и проч. Но преступность не снижалась - ни насильственная, ни экономическая. Не было ни социальных, ни экономических условий для ее снижения. И меч правосудия молотил англичан почему зря.

Только промышленная революция и массовый выезд избытка людей в заокеанские колонии остановили работу судебных палат. Государству опять потребовались люди, и люди опять оказались в цене.

Причины ужесточения закона

Нужны ли граждане экономике российского государст-

ва? Большой вопрос, поскольку для обслуживания экспортных поставок энергоносителей и содержания их силового прикрытия наличное население явно избыточно.

Лишний гражданин любого возраста стране объективно не требуется, поэтому гражданин аппарату управления государством не дорог, и драконовское, если не сказать варварское, уголовное законодательство этот факт объективно подтверждает. С другой стороны, правоохранительные и контрольные органы конкурируют: кто быстрее "привлечет" очередного ненужного человека.

Такое отношение к гражданам отлично иллюстрируется карательной практикой по экономическим преступлениям. Причем в современном российском обществе опасность последствий строгих наказаний за экономические преступления состоит не только в том, что из трудоспособного контингента надолго, часто навсегда (если не тюрьма, так депрессия, отъезд за границу), выбывают самые полезные экономике и обществу активные пассионарные личности. Большая опасность состоит в другом.

В обществе, в котором значителен процент граждан, прошедших через тюрьмы, включая сюда и безобразно длительное содержание в следственных изоляторах до суда, неизбежно возникает общая терпимость к криминальному поведению. Освобожденных из тюрем уже слишком много в нашей с вами популяции. Они стали обычны, к ним привыкли. Этого банкира арестовали, того директора выпустили/не выпустили: ежедневные заголовки в СМИ. Среди бизнесменов даже есть поговорка, совершенно непонятная иностранцам: "Судимость на кредит не влияет".

СССР заболел этим синдромом в постсталинские годы. Вышедшие из тюрем "враги народа" из париев постепенно превратились в героев [1], и вместе с реабилитацией именно от освобожденной интеллигенции в разговорную и даже литературную речь всего общества пришел блатной жаргон и мат. Каждый русский знает, что такое "авторитет", "разборка", "базар", "бардак", "беспредел", "общак", "братва"? А выражения "мой косяк", "не парься", "не в масть" и множество других примеров воровской "фени", хотя бывает и в ошибочном толковании, стали повседневными. Употребить слово или фразу из "фени" с телеэкрана обычное дело даже для министров и депутатов.

Феня как язык всего народа - полбеда. Беда, когда наказания за преступления в области предпринимательской деятельности могут быть равны или даже оказаться выше, чем наказания за бытовое убийство и любое посягательство на здоровье личности. Такое общество постепенно и неизбежно становится терпимым даже к насилию. И не только к чужому насилию. Все больше граждан по этой причине допускает насилие в своем личном поведении. Например, в семье.

Криминология как наука, важнейшая для понимания общественных процессов, никогда не ставила насильников на одну доску с лицами, совершившими преступления в сфере предпринимательской и даже лже-предпринимательской деятельности.

Для лучшего понимания проблемы приведу школьный пример из программы вузовской криминологии. Нельзя человека, причинившего смерть в ДТП, называть убийцей. Слишком много вокруг окажется убийц, и даже умышленное убийство, растворившись в неумышленных, станет обыденностью.

Преступное сообщество по бланкетным составам

Типичным примером получающего все большее распространение в России уравнительного подхода к преступлениям с явно различной социальной опасностью является вменение статьи 210 УК РФ организованным преступным группам, созданным для совершения экономических преступлений по так называемым "бланкетным" составам.

Напомню, что диспозиции "бланкетных" статей УК РФ отсылают к законодательным актам, не имеющим отношения к отрасли уголовного права. И если в "обычных" статьях криминализованы противоправные деяния, известные со времен Ветхого Завета и производные от Десяти Заповедей Моисея ("не убий", "не укради"...), то по "бланкетным" статьям карают за серьезные нарушения законов, регулирующих зачастую вполне гражданско-правовые отношения.

Причем запреты совершения тех или иных гражданско-правовых сделок или действий, включенные в уголовные законы, под страхом уголовного наказания, возникают часто вполне волюнтаристски, без общественного консенсуса, в силу победы той или иной околотоварной лоббистской группировки.

Преступления, возникающие из этих искусственных и часто необъясненных или непонятных для граждан запретов, не только не порицаются обществом, но, более того, в массовом общественном сознании признаются вполне приемлемыми.

Вспомним метаморфозы с запрещенными в СССР под страхом смертной казни валютными операциями (ст. 88 УК РСФСР "Нарушение правил о валютных операциях"). В суверенной России валютные операции были некоторое время разрешены без ограничений, затем стали административным проступком, потом - в узкой части опять оказались криминализованы (ст. ст. 193, 193.1 УК РФ).

Однако криминализовав значительное количество обычных хозяйственных правонарушений и явно перегнув палку, законодатель, спохватившись, для баланса дал прямое указание правоприменителям: не подходите с одной меркой к насильникам, убийцам и "хозяйственникам". Это указание состоит в том, что к последним запретили применять арест в качестве меры пресечения (ст. 108 УПК РФ).

Но следственный аппарат, из собственных корпоративных интересов яро противящийся либерализации практики по арестам, нашел "выход". Раз нельзя арестовать "хозяйственника" по "предпринимательской" статье, нужно найти для него в Уголовном кодексе такую статью, на которую запрет не распространяется. И нашли - ст. 210 УК РФ "Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)".

Организованные группы стали признаваться "преступными сообществами" и привлекаться по "особо тяжкой" статье, позволяющей при определенной ловкости следо-

вателя обвинить предпринимателя в преступлении, карающемся наказанием вплоть до пожизненного лишения свободы.

Если до изменения в 2013 году подсудности частей 1-3 ст. 210 УК РФ такая практика сдерживалась боязнью следователей передавать дела в областные суды, где требования к качеству следствия относительно выше, то в настоящее время этот важный ограничитель отпал.

Сомнительность квалификации

Но допустимо ли применять к чисто хозяйственным преступлениям статью, изначально созданную для пресечения отечественной мафии?

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к первой редакции Уголовного кодекса РФ 1996 года. Именно в этом году в российский уголовный закон было впервые введено понятие преступной организации.

Диспозиция 1996 года была похожа на действующую сегодня редакцию ст. 210 УК РФ. Преступная организация (сообщество) могла вменяться только тогда, когда она создавалась для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Наказание предусматривалось от 7 до 15 лет лишения свободы за создание сообщества, от 3 до 10 лет - за участие. Но в 1996 году все "хозяйственные" преступления разумно относились законодателем к категории "средней тяжести"!

Иначе говоря, законодатель, внося в УК РФ новеллу - статью 210, карающую за создание мафиозных структур, не предполагал ее применения к предпринимательским составам преступлений. И потому позднее (после ужесточения санкций) техническое попадание практически всех таких составов в число составов, по которым формально допустимо вменять ст. 210 УК РФ, лишь подтверждает давно известный тезис о полной разбалансированности системы наказаний УК РФ, сложившейся к 2015 году. Разбалансированности из-за бесконечной точечной, часто абсолютно неоправданной, практически бессмысленной, правки главного уголовного закона со стороны малограмотных депутатов.

Почему? Потому что размер наказаний за преступления должен соответствовать иерархии защищаемых ценностей. Статья 2 Конституции РФ гласит: "Человек, его права и свободы являются высшей ценностью". Это требование Конституции РФ подтверждает вывод о том, что насилие должно караться существенно сильнее, чем любые нарушения экономического законодательства.

В настоящее время ученые-правоведы согласны с тем, что никакие экономические преступления не посягают на государственный строй - вторую "священную корову" России. Поэтому хотя предприниматели-преступники могут нанести ущерб экономике страны, но с конституционной точки зрения должны каждый раз признаваться менее общественно опасными, чем насильники во всех своих проявлениях.

Применяя конституционный принцип усиленной защиты человека к толкованию ст. 210 УК РФ и принимая во внимание вышеописанную историческую составляющую, из которой видна воля законодателя, можно утверждать, что применение ст. 210 УК РФ к предпринимательскому и даже лже-предпринимательскому криминалу совершенно необоснованно. Повторю, совершенно

неоправдан, если конечно обвиняемый "предприниматель" не связан с криминалом традиционной триады "насилие-наркотики-оружие".

В подтверждение этого тезиса обратим внимание на ч. 4 ст. 210 УК РФ. Этот особо квалифицированный состав карает за организацию преступных сообществ "лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии". Само выделение "воров в законе" свидетельствует о том, что остальные части ст. 210 УК РФ должны так же применяться исключительно к "блатным" - к криминально зараженному контингенту.

При любом ином толковании следовало бы выделить наряду с "ворами в законе" в отдельные категории субъектов и соответственно в различные части ст. 210 УК РФ также лиц, не принадлежащих к организованной преступности, и отдельно создать спецсубъектов - рядовых "блатных". Полагаю очевидным, что лиц, не относящихся к криминально зараженному контингенту, вообще не должны привлекать по ст. 210 УК РФ в силу ее названия. Что собственно и требовалось доказать.

Заметим, что предприниматели лишь в доктрине криминологии СССР относились к криминалитету. Доктрина российской криминологии не относит лиц, умышленно совершающих экономические преступления по бланкетным статьям УК РФ, к традиционному криминалу, основанному на насилии и прямой экспроприации. Иначе мы скоро согласимся с уже звучащими среди следователей толкованиями ч. 4 ст. 210 УК РФ. "Кто же это "лица, занимающего высшее..."? - "Да, это ж и есть генеральный директор фирмы с бухгалтером!" Например, фирмы, занимающейся перевозками опасных грузов без лицензии, или ИП ларька с просроченными продуктами.

Все вышесказанное вовсе не означает, что "мафия" не может иметь подразделений, совершающих исключительно "хозяйственные" преступления. Но это должны быть именно структурные подразделения истинной, криминальной, традиционной "мафии".

Если же в создании и руководстве ни с кем из мафии не связанного преступного сообщества обвиняется генеральный директор коммерческой организации, а единственным ее участником назначается - главный бухгалтер, руководящий бухгалтерией, по несчастливому стечению обстоятельств находящейся в различных с основным офисом зданиях, при том, что все остальные сотрудники признаются следователем ни о чем не ведающими свидетелями, то иначе как ошибкой такую квалификацию признать невозможно.

Недопустимо учитывать при квалификации содеянного только формальное "совпадение" признаков состава без учета системного толкования той или иной нормы в общей системе российского уголовного права.

Статья 210 УК РФ конструировалась для того, чтобы привлекать к ответственности лиц, лично преступлений, описанных в Особенной части УК РФ, не совершающих - "авторитетов" и "воров в законе" с приспешниками. Она идеологически не предназначена для вменения ее по совокупности "дуплетом" исполнителям любых экономических, тем более "предпринимательских" преступлений.

Справедливость при толковании статьи 210 УК РФ

К сожалению, юридическая техника при формулирова-

нии диспозиции ст. 210 УК РФ оставила почву для иного толкования этого состава, которой и пользуются недобросовестные представители следственного аппарата.

Верховный Суд в своем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06. 2010 № 12 "О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)" не рассмотрел обозначенную выше проблему, поскольку ее острота в тот период не была столь же очевидной, как сегодня.

Правоприменители, полагающие возможным привлечь лиц, занимающихся, например, незаконным предпринимательством или незаконной банковской деятельностью, к уголовной ответственности якобы за создание для этой цели преступной организации из собственных клерков, забывают еще об одном важнейшем принципе российского уголовного права. Они игнорируют принцип справедливости наказания.

Общество никогда не признает справедливым назначение наказания генеральному директору фирмы (пусть и незарегистрированной надлежащим образом), например, специализирующейся на перефасовке мясных продуктов из Евросоюза, по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 171 и 210 УК РФ - с нижним пределом срока лишения свободы в 17-19 лет, при том, что верхний предел наказания за убийство у нас составляет 15 лет лишения свободы.

Все вышеизложенное особенно верно в отношении всех преступлений, которые еще недавно были разрешенной хозяйственной деятельностью, то есть практически в отношении всех "бланкетных" составов УК РФ. Статья 210 УК РФ к лицам, привлекаемым за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности по "бланкетным" статьям, неприменима. И именно судебная практика должна поставить заслон для необоснованного вменения ст. 210 УК РФ, в том числе и на стадии избрания меры пресечения, поскольку следователи, выходящие в суд с ходатайствами об аресте предпринимателей, произвольно "назначенных" ими руководителями или участниками якобы преступных организаций, вряд ли смогут доказать обоснованность такого подозрения (п. 2 Постановления ВС РФ № 41 от 19.12.2013).

Адвокат при обжаловании вменения ст. 210 УК РФ должен обратить внимание суда на то, что данная статья по вышеизложенным основаниям не должна вменяться "хозяйственникам", поскольку следователь должен был бы учитывать иерархию защищаемых уголовным законом конституционных прав. Статья 210 УК РФ должна карать только за деятельность, включающую насилие как свою имманентную часть, только этим истинная мафия принципиально опаснее "белых воротничков", а для "сообщества" гендиректора и главбуха более чем достаточно квалификации "организованная группа".

Примечания:

[1] Авторы совершенно не против реабилитации политических заключенных. Она при сложившихся условиях была справедлива и неизбежна. Мы просто констатируем факт ее негативного влияния на общество в целом.

Т.В. Твердова - адвокат АПМО, к.ю.н., доцент кафедры публично-правовых и частно-правовых дисциплин юридического факультета АНО "Международный университет в Москве"

Актуальные аспекты ответственности погражданскому законодательству: нет пределов совершенствованию

Статья посвящена анализу некоторых существующих в гражданском законодательстве России проблем в части наступления ответственности и не решенных даже в связи с многочисленными изменениями, внесенными в законодательство в 2013/2014 годах.

Как известно, начало пониманию необходимости совершенствования современного гражданского законодательства положила Концепция его развития, одобренная Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 года. Концепция, с одной стороны, не обладает статусом нормативного правового акта и, следовательно, не может носить обязательный характер. С другой стороны, отражение в ней принципиального подхода высших органов государственной власти не могло игнорироваться при подготовке текстов законов, внесших изменения в гражданское законодательство в последующие годы. В Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены изменения, направленные на устранение негативных факторов, о которых указано в Концепции. В частности, в ней было отмечено, что многочисленные, в том числе, серьезные экономические правонарушения на стадии становления рыночной экономики, часто совершающиеся под прикрытием норм гражданского права, выявили недостаточную для новых условий завершенность в законе ряда классических гражданско-правовых институтов, таких как недействительность сделок, создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц, законные проценты, уступка требований и перевод долга, залог и др. Указано также на необходимость законодательного обеспечения добросовестного и надлежащего исполнения гражданских обязанностей, привлечения к ответственности нарушителей. Вместе с тем, есть основания считать, что именно позиция Концепции о необходимости "работающего" механизма наступления гражданско-правовой ответственности так и не нашла своего четкого отражения в законодательстве. Автор полагает, что по-прежнему нет четкой правовой регламентации конкретных форм ответственности за уклонение от надлежащего исполнения обязательств.

В настоящее время в правоприменительной практике весьма прочно заняла место, так называемая "размытая" ответственность за неисполнение обязательств, фактически не влекущая за собой восстановление нарушенных прав и законных интересов субъектов, пострадавших от контрагентов-нарушителей.

Гражданско-правовая ответственность, несомненно, является одним из видов юридической ответственности, под которой понимается механизм правового принуждения. Такой механизм устанавливается либо гражданским законодательством, либо участниками договора, либо и тем, и другим. Общеизвестно, что юридическая ответственность не может возникнуть, если изначально нет обязанностей, предусмотренных нормативными правовыми актами и обязательствами. Неисполнение либо

ненадлежащее исполнение обязательств должно повлечь за собой наступление для нарушителя неблагоприятных последствий в виде санкций либо лишений, которые определяются законом и/или договором и наступление которых он должен опасаться.

Поскольку гражданское законодательство содержит весьма скромное количество норм о конкретных видах и размерах ответственности, предоставляя субъектам возможность самим определить их в договоре, то может показаться, что есть месту оптимизму. Участники сделки вправе сформулировать конкретные виды ответственности, независимо от того, указана ли такая ответственность в законах, применяя их в случае нарушения условий сделки. В частности, в договоре стороны могут предусмотреть несколько видов ответственности: за неисполнение обязательства в виде штрафа в размере определенного процента от цены договора либо в твердой сумме; в виде неустойки за каждый день просрочки; в форме возмещения убытков, определяемых согласно установленному в договоре принципу их расчета. Можно ли установить договором применение одновременно всех названных видов ответственности? Абзац 2 пункта 1 статьи 394 Гражданского кодекса РФ позволяет это сделать, указав, что договором возможно установление случаев, когда убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки. И это представляется оправданным, поскольку понуждает сторону договора, уклоняющуюся от исполнения своих обязанностей под страхом несения таких имущественных потерь, все-таки от недобросовестности перейти к добросовестности исполнения. Вместе с тем, другая норма Кодекса (пункт 1 статьи 400) допускает ограничение размера ответственности по отдельным видам обязательств путем введения в закон ограниченного права на полное возмещение убытков. При этом законодатель в Гражданском кодексе не называет каких-либо оснований для такого ограничения и не определяет последствия для субъекта, потерпевшего от действий (бездействия) нарушителя его прав, вызвавших возникновение убытков. По умолчанию, при наличии законодательного ограничения ответственности потерпевший субъект может остаться без полного возмещения. И действительно, в гражданско-правовом регулировании, например, корпоративных отношений, такие ограничения введены. Так, Федеральным законом от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (с последующими изменениями по состоянию на 28 января 2015 года), Федеральным законом от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ "Об акционерных обществах" (с последующими изменениями по состоянию на 7 апреля 2015 года) введены ограничения ответственности их участников. Предел размера ответственности - это стоимость доли или акций в уставном капитале общества. Учитывая, что для формирования уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью достаточно 10.000 рублей, а для акционерных обществ - 100 тысяч рублей, то можно представить себе мизерность и эфемерность такой "ответственности".

Следует отметить, что предусмотренное законодательством ограничение ответственности в корпоративных отношениях влечет за собой серьезные проблемы для контрагентов обществ, если участники общества, будучи недобросовестными, поставили перед собой задачу сделать так, чтобы общество, имеющее неисполненные денежные обязательства перед своими партнерами, избежало наступления реальной ответственности в форме фактической уплаты суммы долга. Для этого используются вполне правомерные способы. Не редко участники общества, являющегося должником перед своим контрагентом, понимая, что он обратится в суд и получит положительное решение о взыскании суммы долга в его пользу, создают другое общество с тем же или несколько иным составом участников. Затем между этими аффилированными обществами заключаются сделки, например, договор аренды имущества с условием о праве выкупа арендуемого имущества по остаточной стоимости, определяемой сторонами за вычетом уплаченных арендных платежей. Благодаря такому договору имущество законным путем переходит к обществу-арендатору, а общество-арендодатель благополучно выводит свой актив из-под внимания кредитора. Возможны также действия с использованием заемных отношений: первое общество дает второму обществу займы деньги или имущество, затем заемщик уклоняется от возврата займа. Закон не обязывает займодавца императивно требовать от заемщика возврата, поэтому стороны могут формально обменяться письмами с требованием вернуть займ и ответом на это требование о невозможности возврата по каким-либо причинам. В результате желаемая цель достигнута: общество-займодавец, он же должник по другому обязательству, законным способом "прикрыло" чужими правами имущество, на которое кредитор вправе претендовать при наличии решения суда о взыскании в его пользу долга. Понятно, что одновременно общество-должник предпримет усилия для того, чтобы на его счете в банке было минимальное количество денег либо не было вообще, поскольку на них в первую очередь будет обращено взыскание по решению суда, а затем, если денег на счете нет или их недостаточно, то дальнейшее взыскание ведет к имуществу должника, но к моменту исполнения решения суда у него нет и имущества. Далее благодаря Федеральному закону "Об исполнительном производстве в Российской Федерации от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (с последующими изменениями по состоянию на 7 апреля 2015 года) можно прекратить исполнительное производство. Статья 46 Закона, среди прочих оснований для возвращения исполнительного документа взыскателю после возбуждения исполнительного производства, предусматривает отсутствие у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание, и все принятые судебным приставом-исполнителем допустимые законом меры по отысканию его имущества оказались безрезультатными. Из данной нормы следует, что для судебного пристава основным фактором является отсутствие имущества у общества-должника, что позволяет остановить исполнительное производство, потому что ему законодательно перекрыты пути к собственному имуществу участников общества. Их ответственность, являясь субсидиарной в размере доли в уставном капи-

тале общества, без сомнения, не обеспечит восстановление нарушенных прав, как самого общества-кредитора, так и его участников.

Представляется, что необходимо, наконец, внести изменения в гражданское законодательство в части установления действительно работающего механизма наступления ответственности в корпоративных отношениях, которые весьма широко представлены в экономической сфере.

По мнению автора, солидарная ответственность более уместна в предпринимательской сфере. В силу статей 322-326 Гражданского кодекса принцип солидарной ответственности позволяет кредитору предъявить требование как ко всем должникам совместно, так и к любому из них, причем как в полном объеме нанесенного ущерба, так и в любой его части. Не получив полного удовлетворения от одного из солидарных должников, он вправе по тем же правилам требовать недополученное с остальных, которые остаются перед ним ответственными до полного удовлетворения его требований. Применительно к ответственности общества и его участников солидарная ответственность должна позволять кредитору предъявлять требование и к обществу, и к любому из его участников в одинаковом объеме. В таком случае участники, опасаясь обращения взыскания на их собственное имущество, будут заинтересованы в сохранении активов общества для того, чтобы оно смогло отвечать по своим обязательствам. Установление солидарной ответственности для участников корпоративных юридических лиц вполне справедливо, поскольку именно они должны нести ответственность за честное ведение деятельности. Те лица, которые проявили себя недобросовестными субъектами в обязательствах одного созданного ими общества, не должны иметь право создавать другое общество до тех пор, пока не уплатят долги.

Гражданско-правовая ответственность приобретает определенные свойства эффективности, если имеет место обеспечение исполнения обязательств. В предпринимательской сфере чаще всего для обеспечения субъекты применяют неустойку, указывая ее в договорах. При неисполнении обязательства неустойка из меры обеспечения исполнения трансформируется в меру ответственности. Если неустойка договорная, то ее размер зависит от соглашения сторон. Для взыскателя неустойки самым положительным моментом является отсутствие необходимости доказывать причинение ему убытков, достаточно доказанности факта просрочки исполнения обязательства. На первый взгляд, кажется, что неустойка поможет сторонам не беспокоиться по поводу неисправности друг друга в обязательствах, поскольку возможность ее применения стимулирует их действовать добросовестно. Однако повод для беспокойства все-таки существует. Статьей 333 Гражданского кодекса РФ предусмотрено право суда уменьшить неустойку, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Допустим, между субъектами заключен договор строительного подряда с условием о неустойке, подлежащей уплате за каждый день просрочки исполнения обязательства по своевременному окончанию строительства и просрочки исполнения денежного обязательства по оплате принятого по акту результата строительных работ. Подрядчик, своевременно передавший заказчику резуль-

тат строительных работ, не получил от заказчика оплаты. В течение двух лет подрядчик ожидал от заказчика оплаты, уповая на его обещания, но безрезультатно. Обратившись в суд, в исковом заявлении подрядчик заявил требования о взыскании суммы основного долга и неустойки за все время просрочки, размер которой ввиду длительности срока просрочки составил более половины суммы основного долга. Взыщет ли суд всю неустойку или уменьшит ее, руководствуясь статьей 333 Гражданского кодекса? Однозначный ответ невозможен, ведь в основу нормы законодатель положил субъективное восприятие суда о несоразмерности, благодаря чему субъективизм будет проявляться по-разному на всех стадиях рассмотрения дела - от первой до надзорной инстанций. Представляется, что такой подход к правовой оценке юридически значимого обстоятельства не способствует единообразному толкованию закона и, видимо, требует переосмысления. Понятие несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства необходимо наполнить правовыми критериями, а не усмотрением суда.

К проблемам, связанным с привлечением к гражданско-правовой ответственности, примыкает также и проблема возмещения вреда. Гражданское законодательство устанавливает различные основания для его возмещения. Имеются также и правовые нормы, устанавливающие ограничения по возмещению вреда, содержание которых дает основание считать их недостаточно совершенными. Так, статья 1066 Гражданского кодекса устанавливает, что не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были превышены ее пределы. Из текста нормы следует, что прежде чем требовать возмещения вреда, истцу в суде в порядке гражданского судопроизводства надо доказать, что ответчик, защищавший свое имущество от посягательства истца, вынужден был обороняться и при этом превысил пределы необходимой обороны. Однако вся проблема в установлении этих пределов. Абстрактно они следуют из статьи 10 Кодекса: предел нарушен, если у причинителя вреда было намерение причинить вред; либо причинитель вреда действовал в обход закона с противоправной целью; либо он злоупотреблял своим правом. Поможет ли данная норма определить превышение необходимой обороны или его отсутствие? Представляется, что руководствуясь статьей 10 Гражданского кодекса, мы не сможем установить истину. Гражданское законодательство не определяет понятие необходимой обороны. Такое понятие мы найдем в уголовно-правовых нормах. Так, в пункте 2 статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации установлено, что: "Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства". Из указанного можно сделать вывод, что причинение вреда чрезмерно большего по сравнению с характером и степенью опасности посягательства есть превышение пределов необходимой обороны. Однако оценка действий по превышению пределов необходимой обороны как уголовно наказуемого деяния, имеет свою специфику, не распространяющуюся одновременно на гражданско-

правовые отношения. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" акцентирует внимание судов на необходимость давать оценку таким обстоятельствам, как характер опасности, угрожавшей оборонявшемуся, его силы и возможности по отражению посягательства, а также все иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося (число посягавших и оборонявшихся, их возраст, физическое развитие, наличие оружия, место и время посягательства и т.д.). Понятно, что при рассмотрении гражданско-правовых споров о возмещении вреда в состоянии необходимой обороны суд не может руководствоваться подобными категориями. В свою очередь, исходя из позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (пункт 9 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 мая 2011 года № 145 "Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами" превышением пределов, но не необходимой обороны, а осуществления права с превышением пределов является нарушением принципов разумности и соразмерности причиненного вреда при отсутствии достаточных фактических оснований или для превышения пределов, не соответствие целям, на достижение которых были направлены соответствующие действия.

Из сказанного виден явно разноотраслевой подход к пониманию пределов. Указанная позиция высших судебных инстанций дает основание считать, что пределы осуществления гражданских прав и пределы необходимой обороны - различные понятия, но если первое содержится в Гражданском кодексе (пункт 1 статьи 10), то второе не может быть понято с позиции гражданского права. Поскольку, как было показано выше, уголовно-правовое понятие превышения пределов необходимой обороны не применимо к гражданским правоотношениям, возникающим в связи с причинением вреда, представляется, что статья 1066 Гражданского кодекса должна быть изменена путем ее корреспонденции с пунктом 1 статьи 10 и изложена в следующей редакции: "Не подлежит возмещению вред, причиненный при превышении пределов осуществления гражданских прав, определенных статьей 10 настоящего Кодекса".

Названные проблемы не исчерпывают весь спектр потребности дальнейшего совершенствования гражданского законодательства. Нельзя исключать того, что требуется пересмотр и Концепции 2009 года, явно отставшей в определенной части от сложившихся сегодня экономических отношений, регулирование которых невозможно без гражданского законодательства.

Использованные источники:

1. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, август 2011, № 08.

2. интернет-ресурсы: <http://www.civilista.ru/files/gk/concepicii/nedvijimost.pdf>; <http://www.garant.ru>; <http://www.consultant.ru/popular/ispolproisv>.

(e-mail: tverdovtv@mail.ru)

А.Ю. Дюпин - адвокат АПМО

Земельный вопрос №1 или "Кто первый встал, того и тапки" - не факт

Вот и вступили в действия изменения Земельного Кодекса Российской Федерации, основное начало которых было положено ФЗ-№171 от 23.06.2014 г.

Специализация по данному направлению в праве позволила отследить время предвкушения со стороны местных властей этих нововведений. А выразились они в непринятии решений, в установленные законом сроки: по предоставлению земельных участков, с зарегистрированным правом собственности на строение на нем, на условиях купли-продажи; по предоставлению земельных участков в аренду, даже уже после согласования схемы размещения участка на кадастровом плане (карте) территории; о продлении имеющихся действующих договоров аренды; о продлении действия решений комиссий по распоряжению земельными участками в муниципальном районе; и, наконец, затягивание принятия решения о предоставлении земельного участка в собственность или аренду. Вероятно, это было сделано специально с целью предоставления земельного участка на "новых" условиях, а именно - за максимально возможную цену.

А что же это за "новые условия" такие. В данной статье приведетесь лишь малая часть анализа и практики применения, а точнее возможного применения нескольких новых статей ЗК РФ, регламентирующих предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности без проведения торгов, в собственность или аренду для ведения личного подсобного хозяйства или индивидуального жилищного строительства.

Основным выводом является тот факт, что, обратившись с заявлением о предоставлении земельного участка в собственность или аренду, по "новым" условиям вы формально имеете право без торгов приобрести указанные права на земельные участки, с приведенными выше видами разрешенного использования по цене, не превышающей или близкой к кадастровой стоимости участка. А на деле Вас заставляют участвовать в аукционе.

Так, согласно статье 39.6. Земельного Кодекса РФ (Случаи предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду на торгах и без проведения торгов) **пункту 2** (Договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается без проведения торгов в случае предоставления :) **подпункту 15)** (земельного участка гражданам для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта, садоводства, дачного хозяйства, гражданам и крестьянским (фермерским) хозяйствам для осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности в соответствии со статьей 39.18 настоящего Кодекса;) **испрашиваемый земельный участок соответствует указанным, в вышеприве-**

денных нормах, основаниям предоставления земельного участка в аренду без проведения торгов. Схожие нормы регулируют предоставление земельного участка в собственность.

Однако, "злополучная" отсылка к статье 39.18, т.е. сами нормы этой статьи, лишают Вас первоочередного и единственного, касающегося только Вас права приобрести земельный участок, исключительно Вами. Также пропадает смысл словосочетания - "без торгов". На основании этой статьи, а именно п. 4 и п. 7: Граждане, крестьянские (фермерские) хозяйства, которые **заинтересованы в приобретении прав на испрашиваемый земельный участок, могут подавать заявления о намерении участвовать в аукционе.** В случае поступления в течение тридцати дней со дня опубликования извещения заявлений **иных граждан, крестьянских (фермерских) хозяйств о намерении участвовать в аукционе** уполномоченный орган в недельный срок со дня поступления этих заявлений принимает решение:

1) **об отказе** в предоставлении земельного участка без проведения аукциона лицу, обратившемуся с заявлением о предоставлении земельного участка, и о проведении аукциона по продаже земельного участка или аукциона на право заключения договора аренды земельного участка для целей, указанных в заявлении о предоставлении земельного участка;

2) **об отказе** в предварительном согласовании предоставления земельного участка лицу, обратившемуся с заявлением о предварительном согласовании предоставления земельного участка. В этом случае уполномоченный орган обеспечивает образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ и принимает решение о проведении аукциона по продаже земельного участка или аукциона на право заключения договора аренды земельного участка для целей, указанных в заявлении о предварительном согласовании предоставления земельного участка.

То есть, исходя из процедур предусмотренных "нововведениями" (ст. ст. 39.14, 39.15, 39.16, 39.17.), Вы, увидев "не отмежеванный", т.е. не поставленный на кадастровый учет "кусочек" земли, в черте населенного пункта, по правилам землепользования в данной местности и согласно Генеральному плану населенного пункта, Градостроительных правил, зонирования территории, которые предусматривают вид разрешенного использования земельного участка, который соответствует **классификатору видов разрешенного использования земельных участков**, утвержденному Приказом Министерства Экономического развития России от 01.09.2014 года № 540 № "Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков", вступившему в законную силу 24 декабря 2014 года, а именно соответствует Коду (числовому значе-

нию) вида разрешенного использования земельного участка № 2.1 (**Малоэтажная застройка** (индивидуальное жилищное строительство; размещение дачных домов и садовых домов)) и № 2.2 (**Приусадебный участок личного подсобного хозяйства**), имеете право его купить или приобрести право аренды без проведения торгов. (Прошу прощения за "за абракадабру", но это так должно быть)

Но, как только вы САМИ, за свой счет: подготовите схему расположения земельного участка, "не дай Бог" еще и огородите участок, чтоб показать, что Вы имеете намерение приобрести его; подадите заявление в местную администрацию о предварительном согласовании предоставления земельного участка - будет опубликована вся информация об участке и Вашем намерении приобрести на него права без торгов. Далее могут появиться (и появляются, и появятся) другие **заинтересованные лица**, которые, обладая большими финансовыми способностями, благополучно на аукционе приобретут этот участок. А вы, если не подадите заявку на участие в аукционе на приобретение прав на Вами же найденный и неоформленный или имеющийся, но не оформленный земельный участок, получаете ОТКАЗ. В том числе, отказ будет обоснован положениями нормы, предусмотренной п. 12 ст. 39.16 ЗК РФ - Уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов при наличии хотя бы одного из следующих оснований: 12) в отношении земельного участка, указанного в заявлении о его предоставлении, **поступило** предусмотренное подпунктом 6 пункта 4 статьи 39.11 настоящего Кодекса **заявление о проведении аукциона по его продаже или аукциона на право заключения договора его аренды** при условии, что такой земельный участок образован в соответствии с подпунктом 4 пункта 4 статьи 39.11 настоящего Кодекса и уполномоченным органом не принято решение об отказе в проведении этого аукциона по основаниям, предусмотренным пунктом 8 статьи 39.11 настоящего Кодекса.

То есть, "как не крути", а будешь участок приобретать на аукционе, если появятся заинтересованные лица. Будьте уверены - на "лакомые куски земли" непременно найдется группа лиц, заинтересованная в его приобретении в целях последующей перепродажи. Как не коррупционная составляющая... все по закону... Узаконили возможность "торжества капитала" и финансового неравенства.

А как быть тем, кто в силу своей юридической неграмотности, возраста, состояния здоровья не успел или кому "не дали" успеть оформить земельные участки, права на которые подтверждаются: постановлениями и решениями органов власти, приказами по совхозам, иными документами, подтверждающими предоставления таких земельных участков, которые еще не прошли кадастровый учет и по которым еще не были получены Свидетельства о государственной регистрации права собственности и не были зарегистрированы права аренды?

Представитель органа государственной власти, ответственный за принятие решения о предоставлении земельного участка, в одном из своих ответов, датирован-

ных мартом 2015 г., сообщил, что решения по данному вопросу, несмотря на, заявления, поданные до 01.03.2015 г., будут приниматься уже "по-новому", и все, что было сделано раньше, как например, схема размещения земельного участка с определением "тогдашних" видов разрешенного использования, подлежит "переделыванию".

Вот так оно и получается - "кто первый встал, того и тапки" - не факт.

О.Д. Ярошик - заведующий филиалом №30 МОКА, член Союза писателей России

О необходимости общественной экспертизы судебных постановлений, или Вновь о системных проблемах российского правосудия (продолжение, начало в № 4 за 2015 г.)

Совсем недавно в Пресненском суде Москвы по достаточному простому делу сложилась ситуация, которая, да простит автора читатель, не лезет ни в какие ворота. Суд, рассматривая гражданское дело по иску одного водителя к страховой компании и установлению виновности в дорожном происшествии другого (третьего лица по иску), не стал тратить свое очень уж загруженное время и себя утруждать установлением истинных обстоятельств происшедшего; не вызывая никого(!) из водителей и очевидцев и не допрашивая никого(!), на весьма сомнительных материалах административного дела назначил автотехническую экспертизу, поручив ее производству эксперту-оценщику лишь с сомнительным юридическим (!) образованием, получив такое же очень сомнительное заключение, исполненное еще более сомнительным экспертом, вышел в процесс и вынес свое решение.

Вниманию читателя представлен текст заявления представителя другого участника происшествия, которого суд таким вот образом делал виноватым.

Эта ситуация как в зеркале отражает то, что происходит сейчас в российских судах:

"3 декабря в ходе рассмотрения дела судом представителем водителя Быкова было заявлено ходатайство о вызове и допросе эксперта. Однако судом в удовлетворении этого ходатайства было отказано по следующим основаниям. По мнению суда, "представитель свои доводы не обосновал, экспертиза ясна и понятна". Иных аргументов у суда не было.

С таким утверждением председательствующего согласиться нельзя. Во-первых, 3 декабря 2014 года суду были представлены обоснованные и разумные доводы. Во-вторых, эти доводы, более чем исчерпывающие, сегодня представлены суду в письменном виде. Обоснованное письменное ходатайство на 8-ми листах текста представлено председательствующему. 3 декабря 2014 года Быков и его представитель непосредственно перед судебным заседанием были ознакомлены лишь с заключением проведенной по делу САТЭ, в ознакомлении с делом было отказано со словами: "У меня есть трое суток, получите в канцелярии". Между тем, рассмотрение дела было назначено на 5 декабря 2014 года.

4 декабря 2014 года Быков вновь прибыл в Пресненский суд с целью ознакомления с делом. Однако ему вновь было отказано в ознакомлении с материалами дела, вновь со ссылкой на эти предусмотренные "трое суток".

Подобные запреты и ограничения со стороны помощника судьи, которая не желает и не умеет разговаривать с людьми, при недоступности судьи, очевидно, из боязни

неделовых контактов, продиктованной борьбой с коррупцией, расцениваются не просто как нарушения законных прав и законных интересов участника процесса, которого умышленно, либо по торопливости и занятости делают виновным. Эти издевательские запреты и нарушения не выдерживают никакой критики и наводят на очень грустные размышления.

О каком доверии к правосудию может идти речь при таких обстоятельствах?

Суд выходит на свое решение после проведения "такой" экспертизы, в то время как Быков - третье лицо по иску - с делом до сих пор не ознакомлен, при этом он же в сопроводительном документе суда от 8.10.2014 года назван почему-то соответчиком.

Истец уточнил свои иски требования? Когда? На каком основании? Почему Быков и его представитель об этом не знают? Суду и иным заинтересованным лицам есть что скрывать?

Более того, Быков до сих пор даже не допрошен судом, как и многие участники ДТП и его очевидцы. При таких обстоятельствах назначение судом экспертизы и ее проведение вызывают как минимум удивление. Суд принял за основу материалы проведенного или абы как, или опять же умышленно, в интересах водителя Хомякова административного дела?

Но ведь на протяжении уже нескольких лет водитель Быков, который был незаконно и необоснованно привлечен дознанием ГИБДД к административной ответственности за совершение АП, предусмотренного частью 1 статьи 12.24 Административного кодекса, пытался добиться объективного и справедливого рассмотрения обстоятельств дорожного происшествия в ГИБДД.

Согласно **определению военного судьи от 28.01.2013 года о возвращении дела об административном правонарушении** по основаниям ст.ст. 29.1, 29.4 и 29.12 КоАП РФ, составление протокола об АП в отношении Быкова является преждевременным, поскольку имеющимися материалами дела не устранены сомнения в виновности иных лиц, кроме водителя Быкова, в совершении дорожного происшествия, в связи с чем протокол и другие материалы дела на основании пункта 4 части 1 статьи 29.4 КоАП РФ подлежат возвращению в орган, должностное лицо которого составило протокол об АП, для устранения неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела.

Итак, при таких обстоятельствах назначение судом экспертизы и ее проведение тем более вызывают как минимум удивление. Истребовал ли суд административное дело? Читал ли его эксперт-оценщик с сомнительным юридическим образованием (и вовсе не техническим), не имеющий никакой подготовки по экспертным специальностям 13.1. "Исследование обстоятельств ДТП" и 13.2 "Исследование технического состояния ТС".

Но ведь Суду нужно весомое и неоспоримое доказательство? Чтобы быстрее принять "обоснованное" решение? При этом какие-то там допущенные нарушения не являются существенными?

Очевидно, что работая в условиях конвейера (3 декабря этим судом было назначено 22 дела, из них - 20 по искам к "РЕСО-Гарантии", 2 декабря - более 20 гражданских дел по искам к этой же конторе), суд в силу загруженности лишен возможности выслушать внимательно каждого участника процесса.

Однако эта запредельная загруженность никаким образом не должна сказываться на качестве правосудия, законности при рассмотрении гражданских дел.

Итак, на протяжении нескольких лет водитель Быков, который был незаконно привлечен к административной ответственности за совершение АП, пытался добиться объективного и справедливого рассмотрения обстоятельств дорожного происшествия в ГИБДД.

Почему суд поступает так же незаконно и еще более изощренно?

Прошу председательствующего объективно вести процесс, дать разумную, законную и обоснованную, исчерпывающую и справедливую оценку всем доводам защиты".

Что же произошло потом? Это заявление защиты не было приобщено к материалам дела, так как "оно не являлось процессуальным документом", а судья расценила его как "попытку оказания давления на суд"; в вызове же и допросе всех лиц, в том числе и эксперта, а также в назначении повторной экспертизы судом было отказано. В прениях представитель водителя Быкова очень долго говорил, что при таких обстоятельствах установление виновности и решение будет не справедливым. Такое решение будет подрывать веру в правосудие и справедливое применение закона. Судья раздраженно делала вид, что внимательно слушает, тем не менее вынесла свое решение. Когда таким образом назначенный виновным в дорожном происшествии водитель и его представитель пришли в суд знакомиться с делом и получить наконец-то решение, помощник судьи ответила, что дела с решением уже сдано в канцелярию. Пошли эти жертвы правосудия в канцелярию, выстояли очередь, выяснилось, что дело вовсе не сдано и находится у судьи. Поднялись они к судье, спросили - в чем дело и почему. Помощник судьи искренне ответила: "Да я вам обоим вслед кричала, что дело не сдано, у меня еще есть время, но вы так торопились знакомится, что побежали в канцелярию". Судья, начиная свое другой очень торопливый процесс, поправляю мантию, мило улыбнулась при этом.

"Какое время? Сроки уже вышли, мы же специально ждали. Дайте решение. Мы до сих пор же не знаем, чего там даже написано", - униженно просили эти жалкие жалобщики. "Какие сроки? Вам же сказано, у меня еще есть время. Потом придете, в канцелярию", - улыбаясь, ответила помощник судьи. "Закройте дверь, не мешайте вести процесс. Вы мешаете правосудию", - строго заявила им судья...

Дождлся Быков, когда дело было сдано в канцелярию, вновь пришел туда, где его уже хорошо знали. По-

лучил ли он решение на этот раз? Оказалось, опять нет! Оказалось, судья забрала дело. Опять трое суток на оформление? Но при этом Быкову был установлен срок для подачи развернутой апелляционной жалобы...

Как же объяснить ситуацию, что Быков все никак не может получить решение и ознакомиться с ним? Мелкой такой вот мстостью, таких уж очень обиженных деятелей от правосудия? Типа, побегаешь тут у нас...

При этом что интересно. В решении суда было указано, что "это решение может быть обжаловано в апелляционном порядке в Мосгорсуд сторонами и другими лицами, участвующими в деле, через Пресненский районный суд в течение месяца".

Суд, руководствуясь статьями 224, 225, 323 ГПК, вынес определение об оставлении апелляционной жалобы без движения, в котором указал, что "жалоба в силу статьи 323 ГПК подлежит оставлению без движения, поскольку не соответствует требованиям статьи 322 ГПК, а именно: в жалобе не указаны требования, а также основания, по которым он считает решение неправильным, не приложен документ, подтверждающий оплату государственной пошлины". Суд предложил в срок до определенной даты устранить указанные в определении недостатки и указал, что "в случае не совершения заявителем предписанных действий в указанный срок жалоба будет считаться не поданной и подлежит возврату".

А когда Быков сумел все-таки получить свое решение? Как объяснить всю эту непорядочную игру со сроками?

Отказывая в заявленном отводе, судья Кирьянен Э.Д. указала: "Суд не усматривает оснований для его удовлетворения, так как не указаны обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии объективности и беспристрастности судьи в рассмотрении настоящего дела, все действия судьи совершаются в строгом соответствии с требованиями ГПК".

Отказывая в ходатайстве о назначении экспертизы, судья указала: "Как видно из заключения ранее проведенной по делу экспертизы, выводы эксперта являются конкретными и научно обоснованными, экспертом изучены материалы дела. По мнению суда, представитель не обосновал необходимость проведения повторной автотехнической экспертизы, как того требует часть 2 статьи 87 ГПК".

Там же было указано: "Ходатайство мотивировано тем, что имеются сомнения в правильности и обоснованности экспертного заключения, поскольку эксперт, проводивший судебную экспертизу, не имеет достаточной квалификации. В силу статьи 87 ГПК в связи с возникшими сомнениями в правильности или обоснованности ранее данного заключения, наличием противоречий а заключения нескольких экспертов суд может назначить по тем же вопросам повторную экспертизу, проведение которой поручается другому эксперту или другим экспертам. В определении суда о назначении дополнительной или повторной экспертизы должны быть изложены мотивы несогласия суда с ранее данным заключением эксперта и или экспертов.

Таким образом, повторная экспертиза назначается тогда, когда у суда возникают серьезные сомнения в науч-

ной точности выводов, содержащихся в экспертом заключении, слабой аргументации этих выводов, наличии противоречий в заключениях различных экспертов".

К чему эта игра с законом? С основаниями назначения экспертизы?

А как же требования закона?

Ведь согласно требованиям части 2 статьи 195 ГПК РФ суд должен основывать решение **только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании**; согласно части 1 статьи 196 ГПК суд обязан дать оценку доказательствам; в соответствии с частью 4 статьи 198 ГПК в мотивировочной части решения должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства.

В соответствии с требованиями статей 55 и 56 ГПК РФ доказательствами по делу являются **полученные в предусмотренном законом порядке** сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела; каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается на основании своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Когда растерянный водитель, он же третье лицо по иску, Быков со своим жалким адвокатом бегал с этажа на этаж, получая таким образом решение суда, он обратился с мотивированным заявлением в адрес председателя Пресненского районного суда, руководитель которого Найденов Е.М. так ответил многострадальному Быкову:

"В ответ на Ваше заявление, поступившее в Пресненский суд Москвы, сообщаю, что в соответствии со ст.56 ГПК суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Суд разрешает по существу заявленные ходатайства с учетом мнения иных сторон их представителей, **с учетом целесообразности их удовлетворения для рассмотрения дела**. Однако на суд не возложена обязанность удовлетворения ходатайств сторон. Кроме того, суд не вправе ограничить стороны в пользовании их процессуальными правами в полном объеме.

Вы не были ограничены судом в пользовании своими процессуальными правами, в том числе и правом подачи замечаний на протоколы судебных заседаний, правом заявления отвода председательствующему судье, правом обжалования судебных актов в суде различных инстанций".

Круг замкнулся? А как же слова председателя Верховного суда В.М.Лебедева:

"-Но почему?! Почему не исполняются решения Верховного суда?"

-Сейчас можно говорить - человеческий фактор. Плюс недопонимание законов некоторыми судьями.

-И какой выход вы видите?

-Если будет установлено, что служащий Фемиды грубо нарушил закон, проигнорировал его (не думаю, что он это сделал умышленно, но тем не менее), будем ставить вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности. Я другого выходы не вижу....(см. "... Развод по переписке", "МК", 3 декабря 2014 г.).

А как же руководящие указания этого же Верховного суда?

Ведь в соответствии с п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. №23 "О судебном решении" решение должно быть законным и обоснованным.

В соответствии с п.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. №23 "О судебном решении" решение является законным в том случае, когда решение принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (часть 1 статьи 1, часть 3 статьи 11 ГПК РФ).

Согласно п.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. №23 "О судебном решении" решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59-61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда решение содержит исчерпывающие доводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Вниманию читателя представлен запрос директору Палаты судебных экспертов РФ следующего содержания:

В ходе рассмотрения гражданского дела по иску Хомякова И.В. к ОСАО "РЕСО-Гарантия" об установлении виновности 3-го лица по иску Быкова В.В. в совершении ДТП и возмещении ущерба судьей Пресненского районного суда Москвы Кириянен Э.Д. 8 октября 2014 года была назначена САТЭ, проведение которой было поручено АНО "Центр по оказанию экспертных услуг".

Экспертное заключение и оценка дорожно-транспортной ситуации, являющейся предметом экспертного исследования, вызывают разумные и серьезные сомнения в их обоснованности.

Оценка дорожно-транспортной ситуации (ДТС), по мнению заявителя, заключается в следующем:

Водитель Хомяков совершил грубые нарушения Правил дорожного движения, которые выразились в движении автомобиля под его управлением по обочине, после чего во время перестроения в крайний правый ряд при возникновении опасности для движения - наличии автобусной остановки, пешеходов и стоявшего автомобиля -Хомяков совершил столкновение с автомобилем Быкова, что и явилось причиной последующих столкновений, причинения гражданам вреда здоровью

и имущественного ущерба.

Оценка заявителем выполненного заключения САТЭ, принятого судом:

8 октября 2014 года в рамках гражданского дела по иску водителя Хомякова к ОСАО "РЕСО-Гарантия" о возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП, Пресненским районным судом Москвы была назначена автотехническая экспертиза.

На основании судебного определения от 8 октября 2014 года было получено заключение САТЭ, выполненное экспертом АНО "Центр по оказанию экспертных услуг".

В соответствии с требованиями части 1 статьи 85 ГПК "Обязанности и права эксперта" эксперт обязан провести полное исследование представленных ему материалов и документов; дать обоснованное и объективное заключение...";

"В случае, если материалы недостаточны для проведения исследований и дачи заключения, эксперт обязан направить в суд, назначивший экспертизу, мотивированное сообщение в письменной форме о невозможности дать заключение".

Таким образом, по мнению заявителя, эксперт был обязан либо запросить у суда дополнительные материалы, либо направить в суд сообщение о невозможности дать заключение, однако не сделал этого.

Более того, при изучении полученного судом заключения можно прийти к выводу, что эксперт вообще не был знаком с материалами административного дела в полном объеме, либо ему были представлены лишь некоторые материалы, либо экспертом были изучены и приведены в заключение лишь те материалы, которые ему были выгодны для обоснования его выводов, весьма далеких от объективности.

Эти доводы водителя Быкова - третьего лица по настоящему иску подтверждаются следующим:

В определении от 8 октября 2014 года судом было указано: в распоряжение экспертов предоставить материалы гражданского дела. Указание о предоставлении дела административного в определении отсутствует. Между тем, в заключении эксперта указано, что ему были предоставлены материалы гражданского дела и диск с информацией (!?).

Кроме того, заключение и выводы полученной экспертизы являются необоснованными и незаконными по следующим основаниям:

1. Эксперт имеет юридическое образование, при этом полученное в неизвестном, а потому сомнительном ВУЗе;

2. Стаж работы эксперта исчисляется с 2007 года, в то время как эксперт берется за проведение достаточно сложной экспертизы по делу о ДТП с участием 5-ти автомобилей;

3. Однако этот стаж эксперт имеет лишь в области оценочной деятельности, но не судебной автотехники и трасологии;

4. Эксперт прошел обучение лишь на курсах профессиональной переподготовки экспертов-техников (даже не автотехников!), диплом от 24.10.2013 года, т.е. всего год назад (Специальность 13.4 ("Исследование ТС в це-

лях определения стоимости восстановительного ремонта и остаточной стоимости"), т.е. в области оценочной деятельности;

5. Эксперт имеет сертификат по экспертной специальности 13.3 ("Исследование следов на ТС и месте ДТП (транспортно-трасологическая диагностика)") за №005874 22.10.2014 года;

6. Эксперт имеет подготовку лишь по специальности 13.3 ("Исследование следов на ТС и месте ДТП (транспортно-трасологическая диагностика), а также технического состояния дороги, дорожных условий на месте ДТП"; при этом название специальности экспертом приведено в заключении не полностью;

7. Эксперт не имеет подготовки по экспертным специальностям 13.1. "Исследование обстоятельств ДТП" и 13.2 "Исследование технического состояния ТС";

8. На разрешение эксперта поставлены 6 вопросов - три в области судебной автотехники (не трасологии) и три в области оценочной деятельности, в чем, судя по всему, эксперт весьма преуспел;

9. Эксперт вышел за пределы поставленных ему вопросов и провел исследование в области трасологии;

10. Вопросы 1-3, поставленные судом на разрешение, сформулированы как правовые, в связи с чем эксперт не вправе отвечать на вопросы, поставленные в такой редакции; при этом фамилии водителей в определении суда даже не названы;

11. Эксперт, который не имеет ни технического образования, ни специальной подготовки по 2-м экспертным специальностям судебной автотехники провел исследование и пришел к выводам, которые не являются обоснованными прежде всего потому, что ответы эксперта (выводы) носят юридический (правовой) характер, что является недопустимым. Это тем более странно, что эксперт, как он утверждает в разделе Заключения о своей личности, образовании и подготовке, имеет сертификат, полученный в Палате судебных экспертов (однако все это имеет отношение к его оценочной деятельности);

12. Выводы эксперта являются как минимум странными, а именно: "Водитель Быков должен был руководствоваться всеми пунктами ПДД, в особенности п.п. 1.5, 8.4 ПДД"; "Водитель Кузнецов должен был руководствоваться всеми пунктами ПДД, в особенности п.п. 9.10, 10.1 ПДД"; 13. Эксперт не затребовал дополнительные данные в качестве исходных, что обязан был сделать, и ответил на вопрос следующим образом:

"Соответствовали ли действия Старостина и Хомякова п.10.1 ПДД, установить материалами гражданского дела не представляется возможным из-за отсутствия исходных данных для рассмотрения скорости движения ТС перед столкновением";

14. Выводы и оценка, данные экспертом, являются правовой, очевидно, как сформулировано судом; по принципу, каков вопрос таков и ответ (например, что "в полной мере послужили причиной ДТП". Какой мере? Полной? Это юрист писал, или эксперт-автотехник? Или эксперт-оценщик?).

При таких обстоятельствах заключение эксперта АНО "Центр по оказанию экспертных услуг" является необоснованным, несостоятельным и недопустимым.

Такое заключение не может быть положено в основу

выводов суда о виновности водителя Быкова и судебного решения о возмещении ущерба.

В соответствии с требованиями статьи 6 ("Соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица при осуществлении государственной судебно-экспертной деятельности") **Федерального закона от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"** лицо, полагающее, что действия (бездействие) государственного судебно-экспертного учреждения или эксперта привели к ограничению прав и свобод гражданина, вправе обжаловать указанные действия (бездействие) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации" (часть 3 статьи 6 ФЗ от 31 мая 2001 года).

В связи с изложенными обстоятельствами и руководствуясь ст.6 **Федерального Закона от 31 мая 2002 года "Об адвокатской деятельности и адвокатуре"**, ст. 6 **Федерального закона от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"**, прошу Вас рассмотреть настоящее обращение и дать обоснованные ответы (разъяснение) на следующие вопросы:

1. Имеются ли основания утверждать, что представленные эксперту при таких обстоятельствах данные в качестве исходных являются недостоверными?

2. Вправе ли при таких обстоятельствах эксперт принимать за основу объяснение водителя Хомякова без учета иных данных и обстоятельствах дорожного происшествия?

3. Вправе ли эксперт проводить экспертизу в отсутствие показаний участников и свидетелей, не допрошенных судом в рамках гражданского дела?

4. Обязан ли эксперт учитывать показания допрошенных судом участников дорожного движения и очевидцев ДТП, имеющиеся в материалах дела, однако не указанные судом в определении о назначении экспертизы? Являются ли такие показания исходными данными для эксперта?

5. Усматриваются ли при производстве САТЭ по настоящему делу иные нарушения требований Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", Инструкции по организации производства судебных экспертизы и Гражданско-процессуального кодекса, изложенные в настоящем обращении?

6. Является ли всесторонней, полной и обоснованной проведенная экспертная оценка причин и обстоятельств дорожного происшествия с участием водителей Хомякова, Быкова и других?

7. Является ли правильной и обоснованной оценка заявителем проведенного таким образом и при таких обстоятельствах заключения САТЭ?

Необходимо отметить, что при рассмотрении административных дел у гражданина меньшая процессуальная защищенность, именно поэтому он надеется на правосудие в процессе гражданском....

Настойчивый гражданин Быков повторно обратился к председателю Пресненского суда и просил дать мотивированный, законный и обоснованный, исчерпывающий ответ по существу своего обращения и всем его пунктам в соответствии с требованиями ГПК РФ, руководящих указаний Верховного суда и разъяснений его председателя...

Он просил обоснованно ответить на вопрос -

Почему судья рассматривала дело так, чтобы обеспечить вынесение заведомо незаконного судебного решения?

Что еще поражает в сегодняшнем правоприменении? Судьи воспринимают действия и поведение умеющего себя защищать гражданина и квалифицированного, а потому уверенного в своей правоте и поэтому независимого адвоката как личное оскорбление. Когда же адвокат ведет себя, не ссорясь, поддакивая им и кивая, суд и прокурор смотрят на него уже не со злобой и ненавистью, а по меньшей мере снисходительно. Вынужденно терпят...

Из надзорной жалобы заявителя по другому делу об установлении виновности:

"Все мои доводы по существу не рассмотрены и никакая оценка, и не только по существу, им вообще не дана. А довод о том, что "выводы эксперта согласуются с материалами дела и пояснениями сторон", является глубоко ошибочным.

Эти выводы согласуются лишь с пояснениями другого водителя, лишь объяснения которого почему-то были приняты экспертом в качестве исходных данных и положены в основу его выводов. Более того, выводы эксперта не только не согласуются с материалами дела, они опровергаются этими материалами дела и пояснениями свидетелей, допрошенных судом. Именно поэтому доводы Судебной коллегии являются необоснованными. Именно поэтому я категорически не могу согласиться с тем, что апелляционная инстанция указала: "Разрешая заявленный спор, суд обоснованно с учетом положений ст.ст.15,1064,1079,151 ГК РФ пришел к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований, поскольку суду в нарушение требований ст.56 ГПК РФ истцом не представлено достаточных доказательств, подтверждающих вину ответчика в ДТП, и наличие соответствующих нарушений в его действиях" и "доводы, изложенные в апелляционной жалобе, не содержат фактов, которые бы не были проверены и не учтены судом первой инстанции при рассмотрении дела и имели бы юридическое значение для вынесения судебного акта по существу, влияли на обоснованность и законность судебного решения, либо опровергали выводы суда первой инстанции, в связи с чем признаются судебной коллегией несостоятельными".

Так почему же такие экспертизы сегодня положены судом в основу принимаемых решений?

Качество экспертных исследований, а потому - судебное упрощенчество? Нет других экспертов, и тем более нет других судей? Или потому, что, как следует из письма экс-председателя Совета судей РФ Ю.И.Сидоренко

Генеральному директору Судебного департамента при ВС РФ **вопросы, связанные с проведением такого процессуального действия как судебная экспертиза, существенным образом влияют на деятельность судов по осуществлению правосудия, поскольку от этого зачастую зависит законность и обоснованность решения по конкретному делу.**

Совсем недавно некие представители в гражданском процессе по иску еще более известного юриста и более чем успешного законодателя В.Жириновского представили в суд в обоснование свои доводов "Заключение специалиста", выполненное на бланке ООО "Агентство независимых экспертиз". Несказанное удивление и даже оторопь вызывает это заключение, представленное в суд представителями лидера ЛДПР (см.: "Позорная экспертиза", "МК", 28, 29 ноября 2014 г.). Прежде всего своим качеством, полнотой и объективностью исследования "эксперта", имеющего "профильное" образование и "надлежащую" подготовку. Как это напоминает весьма грустную ситуацию, когда на основании постановления председателя Раменского суда городского суда по весьма сложному уголовному делу повторную, а не какую-нибудь там, экспертизу, проводил эксперт с высшим лесотехническим образованием, в прошлом сотрудник ДПС, работающий в экспертном институте, письменно рекомендованном Судебным департаментом всем судам России для проведения особо сложных экспертиз. Чем этот институт отличается от этого ООО с громким названием "Агентство независимых экспертиз", в котором математик с сомнительной профессиональной подготовкой (двухгодичные курсы греко-латинского кабинета некоего гражданина) проводит лингвистическую экспертизу? Вот такой вот уровень...

Ольга Богуславская пишет о том, что предложение председателя КС РФ - очень интересное, и размышляет. Вот, скажем, человек недоволен решением суда. Как быть? Обращаться в какую-нибудь общественную комиссию, чтобы эта комиссия провела общественную экспертизу? А кто будет в комиссии? Общественные деятели? А как же эти деятели могут провести полноценную экспертизу - профессионально проанализировать судебное постановление в состоянии только юрист (Прим. авт.: это происходит далеко не всегда, а если этот юрист проанализирует все как положено, то этот анализ вовсе не поможет. Пример тому - гражданское дело Зубиевой, в основу которого была положена также весьма незаконная, необоснованная и потому сомнительная экспертиза).

И что потом делать с выводами этой общественной экспертизы? Прибить на стену в рамочке, справедливо спрашивает О.Богуславская?

Вообще-то экспертизой судебного постановления занимается вышестоящая судебная инстанция. И в том-то все и дело, что судебное решение, принятое судом первой инстанции, - это фактически окончательное решение, потому что статистика неумолимо показывает: количество отмененных судебных решений - цифра геопатическая.

Правовая машина (а может, непонятная система) не работает. Вышестоящий суд в подавляющем большинстве случаев "засиливает", говоря на языке юристов, решение, принятое судом первой инстанции. Никто ничего не анализирует, никакие аргументы в расчет не принимаются, и люди, по наивности предполагающие, что наверху разберутся, после всех обжалований и апелляций получают последний сокрушительный удар, справиться с которым невозможно. Когда человек осознает, что никто его не слушает и слушать не собирается, а больше обращаться некуда, он наконец осознает свою полную беззащитность. И о каком доверии к правосудию может идти речь? Переезд Верховного суда России из Москвы в Петербург - это и есть судебная реформа? Вместе с Верховным судом в Петербург все наши беды просто передут на новое место жительства. Можно перенести скачок цен и галопирующий курс валют, но уговорить поверить в суд, который штампует решения, не в силах никто. И ладно бы речь шла о стрельцах, вольтерьянцах или декабристах. Тут есть хоть какое-то объяснение: политика. Но даже слушание самого обыкновенного дела быстро доводит до сознания человека, что он - ноль.

Ольга Богуславская приводит весьма простой пример по такому же простому гражданскому делу гражданина, которого она называет просто - Чайников. Простейшее дело и при этом полное бездействие председательствующего, который, наверное, просто не хочет устанавливать истину. Зачем? Так ведь проще?

Это что, высшая математика, справедливо спрашивает О.Богуславская? Нужны сложные экспертизы? Нужно, чтобы машина работала. А она не работает. И как быть? Биться головой о стену суда? Вот такие розы растут у нас без удобрений, и других роз у нас для вас нет. (см.: О.Богуславская, "Черная роза - эмблема судейства", 29 ноября 2014 г.).

Общественность может помочь несколько в другом. Получив жалобу (заявление, обращение) гражданина, права которого нарушены, или его представителя, который по разным причинам исчерпал свои возможности, подготовить свое обращение (запрос), имеющее определенный статус для исполнения. Вопрос куда, в чей адрес готовить такое обращение? С каким его качеством? "Ведь жаловаться можно на все, но с ожидаемым результатом на что?". Или кому? Начальнику ГСУ, который или оставит его без ответа (дело водителя Староверова), или направить его тому должностному лицу, действия которого обжалуются? Обоснованные представления общественности в адрес нерадивого следователя, который систематически нарушает УПК, проводит расследование тайно (например, назначая без ведома заинтересованных лиц свои, одному ему ведомые, экспертизы, которые потом для него же являются основанием принятых незаконных и необоснованных решений), а также расследует обстоятельства некачественно и односторонне, в интересах одного лица, нарушая права и законные интересы другого, оставляет мотивированные обращения граждан и их представителей без надлежащего разрешения и даже ответа, - должны быть объективно и всесторонне, с оценкой

всех доводов заявителей, разрешены специально уполномоченными на то лицами на уровне главных управлений МВД (областных, краевых), следственного комитета и прокуратуры.

Если же процессуальные решения такого следователя систематически отменяются как незаконные, неполные и необъективные, он тем более должен быть отстранен от такого следствия (проверки) и привлечен к строгой дисциплинарной ответственности с выяснением мотивов, причин, оснований и последствий такой его деятельности.

Сегодняшнее же предложение о привлечении общественности к осуществлению контроля и надзора выглядит просто смешно. Даже опытному и квалифицированному адвокату обходимо обладать определенными знаниями и, что еще более важно, известной профессиональной настойчивостью, чтобы отменять уже то, что сделано нерадивым и зачастую заинтересованным следователем и его начальником.

Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин говорит о необходимости **общественной экспертизы**, однако не предлагает даже никакого механизма реализации этого предложения. Почему опять какой-то популизм? Очередная работа на публику? Которой надо что-то сказать.

Глава президентского совета по правам человека (СПЧ) Михаил Федотов говорит о том, что "защита прав человека - это общая задача государства и общества. Мы не должны за права бороться друг с другом. Мы должны бороться вместе за то, чтобы наши сограждане были в максимальной степени защищены".

Совсем недавно были подведены предварительные итоги года по борьбе с коррупцией. Главными коррупционерами, как всегда, оказались медики (около 600) и милиционеры (примерно 800). Была проведена конференция Главы Комитета по борьбе с коррупцией. Было проведено специальное заседание по этому случаю Общественной палаты РФ. Придумана, например, программа "Мир без коррупции". Участвовать в ней может каждый - от студента до пенсионера. Надо, например, перестать брать зарплату в конвертах, советуют в Общественной палате. Так мы поборем коррупцию. А с 2015 года учиться борьбе с коррупцией по-российски будут уже в младших классах - в целях просвещения населения запускается проект "Школа антикоррупционного права". В вузах уже создаются "студенческие отряды против коррупции". В 2015-м борьба с коррупцией должна приобрести всенародный размах - силами студотрядов и школьников мы победим "дураков и дороги", пообещали в Общественной палате.

В наступившем 2015-м нас ждет еще больший размах коррупции - в канун Нового года принято немало законов, с которых стричь купоны проще простого. На днях ужесточили миграционное законодательство в отношении украинцев, у которых положение становится хуже, чем у узбеков. Медведев пару недель назад сказал практически прямым текстом: "Будем ужесточать, чтобы они сюда не ездили". Правильное ли это решение?

Там же отмечается, что заметное ухудшение происходит в судебной системе. "Раньше хотя бы была видимость состязательности. Хотя бы формально вели дела". Дословно: "У чиновников и правоохранителей в связи с экономическим кризисом премии урезаются, доходы падают. А расходы, как и у всех россиян, растут. Что им остается делать?", или "Судьи открыто говорят, что никакие они не независимые - кому-то квартиру обещала дать администрация, у кого-то иная заинтересованность. Или просто страх - вдруг уволят. А люди молчат" (см. "Борцы с коррупцией разошлись не на шутку", "Мир новостей", 6 января 2015 г.).

И вот борьба с этим устойчивым российским явлением должна вестись общественниками - силами стройотрядов и школьников? Это уже серьезно. И грустно, и смешно. Может, пора присвоить какой-нибудь порядковый номер этой палате? И создать другую?

Между тем, А.Бабушкин, член СПЧ и ОНК Москвы отмечает, что сейчас судьи продлевают аресты автоматически и **чаще, чем прокуроры до 2002 года, когда был принят ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс.**

(Прим. авт.: На вопрос: **"Но почему?! Почему не исполняются решения Верховного суда?"**, председатель ВС РФ отвечает: "Сейчас можно говорить - человеческий фактор. Плюс недопонимание законов некоторыми судьями". Что же это за судьи, которые недопонимают законы и тем более не выполняют требования Верховного суда?)

Судам бы посмотреть: а не заявляет ли следствие ходатайство о продлении меры пресечения по тем же основаниям, что и в прошлый и позапрошлый раз. Однако подобные мелочи суду почему-то не интересны. Каждый десятый арестант не видел следователя по несколько месяцев. При этом чем выше уровень следственного органа, тем больше нарушений он допускает. Много претензий высказывается к Следственному департаменту МВД. А следователи уровнем ниже приходят к выводу: если уж на том уровне допускают нарушения, то и нам можно.

Суды предпочитают играть на стороне следователя. Даже если устанавливается неправомочность действий следователя, то частное определение в его адрес, как правило, не выносится.

(Прим. авт.: "В 2014-м году 30 арестантов медкомиссии рекомендовали освободить из-под стражи по причине тяжелой болезни. Однако суд удовлетворил только 21 такое ходатайство". См.: "МК", 22 января 2015 г., Редчайший случай, чтобы медкомиссия "вышла" в суд с таким ходатайством. Так значит, все-таки судьи проявляют подобное непонимание?).

Суды жаждут уважения и независимости. Но независимость начинается не с того, что судью за его проделки невозможно привлечь ни к какой мыслимой или немислимой ответственности.

Эта независимость начинается с того, что судья научится не быть на подхвате у следователя или прокурора.

Отмечаются и многочисленные нарушения в ФСКН - от содержания голодных и избитых людей в отделах до

использования в качестве понятых одних и тех же наркоманов, которые кочуют из дела в дело.

Стиль работы этой службы должен быть изменен, иначе из борца с наркобизнесом она превращается в борца с неумными подростками, вовлеченными в наркооборот, и мнимыми наркодиллерами, чуть ли не треть которых - люди, имевшие несчастье одолжить деньги наркоманам, которых те подставили, выдав за распространение наркотиков.

Сейчас в правоохранительных органах трудится много людей низкого профессионального уровня, для которых пытка - единственный способ получить нужную им информацию. Чем ниже уровень следователя, тем выше соблазн выбить показания.

Виновато законодательство, не регламентирующее права членов СПЧ. Необходимо изменить саму тональность законодательства об общественной контроле. Из бедных родственников и просителей общественники должны превратиться в тех, кто имеет право вносить требования, предостережения и представления. Необходимо также придать членам СПЧ статус субъектов общественного контроля. (см.: "Так сидеть нельзя!", "МК", 21 ноября 2014 г.).

В настоящее же время недобросовестное следствие, уверовав в одну версию, подгоняет все доказательства под придуманные обстоятельства происшедшего, зачастую абсолютно ничем не подтвержденные.

Все это умножается на вопиющую безнаказанность следователей, которых и упрекнуть-то нельзя, потому что действующий УПК не предусматривает объективности, всесторонности и полноты расследования, то есть установления всех обстоятельств уголовного дела.

Последний пример следственной практики. Два деклассифицированных элемента из Талдомского района Московской области совершили как минимум хулиганство и причинение вреда здоровью и имуществу двух пенсионеров (все это достоверно подтверждается), после чего вечером вернулись, один из них был застрелен. Из материалов дела: "Дорофеев, вступив в конфликт с Беловым и Балашовым в своем доме произвел два выстрела из заряженного картечью ружья в сторону улицы, умышленно с целью убийства двух человек и осознавая, что совершает действия, опасные для жизни и общественноопасным способом...". Изначально дело хотели квалифицировать как неумышленное убийство. Но потом Дорофеева обвинили по всей строгости. А все потому, что Балашов дал показания, что он за забор к Дорофееву не перелез (только встал на ручку двери, подтянулся, но потом передумал), на территорию к нему ногой не ступал. Казалось бы, чего проще это установить? Но следователь почему-то осмотр места происшествия сделал не в этот же день и не на следующий, а через четверо суток, да еще когда прошел сильный дождь. Сам Дорофеев нашел под кустом сирени у себя на участке кепку, которая подтверждает, что один из двоих точно к нему на территорию залезал. Но следователь этот факт почему-то вообще во внимание не принял, экспертизу кепки назначить отказался. А еще Балашов настаивает, что он был трезв, и опровергнуть это нечем - он ведь убежал с места трагедии, вернулся только

спустя несколько дней и экспертизу на алкоголь не стал проходить.

"Ситуация вроде бы ясна, - комментирует замначальника отдела МУРа по борьбе с оргпреступностью А.Комаров. - Двое беззащитных пожилых людей с одной стороны. И двое хулиганов, которые пытаются проникнуть на чужой участок уже после того, как их победа над стариками фактически состоялась, - с другой. Совершенно естественная реакция человека - защищаться. В подобных случаях дела квалифицируются как "необходимая оборона", либо, на худой конец, как "неумышленное убийство". Почему на этот раз следствие отказывается это сделать - непонятно. Мне кажется, дело в низкой квалификации следственных работников. Сначала они неграмотно произвели осмотр места происшествия, а потом уже стали спасать честь мундира (см.: "Стар, стрелять буду!", "МК", 21 января 2015 г.).

Итак, неграмотность, непрофессионализм, нежелание работать своевременно, а потом - деятельность просто с целью улучшения отчетных показателей своей деятельности. Доказали, мол, тяжкое преступление. И никакой объективности и справедливости здесь нет. Но, главное, вот эта безнаказанность порождает вседозволенность...

Весьма осложняется ситуация в сегодняшнем правоприменении и тем, что именно прокурор, а не руководитель следственного отдела утверждает обвинительное заключение перед направлением дела в суд для его рассмотрения по существу. На практике это означает, что прокурор связан тем, что он утвердил, и в судебном заседании он, вопреки здравому смыслу, поддерживает даже то, что разваливается прямо на глазах у участников процесса.

Умножается это все и на слабый профессионализм сегодняшних следователей и их амбициозных начальников. Однажды на столе у руководителя управления криминалистики Следственного комитета автор увидел письменные указания, среди прочих там было написано следующее: "осмотреть вещественные доказательства, назначить экспертные исследования, получить и приобщить к делу заключение судмедэкспертизы". На недоуменный вопрос был получен обескураживающий грустный ответ: "Если я этого им не напишу, они этого не сделают".

Есть еще одна весьма серьезная проблема, кем-то сегодня уж очень хорошо придуманная. К материалам дела (проверки) почему-то не приобщаются (не подшиваются) жалобы, заявления и ответы на них. Это значит, есть, что скрывать. Теряется движение дела, его анализ, недостатки в расследовании, суть процесса обжалования. Эту порочную практику надо менять. Если уж речь идет о гласности как об одном из условий и признаков демократии, то почему же тогда расследование по очевидным делам без всяких на то веских причин становится тайным? Опять же, где же ваша состязательность, господа?

Другая проблема. Вновь элементарная неграмотность, за которой прячется заинтересованность. "Оказалось, что во время следствия не была проведена баллистиче-

ская экспертиза. В суде об этом рассказал судмедэксперт. Еще во время следствия перед ним поставили вопрос: с какого расстояния обвиняемый стрелял в потерпевшего. Специалист ответил, что это вопрос для баллистической экспертизы. Но экспертизу так и не назначили. Почему? В суде оперативный дежурный ГУВД сообщил, что, когда он принимал оружие полицейских, в pistolaх не хватало двух патронов. При этом одну из гильз так и не нашли (см.: "Географа мог убить не "школьный стрелок"? Неожиданный поворот в громком деле о февральской стрельбе в московской школе №263", "КП", 2014 г.).

Что же произошло? Руководитель управления криминалистики не дал письменных оказаний по этому громкому делу? Так вроде и дело это расследовали отнюдь не студенты-практиканты...

Или другая ситуация, по другому громкому делу, когда игнорируются показания прямых, непосредственных и многочисленных очевидцев, абсолютно незаинтересованных в ходе и исходе и авиационной катастрофы и уголовного дела. "И это только часть "странностей", оставшихся за бортом официального разбирательства", - пишет автор публикации. (см.: "Разбор полета. Разгадка причин авиакатастрофы, в которой погибла команда "Локомотив", возможно, лежит не в технической, а в политической плоскости", "Совершенно секретно", №34, 30 декабря 2014 г.).

Почему-то далеко не всегда органами сегодняшнего следствия исполняются указания прокурора. "Назначить и в точном соответствии с требованиями закона провести по делу повторную комплексную судебную военно-техническую экспертизу с постановкой на разрешение экспертов всех подлежащих выяснению экспертным путем вопросов, имеющих значение для принятия по делу правильного и объективного решения" (так пишет прокурор). Однако у следователя свое видение, о чем он сообщает потерпевшим и говорит, что назначит все равно экспертизу дополнительную

В постановлении прокурора Алабинского гарнизона от 29 октября 2014 года указано буквально следующее:

"Постановление заместителя Московского городского военного прокурора от 3 июля 2014 года содержит указание на необходимость проведения по уголовному делу повторной комплексной судебно-уставной и технической экспертизы, которая проведена не была. Вместо нее следователем назначена и проведена дополнительная техническая экспертиза, не затрагивающая вопросов военно-уставного характера, заключение которой также не соответствует требованиям пункта 9 части 1 статьи 204 УПК РФ, поскольку в нем отсутствует исследовательская часть с указанием на содержание и результаты проведенных исследований с указанием на письменные методики, вследствие чего ответы экспертов на поставленные перед ними вопросы носят характер голословных утверждений и не являются научно-обоснованными и мотивированными (в частности, не мотивирован вывод о том, что выполняемые под управлением подозреваемого работы по планированию местности относятся к категории сложных и т.д., а вывод о причинно-следственной связи между действиями по-

дозреваемого и наступлением смерти потерпевшего в компетенцию экспертов не входит).

Одновременно с этим назначение производства дополнительной технической экспертизы не в государственное экспертное учреждение, а работникам военного училища, выпускником которого является подозреваемый, дает основания ставить под сомнение объективность данного ими экспертного заключения по мотивам возможной заинтересованности в исходе дела...

Обосновывая принятое решение об отсутствии в действиях других должностных лиц состава преступления, следователь ограничился лишь приведением показаний перечисленных военнослужащих об обстоятельствах события, повлекшего гибель потерпевшего. При этом иных доказательств невиновности указанных лиц в совершении халатности, в т.ч. документальных, а также допустимых экспертных исследований (за исключением не соответствующего требованиям ст.204 УПК РФ заключения) в постановлении не приведено".

В связи с изложенным, а также явной заинтересованностью должностных лиц в ходе и исходе дела, сокрытием истинных обстоятельств происшедшего, стремлением виновных уйти от ответственности за содеянное потерпевшие обращаются к председателю Следственного комитета, надеясь на его вмешательство. Когда прекратится подобное "ручное управление" следствием?

По другому делу, на этот раз в Москве, следователи полиции получили указание своего Главного следственного управления назначить экспертизу, на разрешение которой необходимо было поставить три вопроса для выяснения обстоятельств происшедшего. Однако вместо этих трех вопросов на разрешение экспертов они поставили всего один. Другие забыли. Также забыли сказать, что эта экспертиза уже давно была исполнена... Потом следователи были весьма удивлены, когда на эту их забывчивость представитель потерпевших обратил их важное внимание...

Отдельная тема - это жалобы в порядке ст.125 УПК РФ. Почему-то именно в тот день, когда потерпевшая Демина, отчаявшись, обратилась в суд с жалобой на действия и бездействие следствия, начальник Следственного отдела УМВД по Ленинскому району Тульской области Григорьева Е.В. отменила очередное, многочисленное и последнее постановление следователя как незаконное и необоснованное. Что мешало сделать ей это раньше, несмотря на многочисленные к ней обращения? Суд, руководствуясь одному ему известными своими требованиями, весьма далекими от справедливости, жалобу потерпевшей оставил без рассмотрения. А по существу ее он вообще не рассматривал. Так потерпевшие (именно потерпевшие, о виновных лицах речи нет!) вновь становятся заложниками вседозволенности и безнаказанности должностных лиц, теряют веру в правосудие и справедливое применение закона.

А ведь еще в 2007 году некоторые авторы, ссылаясь на судебно-следственную практику, писали, что на

стадии досудебного производства роль защитника ничтожна: ходатайства не удовлетворяются, уголовные дела не прекращаются. В судах дела идут не лучше: 1% процент оправдательных приговоров в 2006 году - это обвинительный приговор российской судебной системе. Суд чаще всего выполняет функцию органа уголовного преследования и выступает на стороне обвинения. Принцип состязательности, как правило, не соблюдается, поскольку судья и прокурор на "судебном ринге" нередко вместе "колотят" защитника. Сторона защиты может успешно состязаться с прокурором, но состязаться одновременно с судом и прокурором - дело безнадежное. Судьи тоже вряд ли довольны системой осуществления правосудия, поскольку их независимость существенно ограничена. Но следственно-прокурорских работников, которые фактически "доминируют на поле" уголовного судопроизводства, такая система вполне устраивает. Можно поверхностно расследовать уголовное дело, предъявить любое обвинение без риска, что дело будет возвращено на следствие или для перепредъявления обвинения. Можно невиновного по ошибке привлечь к уголовной ответственности, ведь, если понадобится, суд вынесет самый мягкий обвинительный приговор или прекратит уголовное дело по нереабилитирующим основаниям. Если же какой-нибудь "непослушный" судья выносит оправдательный приговор либо не разделяет позицию прокурора, то приговор, как правило, отменяет кассационная инстанция по представлению этого прокурора. Отказы прокуроров поддержать обвинение также малочисленны, как некоторые виды животных, занесенные в Красную книгу. Из десяти ходатайств прокурора об аресте суд удовлетворяет девять, то есть, если прокурор просит суд кого-либо арестовать, то вероятность ареста - 90%!

В этой ситуации более всего страдают интересы правосудия - уголовное судопроизводство уже не может выполнять свое предназначение так, как предусмотрено статьёй 6 УПК РФ.

Для того, чтобы не рухнуло все уголовно-процессуальное здание, и был принят Закон от 5 июня 2007 года №87-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации". Суть проводимой реформы - разделить процессуальные функции предварительного следствия, надзора за ним и поддержания обвинения в суде. (см.: "Разделяй и выигрывай. Комментарий к изменениям в уголовно-процессуальном законодательстве и законодательстве о прокуратуре", "Новая адвокатская газета", №7, сентябрь 2007 г.).

Изменения в УПК направлены на то, чтобы дать прокурору как можно больше свободы в принятии процессуальных решений непосредственно в ходе судебного разбирательства и отдалить его от участия в ходе предварительного расследования. Можно предположить, что возрастет число уголовных дел, возвращенных прокурором следователю для дополнительного расследования, отказов прокурора поддержать обвинение в суде, а также количество оправдательных приговоров. Такие нововведения не могут не вызывать воодушевление у адвокатского сообщества (см.: там же).

К сожалению, эти радужные предположения остались лишь напрасными надеждами.

Очевидно, что главная причина в подобном "разделении" процессуальных функций и сложившейся ситуации - это утверждение прокурором обвинительного заключения. Сейчас даже некоторые прокуроры говорят о том, что утверждать заключение должен руководитель Следственного отдела, прокурор же должен давать указания, а когда он утверждает выводы следствия, прокурор связан этим и несет ответственность.

Справедливость судебных решений в немалой степени зависит и от государственных обвинителей. Обжалуя незаконные приговоры с целью исправления судебных ошибок, восстановления нарушенных прав лиц, прокуроры выступают в качестве истинных правозащитников (см.: "Судья", №12, 2013 г.).

Надо признать, что и это высказывание является очередной пустой декларацией и обманом. В условиях состязательности сторон прокурор не может "выступать в качестве истинного правозащитника".

В 2014-м году предметом широкого обсуждения и незаслуженного осуждения со стороны либерального юридического сообщества был проект Федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу".

При этом ситуация в оценках проекта не просто двоякая, противоречивая и взаимоисключающая. Так, один из авторов, утверждая об отсутствии объективной истины как таковой ("истина либо просто истина, либо ее нет") и "необходимости четкого, а не отсылочного, толкования законодательства" пишет, что "мы не отрицаем, что законы для жизнедеятельности общества необходимы, но нам не нужна видимость активной законотворческой работы, которая "мутит воду" и создает условия для разрастания беззакония", и, "коли уж мы строим гражданское общество и правовое государство, по крайней мере, декларируем это, то нужен и контроль со стороны общества за деятельностью представителей всех ветвей власти". Однако при этом автор весьма образно приводит вопиющие примеры того, что лишь декларировано в законе, но существует на практике: "Отмечу лишь один не вмещающийся ни в какие рамки момент: видеозапись проверки показаний задержанного на месте преступления, самих показаний к этому моменту в деле еще не было, совершенно не соответствует тексту протокола этого следственного действия. Тем не менее, судья указывает в приговоре о полном их соответствии. Когда же в апелляционном суде защитник, помимо прочего, заявляет ходатайство об исследовании данных процессуальных документов, приводя надлежащую мотивацию, апелляционный суд заявляет, что все доказательства исследованы в суде первой инстанции, и ходатайства защитника не подлежат удовлетворению. К слову сказать, уже несколько раз участвовал в апелляционных судах, но так и не понял, для чего их придумали. Хотя уже серьезно задумываюсь, и не я один, для чего нужны адвокаты в уголовном судопроизводстве" (см.: Цуков Е.А., "Институт

объективной истины в уголовном процессе", "АП", №9, сентябрь 2014 г.).

Так нужна истина, пусть и не объективная, в современной уголовном процессе?

А.Чангли, адвокат МКА "Санкт-Петербург", эксперт ФПА РФ, начиная свою статью словами "В настоящее время суд, оставаясь над спором, в соответствии с конституционными принципами состязательности сторон и презумпции невиновности рассматривает обстоятельства, подлежащие доказыванию, бремя доказывания которых лежит на стороне обвинения, и дает свою оценку тому, насколько указанные в статье 73 УПК обстоятельства установлены и подтверждены доказательствами. В случае неустранимых сомнений в виновности обвиняемого суд постановляет оправдательный приговор", продолжает: "Несмотря на ряд неурегулированных вопросов, связанных с тем, что защитник не является субъектом сбора доказательств (ч.1 ст. 86 УПК), не определен статус заключения специалиста и опроса защитником по делу и некоторых других моментов, но в целом процесс декларируется состязательным" (см.: "Трагифарс объективной истины. Объективная истина: продолжаем дискуссию о введении института объективной истины в уголовное судопроизводство", "Новая адвокатская газета", №20, октябрь 2014 г.).

Так может, правильнее назвать все это по другому, например, так: "Трагифарс состязательности современно-уголовного процесса" и "Кому это выгодно"?

Зачем пугать читателя: "Суд будет вынужден заниматься поиском доказательств, подтверждающих объективную истину, а по-русски говоря, восполнением предварительного расследования, фактически играя роль стороны обвинения".

А сейчас суд что делает?

Или другое обоснование своего мнения: "Существующая крайне опасная тенденция регулировать правоотношения посредством уголовного права может привести к повторению истории не в виде фарса, а в качестве очередной трагедии".

А сейчас этой тенденции нет? При существующей декларации состязательности?

Если даже действующие генералы полиции говорят, что при существующей практике "мы пересажаем всю страну".

Или на что направлено существующее в уголовном процессе так называемое особое производство "без особого повода" (как его еще называют - "эксклюзивное правоприменение"), или существующий надзорный порядок ("жалоба рассмотрена, доводы защиты, оспаривающие законность, обоснованность и справедливость вынесенного судебного решения, признаны несостоятельными"), или апелляционный порядок рассмотрения как уголовных, так и гражданских дел ("указание в п.7 ч.2 и в ч.4 ст.389-28 УПК на обязанность суда апелляционной и инстанции указывать в определении (постановлении) мотивы принятого решения и основания, по которым жалоба признана не подлежащей удовлетворению, не означает обязанности суда приводить эти мотивы и основания применительно к каждому доводу жалобы).

"Уже несколько раз участвовал в апелляционных судах, но так и не понял, для чего их придумали", - серьезно задумывается член Научно-методического совета АП МО профессор Е.А.Цуков. Ответ тоже уже давно имеется, точнее проблема, которая серьезно обозначена еще в октябре 2011 года, но не решена и до сих пор существует: "В последние годы *Европейский суд часто обращается к позициям Конституционного Суда для разрешения главной загадки российского правосудия*, как уголовного, так и гражданского, - надзора во всех его вариациях" (А.Ковлер, судья ЕСПЧ, избранный от РФ, "Судья", октябрь, 2011 г.).

А ведь ответ и тут уже давно дан, и заключается он в следующем: "*Право на судебную защиту... предполагает... наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости... Одной из таких гарантий является право обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, в том числе судов, чем предопределяется предоставление заинтересованным лицам возможности добиваться исправления допущенных судами ошибок и создание в этих целях процедур проверки вышестоящими судами законности и обоснованности решений, вынесенных нижестоящими судебными инстанциями*" (Определение КС РФ от 8 июля 2004 г. №237-О).

Н.П.Ведищев, рассказывая о сегодняшнем обжаловании обвинительного приговора, пишет о том, что должно учитываться, но в большинстве своем не принимается и почему-то не учитывается при написании кассационных и надзорных жалоб. С учетом нового законодательства, в кассационных и надзорных жалобах не обжалуются фактические обстоятельства дела, а только существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона (см.: Н.Ведищев, "О спорных моментах методики жалобы адвоката при обжаловании приговора", "Адвокат", №10, 2014 г.). Вот только что понимать сейчас под этими "существенными нарушениями"?

Или другое мнение против пресловутой "истины": "Действительные интересы реформаторов состоят в изменении несущих конструкций уголовного процесса путем превращения судей из независимых и объективных арбитров в активных субъектов уголовного преследования подсудимых" (см.: Ю.Новолодский, вице-президент АП Санкт-Петербурга, "Троянский конь объективной истины и "беспредель" судебного разбирательства", "Новая адвокатская газета", №19, октябрь 2014 г.). По мнению редакции "АГ", настоящая статья ни много ни мало "призвана продемонстрировать те разрушительные последствия, которые постигнут российскую систему уголовного судопроизводства в случае реализации авторами законопроекта их реформаторских замыслов".

Где, в каком суде Юрий Новолодский видел этих "независимых и объективных арбитров"? Один из них сказал автору буквально следующее: "Вы совершенно пра-

вы, и доводы ваш обоснованны, но если я вынесу оправдательный приговор, меня самого задвинут".

Может быть, Ю.Новолодский лишь мечтает о том, чтобы "активные субъекты уголовного преследования подсудимых" стали "независимыми и объективными арбитрами"? Или другое мнение: "Ни для кого не секрет, что принцип состязательности в российских судах нередко нарушается. По мнению Г.Резника, корни данного явления стоит искать в истории отечественного правосудия... Но в состязательном процессе суд не выполняет функции органа борьбы с преступностью, суд разрешает спор между равноправными сторонами обвинения и защиты" (см.: "На пороге больших перемен", "Новая адвокатская газета", №21, ноябрь 2014 г.). Опять мечты, на этот раз со ссылкой на В.Д.Спасовича о том, что без адвоката-защитника "суд не будет суд, а западня".

А пока утверждается "о несовместимости "установления объективной истины" с принципами уголовного судопроизводства", приводятся ссылки на статью 123 Конституции, которая закрепляет состязательность в качестве основополагающего начала осуществления правосудия в Российской Федерации (но почему ж тогда это "основополагающее начало" постоянно и повсеместно нарушается?), излагаются аналитические статьи адвокатов - члена Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека И.Пастухова и д.ю.н., профессора кафедры уголовно-процессуального права Университета им. О.Е.Кутафина (МГЮА) Л.Масленниковой (см. "АГ", №4, 2014 г.). "Реформизм в критический момент не способен решить ни одной жизненно важной проблемы"? (Д.Неру).

Г.М.Резник пишет о том, что "у нас дурное наследование в сфере отправления правосудия - советское правосудие было инквизиционным, состязательности в процессе не было. Кстати, состязательность и презумпция невиновности даже с трибуны Верховного Совета СССР были обруганы как обветшалые догмы буржуазного права. Адвокаты были, но в условиях отсутствия состязательности роль адвокатов была принижена, а во многих значимых делах - просто-напросто декоративна.

В советское время в нашем обществе сформировался стереотип: есть преступность, то есть безусловное зло, и есть органы, которые с нею борются. И суд включался в число этих органов. В советском процессе одни и те же задачи ставились перед прокуратурой, следствием, оперативными работниками и судом. Суд фактически выполнял функции обвинения. В половине уголовных дел прокурор вообще отсутствовал. Но в состязательном процессе суд не выполняет функции органа борьбы с преступностью, суд разрешает спор между равноправными сторонами обвинения и защиты".

"В состязательном процессе суд разрешает спор между равноправными сторонами обвинения и защиты"? Утверждение правильное. Но что происходит сегодня на практике?

Категорически нельзя согласиться с Г.М.Резником и в том, что роль адвокатов была тогда не просто принижена, но даже декоративна.

К сожалению, сегодня, очевидно, в угоду действующей сейчас политической конъюнктуре, ратуя за состязательность, которой в России нет, забыл Генри Резник то советское время. Забыл он почему-то, что защитника-адвоката тогда уважали, к нему прислушались, его документы (если они были мотивированными и обоснованными!) всегда внимательно читали. И если недобросовестный следователь и прокурор не уважали адвоката, то всегда его боялись. Потому что доводы такого адвоката всегда учитывались. И меры принимались к виновным должностным лицам. Реальные. И ответы руководителей этих должностных лиц были обоснованными, разумными и законными. Сейчас же этого и в помине нет. Более того, сейчас в Следственном комитете существует приказ, согласно которому определенные категории заявлений граждан даже не подлежат регистрации и рассмотрению. Кто же и по каким основаниям (критериям) это все определил, а именно: важность и обоснованность поступившего заявления (обращения)?

В то же время официальный представитель СК при подведении итогов работы ведомства в 2014 году пояснил: "Позиция руководства Следственного комитета была, есть и остается одной - оперативно, жестко и по закону реагировать на каждый такой факт, будь то простой следователь или руководитель следственного органа. А неотвратимость наказания - это, наверное, основной принцип нашей работы, который распространяется на всех, в том числе, конечно же, и на наших собственных сотрудников. И это дает нам не только законное, но и моральное право так жестко реагировать на проявления коррупции во всех других ведомствах".

Один из громких фигурантов по значимому для современной действительности делу так описывает в прессе деятельность этих следователей: "Они ужасные двоечники. Главный в следственной группе еще похож на профессионала, но его команда - тихий ужас. А прокуроры читают то, что подчеркнуто следователями. Они внутри дела оставили столько материалов, которые нам помогли!... Судья выглядит умнее остальных. И ей тяжело. Потому что она пытается хоть как-то натянуть дело, а нечего натягивать. Это, наверное, ее карьерный шанс. За полгода до этого она была мировым судьей - совсем свежий федеральный судья".

Поэтому и нет состязательности, потому что прежде всего нет качества следствия. И нет профессиональных достойных следователей. Поэтому только за один год и рассмотрено судами в **особом порядке** более **600.000 уголовных дел**, о чем почему-то умалчивает Г.Резник. С каким качеством эти дела расследованы? Сколько невиновных осуждено? Почему они осуждены? Если мы так слепо копируем американскую систему, являясь жертвами американизации 90-х годов, тогда почему умышленно забываем, что Америка - это страна с самым высокими уровнем тюремного на-

селения. Не помогают им их сделки с правосудием (97% дел)?

Почему мы забываем (или не знаем?), что американизация российского правосудия противоречит континентально-европейской (романо-германской) системе права, **которая основывается на установлении истины и которая была внедрена у нас в результате судебной реформы 150 лет назад.**

Почему мы, осуждая инквизиционную или следственную модель уголовного процесса, слепо все копируем, как по приказу? Измена это или очередное российское недомыслие? Глупость по принципу "чего изволите"?

Почему мы, не прививая "полезное с учетом русского духа", забываем, что 150 лет назад в России появился "европейский суд со всеми его превосходными формами"?

Может быть, при таких делах надо прежде всего поговорить о правах защитников, обязанностях государства, у которого нет государственной идеологии, и его нынешних следователей и прокуроров, о гарантиях объективного судопроизводства, изменении, а вовсе не о сохранении той придуманной и жалкой декларации, которая сейчас называется "состязательностью сторон". А ведь эта навязанная в 90-х американская декларация и является той "несущей конструкцией" современного российского уголовного процесса.

"Замена декларативной нормы об адвокатском запросе механизмом и ответственностью - большой плюс", - утверждает вице-президент Федерального союза адвокатов С.Попов. Может, уже давно пора подумать о замене декларативной нормы о состязательности сторон также и механизмом и ответственностью должностных лиц. Сейчас же этого нет и при сегодняшней процессуальной практике никогда не будет.

А пока разные общественные деятели культуры, которых "все чаще стали одолевает сомнения и охватывать ощущения безысходности", по разным конкретным делам пишут гаранту В.В.Путину всякого рода обращения: "Мы понимаем, что у государственной власти возможны ошибки. Но недопустимо, когда эти ошибки являются следствием недобросовестности и алчности (неважно, корыстной или карьеристской) чиновников, которым доверено опасное оружие - уголовное преследование. Недопустимо в угоду этой алчности ломать судьбы людей, подрывать доверие к праву и справедливости".

Наивная чукотская интеллигенция....

К 150-летию смены концепции уголовно-процессуального доказывания в России

Среди блестящих преобразований 60-х годов 19-го века особое место всегда отводилось судебной реформе. Не случайно ее называют самым радикальным из всех преобразований Александра Второго. Если отмена крепостного права была ожидаемой и предсказуемой, то изменения судостроительной и судопроизводительной части России были настолько революционными и амбициозными, что и сегодня мы продолжаем оценивать их как демократический феномен в условиях абсолютизма.

Новеллы реформаторов отличались взвешенной системностью, органическим единством, содержали последовательный порядок реализации основных преобразований, а главное, здесь не было "половинчатых полумер". Поэтому судебная реформа 1864 года в отличие от последующих преобразований, особенно от современной реформы, остается одной из немногих удавшихся попыток изменения чего-либо в стране.

Сегодня с завистью понимаешь, что творцы судебной реформы могли при жизни итожить ее результаты, сопоставлять надежды и плоды...

Российские юрфаки в 2014 году выпустили студентов-пятикурсников со словами, что они ровесники судебной реформы, поскольку родились в год ее начала - в 1991 году. Им посчастливилось окончить факультеты, чего не скажешь о реформе: удача - быть завершённой - не выпала на ее долю. Этот затяжной марафон уже длится 23 года, финиш его не прогнозируем...

Не стала ли реформа неотъемлемой составляющей развития судебного права и судебного законодательства? А если это так, то реформа ли это?

Но стоит вернуться к событиям 1864 года, когда маховик той великой реформы был запущен. Император собственноручно на "Положении о введении в действие Судебных Уставов" написал: "Быть по сему". Вот это "быть по сему" современники восприняли как утверждение новых правил судопроизводства, но и как вопрос, как проблему. Сможем ли мы быть по сему? Сможем ли соответствовать тем высоким и чистым началам, дальше которых и сегодня не за чем идти?

Безусловно реформа была неоднородна. Критики было немало. Замечания, споры и сомнения касались в большей степени тех правил, которые составляли центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего уголовного процесса. Речь идет о теории доказательств. Без отмены теории формальных доказательств нельзя было улучшить правосудие, иначе это была бы, как писал император, "бумажная реформа" без "водворения правды в суде нашем".

Широко цитируемая фраза о "водворении правды в судах наших" - это не "изобретение" Александра Второго, а лишь реплика с Петровских реформ. За полтора века до событий 1864 года Петр также пытался решить великую русскую задачу о водворении правды в суде, вводя правила о формальных (законных, искусственных) доказательствах. Собственно система формальных доказательств выступала конструкцией для формирования в России инквизиционной или следственной модели уголовного процесса.

Теория формальных доказательств имела целый ряд преимуществ для своего времени. Она исключала или сводила к минимуму ошибки, не оставляла места субъективизму и судебному произволу, наконец, была более экономичной. Но все это было верно при одном лишь условии - правильности алгоритма оценки. На вопрос: можно ли создать такой алгоритм для уголовно-процессуального доказывания, ответ очевиден - многовековая человеческая практика показывает, что это в принципе невозможно.

В связи с этим команда разработчиков судебной реформы 19-го столетия четко понимала, что от решения

вопроса о теории доказательств зависят не только главные формы судопроизводства, но и само устройство суда. Был изучен передовой зарубежный опыт. Заимствованы основные конструкции из европейских правовых систем. Старались копировать не слепо, а прививать полезное с учетом отечественного духа. В итоге в России появился, как писали газеты, "европейский суд со всеми его превосходными формами". Но если вспомнить все решающие новеллы судебной реформы, то становится очевидной невозможность каких-либо преобразований вне системы свободной оценки доказательств.

Свободная оценка предполагает отсутствие заранее определенной силы доказательств и их необходимой совокупности. Разумные сомнения расставляют новые акценты в формировании профессионального судебного мировоззрения. Упраздняется количественный алгоритм подсчета доказательств по формуле, основанной на приблизительных житейских презумпциях. На смену безынициативному судье приходит новый судья - судья-мыслитель, впервые осознающий уникальность каждого события преступления.

Внутренне убеждение как метод отыскания истины становится безусловной парадигмой отечественного процесса. Начиная с судебной реформы 1864 года, теория свободной оценки воспринимается как единственно возможный путь познания обстоятельств уголовного дела.

Торжество свободы внутреннего убеждения в суде состоялось. На протяжении последних 150-ти лет любая попытка бросить камень в теорию формальных доказательств рассматривалась как признак хорошего научного тона. Единственным диссонансом в этом единодушии была попытка возрождения "царицы доказательств" А.Я.Вышинским. Его труд "Теория судебных доказательств в советском праве" (1941 год), отмеченный Сталинской премией и признанный в свое время классическим, содержал утверждение, что "объяснения обвиняемых... неизбежно приобретают характер и значение основных, важнейших, решающих доказательств" (Прим. авт.: А разве сейчас по-другому? Получение признания, оформление его с дежурным, "своим" адвокатом, выход на место, после чего исход дела в суде предрешен. Адвокат по соглашению пытается что-то сделать, однако суд и прокурор считают и делают по-другому).

По-прежнему открытым остается вопрос: теоретические ошибки Вышинского привели к известным нарушениям законности на практике или, наоборот, потребность в таких "нарушениях" побудила подвести под них мощное научное обоснование?

Сегодняшнее положение концепции уголовно-процессуального доказывания неоднозначно. С одной стороны, УПК в статье 17 четко определяет свободу внутреннего убеждения как мерилу оценки доказательств и говорит, что ни одно их доказательств не имеет заранее установленной силы. Но это в большей части декларативный подход, который не всегда соответствует другим тенденциям развития смежных отраслей права и направлениям движения уголовного процесса. Не настало ли время "аккуратно" говорить о частичном возрождении положи-

тельных сторон системы формальной оценки доказательств или о разумном формализме? (см.: Д.Зотов, адвокат, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета, "По спирали реформ: к 150-летию смены концепции уголовно-процессуального доказывания в России", "Адвокат", №10, 2014 г.).

(окончание следует)

А.В. Никифоров - адвокат МОКА

Московская областная коллегия адвокатов: история в архивных документах 1941-1945 г.г.

Исследователи Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. отмечают в качестве одной из особенностей этой войны широкое вовлечение в военный конфликт гражданского населения. Очевидно, что война не могла не отразиться на деятельности адвокатуры страны и в частности Московской областной коллегии адвокатов. Однако, работ по этой тематике очень мало и в большинстве своём содержащиеся в них сведения носят общий характер. Это и предопределило необходимость изучения архивных документов для, хотя бы частично, восстановления истории коллегии в эти тяжелейшие для страны годы.

В протоколах заседания Президиума коллегии на начало 1941 г. нет ничего "военного". Идет обычная жизнь - принимаются и отчисляются адвокаты, докладываются проверки деятельности консультаций, утверждаются сметы, проводятся кустовые семинары. Практически на каждом Президиуме рассматриваются приказы Наркомюста СССР. Тематика приказов различна, видно, что государство пытается свести на нет участие адвокатов в решении вопросов деятельности корпорации. Всего по области насчитывается 111 юрконсультаций МОКА, в которых работают 260 адвокатов.

Представляется, что, как и в настоящее время, государственных работников юстиции больше всего интересуется вопрос доходов адвокатов, а вернее их минимизации. Так, на заседании 20.01.1941 г. заслушивается приказ НКЮ СССР № 11 от 17.01.1941 г. "О применении Инструкции о порядке оплаты юридической помощи". В свете этого приказа принимается решение "при каждом обследовании работы юридических консультаций уделять особое внимание вопросу о снижении стоимости ведения судебных дел и удешевления для населения юридического обслуживания" и "... всякий выезд свыше 25 километров для ознакомления с делом в порядке надзора требует специального разрешения Президиума".

Обращает внимание, что с 1940 г. в коллегии работает Мирон Семёнович Мельниковский, юбилей которого отмечается в этом году. В январе 1941 г. Мельниковский М.С. участвует в заседаниях Президиума, его причисляют к "активу" коллегии, 02.04.1941 г. его и ещё нескольких адвокатов выделяют для выполнения задач Наркомата Госконтроля. В 1941 г. Мельниковский М.С. 31.07.1941 г. отчислится из коллегии и год будет работать ревизором НКЮ РСФСР. Его возвращение, с последующим направлением на работу в Егорьевскую юридическую консультацию, произойдёт 27.11.1943 г.

12.02.1941 г. в коллегию принят один из будущих председателей Президиума - Назаров Лазарь Яковлевич. Его биография кратко отражена в протоколе: "родился в 1900 г. в селе Дыг Зангезур (Армения), сын крестьянина, беспартийный. Образование высшее. В 1924 г. окончил высшие юридические курсы в г. Москве, в 1930 г. -

Государственный Университет Правового управления в г. Ташкенте, в 1932 - 1934 г.г. Институт Красной профессуры. С 1918 по 1920 г. красноармеец и Комендант Революционного военного трибунала, с 1920 по 1921 г. военный следователь, а с 1921 по 1923 г. председатель нар/суда и председатель Губернского Революционного трибунала, с 1923 по 1924 г. слушатель Высших юридических курсов, с 1925 по 1932 г. прокурор, с 1932 по 1933 г. слушатель Института красной профессуры, с 1933 по 1940 г. прокурор, с 1940 по 1941 г. консультант Управления Судебных органов НКЮ СССР". Назаров Л.Я. будет мобилизован в армию и вернётся в коллегию в 1945 г., после демобилизации.

Проводимые Президиумом проверки деятельности юридических консультаций подчас выявляют курьёзные случаи. В апреле 1941 г. при проверке Воскресенской юридической консультации установлено, что лицевой счёт открыт не на консультацию, а на заведующего - товарища Певзнера. Президиум принимает достаточно оригинальное решение: "Предложить товарищу Певзнеру сделать завещание на имя Президиума МОКА". Известно, было ли оно выполнено.

Президиум на начало войны насчитывает шесть адвокатов: Аношечкин, Сурнакова, Блох, Попова, Гинзбург, Прилуцкий. От ревкомиссии в работе Президиума участвуют Журина и Аринштейн.

Первое заседание президиума, после страшной даты 22.06.1941 г., происходит 27.06.1941 г., на нём сразу же утверждается фонд на выплату заработной платы и выходного пособия адвокатам, мобилизованным в Р.К.К.А., на июнь месяц он составляет 15 000 рублей.

02.07.1941 г. в связи с призывом в Р.К.К.А. перераспределяются обязанности между членами Президиума. Исполнение обязанностей Председателя Президиума временно возлагается на Сурнакову А.П. На мой взгляд, что имя Сурнаковой Анастасии Павловны незаслуженно забыто потомками. Известно лишь, что с 01.10.1941 г. она работала в Областной юрконсультации, была Председателем Президиума МОКА в самые тяжёлые для Московского региона первые месяцы войны и сумела спасти коллегию от развала. Вот как это произошло.

В начале июля 1941 г. на заседании рассматривается вопрос о сокращении аппарата Президиума, в протоколе указывается: "Ввиду того, что в настоящее время при Президиуме организован фонд по выдаче заработной платы всем адвокатам, призванным в Народное Ополчение, а также в ряды Красной Армии, сокращена смета на 50500 рублей". Смета сокращается за счёт "заработной платы студентам ЦЮЗИ, приобретения литературы, лекций, проведения торжеств".

Такие сокращения происходят повсеместно и не везде они вызывают положительные отклики. Вообще морально-психологическую остановку в Московском регионе в июле-сентябре 1941 г. историки характеризуют как

сложную и противоречивую. С одной стороны, многотысячные патриотические митинги в поддержку создания Фонды обороны и дивизий народного ополчения, с другой - "нездоровые настроения", вызванные недостатком, объективной, правдивой информации о боевых действиях¹, растерянности части населения. К этому следует добавить, что 03.07.1941 г., в связи с ухудшением военной обстановки и приближением линии фронта, руководством страны принимается решение об эвакуации 26 заводов Москвы, Ленинграда, Тулы. К декабрю 1941 г. из столицы в восточные районы страны эвакуирована почти половина населения - 2 200 000 человек.

В такой обстановке, на одном из первых военных заседаний - 09.07.1941 г. - рассматривает вопрос о сокращении сметы. Заместитель Председателя Президиума - Блох Ю.Б. высказывает особое мнение, причём единственный раз за всё военное время это мнение письменное и приобщено к протоколу заседания Президиума. Он сообщает: "... объём работы Президиума чрезвычайно сократился, т.к. многие адвокаты ушли в армию и в ополчение, деловая жизнь в Консультациях приостановилась, т.к. почти никаких дел в судах не имеется и, следовательно, почти никаких отчислений в Президиум не поступает, в связи с чем аппарату Президиума делать нечего..." и предлагает "... поставить перед Наркомюстом РСФСР вопрос о ликвидации Президиума и самой Коллегии как самостоятельной организации путём слияния с МГКА и передаче последней полностью руководства Областной коллегией. Городская коллегия обладает значительно большими средствами и аппарат её достаточно мощен".

Согласись Сурнакова с мнением Блоха, неизвестно как бы повернулась история. Возможно, сегодня уже ни о каком военном прошлом МОКА не было бы и речи и неизвестно можно ли было бы говорить об Областной коллегии адвокатов вообще. Сурнакова А.П. не согласилась. Прямо это не указано, но последующие события развивались весьма интересным образом.

Проходит немногим более месяца и на заседании Президиума 27.08.1941 г. рассматривается дисциплинарный проступок адвоката Ю.Б. Блоха. Заседание проходит при полном кворуме, а в первые годы войны это редкость - большинство вопросов разрешал Президиум из трёх человек и представителя реввоенсовета. Блоха Ю.Б. обвиняют в том, что он, пользуясь своим положением "надавил" на заведующего консультацией, в которой должен был работать (Реутовской) и фактически на работе не появлялся, открыл консультацию у себя на дому, принимал поручения без ведома заведующего, не оформлял регистрационные карточки, полученный по делам гононар в кассу не сдавал, "... арендовал дачу и обязался вести все дела этой гражданки в суде".

Обвинения достаточно серьёзные, высказываются все члены президиума и представители реввоенсовета. Единогласным решением Блох Ю.Б. из МОКА исключён. Заведующему Реутовской юрконсультацией объявлен выговор "за отсутствие контроля". Конечно, можно рассматривать всё происходящее как разгул реакции, "казачье дело"... Опять напомним о том, какое было время - в период с июня по сентябрь 1941 г. судами было вынесено 2524 приговора за "нездоровые настроения", в том

числе 204 из них смертная казнь². Для себя полагаю, что руководство МОКА показало умение в сложное время обороняться не только от внешних нападков, но и от внутренних "пораженческих" настроений.

В конце июля 1941 г. все средства МОКА, предусмотренные по смете на "улучшение быта адвокатов и сотрудников МОКА", в размере 30 000 рублей перечислены в Фонд обороны. Продолжается выплата заработной платы адвокатам, мобилизованным в Р.К.К.А. и ушедшим в Народное Ополчение. Выявляются злоупотребления. Так, согласно докладной "адвокат Деницкий Б.Ю. находится не в Народном Ополчении, как он сообщил в Президиум, а в Истребительном батальоне, без отрыва от производства и выплата заработной платы как ополченцу ему не полагается". Принимается достаточно мягкое решение - зарплату отменить, предложить возвратить полученное в месячный срок.

Столица живёт по законам военного времени. С июля 1941 г. начинаются первые бомбардировки г. Москвы противником. С августа 1941 г. адвокаты несут дежурства по охране зданий юридических консультаций и судов. Сохранились немногочисленные воспоминания адвокатов - ветеранов коллегии о дежурствах по тушению "зажигалок" - зажигательных бомб, которые использовали фашисты в авианалётах. Эта работа, "по линии ПВХО", проводится совместно с работниками судов и прокуратуры. Её нельзя недооценивать. За 6 месяцев войны в Москве 141 раз объявлялась воздушная тревога. На столицу было сброшено 1610 фугасных и 110 тыс. зажигательных бомб. Впоследствии прославленный конструктор самолётов А.С. Яковлев вспоминал: "Население Москвы всемерно помогало войскам МПВО оборонять столицу. После напряжённого трудового дня, часто весьма удлинённого, десятки тысяч рабочих и служащих занимали посты на крышах домов"³.

В первый год войны перед Президиумом возникает и ещё одна проблема. В рассматриваемое время консультации создаются в основном при судебных участках. С началом боевых действий некоторые судебные участки эвакуируются, да и сами адвокаты уходят на фронт. Всё это приводит к нехватке кадров, необходимости перераспределения оставшихся адвокатов. Так, например из Наро-Фоминской консультации на фронт уходит весь коллектив - адвокаты Коган и Добров, поэтому обслуживание судебного участка поручают адвокату при селе Петровском. Масштаб проблемы становится понятнее, если учитывать, что Московская область на 01.10.1938 г. включает в себя 52 района (в 1962 г. их останется только 12). Однако, при этом даже в 1945 г. в большинстве консультаций работает только по одному адвокату.

19.09.1941 г. Президиум распространяет Письмо "Об обслуживании населения юрпомощью в районах при судебных участках, в связи с выбытием адвокатов", которым Покровский судебный участок закрепляется за Орехово-Зуевской консультацией, Угодо-Заводской и Уваровский за Малоарославецкой, Ухтомский за Люберецкой, Лотошинский за Волоколамской, Вербицкий за Талдомской, Одинцовский за Кунцевской. Президиум отмечает "ряд заведующих призваны в Р.К.К.А, некоторые эвакуировались с семьями", повторно рассматривается вопрос о сокращении численности штата Президиу-

ма. Практически одновременно, 10.09.1941 г. в связи с сокращением объёма работ прекращается выплата заработной платы заведующим юрконсультаций: Химкинской, Пушкинской, Кунцевской, Наро-Фоминской, Подольской, Раменской, Коломенской, Клинской, Люблинской, Дмитровской, Ленинской, Орехово-Зуевской, Павло-Посадской.

В октябре-ноябре 1941 года фашистские войска вступили в пределы Московской области. Полностью оккупированы районы: Боровский, Верейский, Волоколамский, Высокинский, Коммунистический, Высоковский, Осташевский, Лотошинский, Клинский, Солнечногорский, Ново-Петровский, Шаховский, Рузский, Уваровский, Малоярославецкий и Угодско-Заводский. Кроме того, частично оккупированы Дмитровский, Зарайский, Истринский, Наро-Фоминский, Красно-Полянский, Звенигородский, Каширский, Серпуховский, Лопасненский, Химкинский районы. Готовится генеральное наступление на Москву. В столице происходят события, получившие название "октябрьская трагедия". Из дневника журналиста Н.К. Вержбицкого: "Да, 16 октября 1941 г. войдёт позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в историю Москвы. Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому в этот день неслись на восток автомобили вчерашних "энтузиастов"... А Красная Армия лила в этот день кровь за благополучие бросающих свои посты шкурников... В одном (*постановлении Моссовета - курсив мой А.Н.*) предаются суду три каких-то завмага..., прекративших по своей воле торговлю. Козлы отпущения... А сейчас мне сообщают, что у Абельмановской заставы толпа сама задерживала бегущих и выволакивала их из машин. Толпа всегда честная, в плохом и хорошем"⁴.

Очевидно, что в такой непростой обстановке связь с некоторыми консультациями прерывается. Президиум обращается в Наркомат юстиции МО "... в настоящее время объявлена военная зона, невозможно посещать некоторые юридические консультации, адвокаты уходят в Ополчение и Красную Армию, происходит ликвидация и слияние участков нарсудов - требуется уточнить число действующих юридических консультаций. По неточным данным действующих юридических консультаций имеется 77 точек". Президиуму необходимо выяснить количество действующих участков народных судов для обеспечения их обслуживания адвокатами. Данные подтвердились - за полгода войны количество консультаций сократилось на 34 "точки".

В октябре 1941 г. происходят изменения в составе Президиума. Секретарь Президиума, адвокат с тридцатилетним стажем, Гинзбург В.С. освобождён от работы в связи с эвакуацией семьи. Сурнакова А.П. перестаёт быть Председателем, её обязанности возлагаются на Афанасьеву А.Г. Причина последних изменений неизвестна. По протоколу № 37 от 13.10.1941 г. Сурнакова А.П. возглавляет работу Президиума, в протоколе № 38 от 23.10.1941 г. состав Президиума не поименован вообще, а с 10.11.1941 г., согласно протокола № 39, исполнение обязанностей Председателя возложено на Афанасьеву А.Г. Он делает доклад о работе президиума в ноябре-декабре 1941 г., который "принят к сведению". Протокол № 39 последний в 1941 г., иных документов не сохранилось.

23.01.1942 г. Московская область полностью освобождена от фашистских войск. Начинается восстановление разрушенного хозяйства. Масштабы разрушений в некоторых районах ужасают. Так, например, в Солнечногорском районе "было 28 сельсоветов с 125 колхозами и 3 дачными поселками. Полностью сожжены 44 и частично 73 колхоза. Сгорело около 2800 колхозных дворов, 3 дачных поселка, имевших около 1000 домов, также сгорели. Около половины населения погоревших деревень размещено в домах и школах г. Солнечногорска и в помещениях уцелевших домов отдыха, и другая половина населения осталась жить на месте сожженных деревень в землянках", в Истринском районе "до оккупации было 155 колхозов, из них полностью сожжены и уничтожены 60 колхозов и 1 частично с общим количеством сожженных колхозных дворов 1817 и общественных зданий 79. В г. Истре насчитывалось 916 строений, а остался один небольшой домик. Основная часть колхозного населения осталась на месте своих колхозов в землянках..."⁵.

На первый взгляд, при такой ситуации, не представляется возможным говорить о востребованности юридической помощи. Так, Московский городской суд отмечает снижение на 46% количества поступивших во вторую инстанцию уголовных дел: с 7732 (май-июнь 1941 г.) до 3452 (в июле-августе 1941 г.)⁶. Однако, 23.10.1941 г. на базе Московского городского суда и народных судов г. Москвы организован Военный трибунал и к 01.12.1941 г. через судебные сессии Военного трибунала проходит 3528 обвиняемых. Наибольшее количество людей - 951 (27%) привлекались к ответственности за кражи⁷.

Кроме того, к 1942 г. к Московской области присоединены Донской, Узловский, Кимовский, Серебряно-Прудский районы Тульской области и Скопинский, Горловский, Чапаевский и Михайловский районы Рязанской области. И в старых, и в новых районах восстанавливается работа советских учреждений, в том числе и судебных участков. Наркомат юстиции МО обращает пристальное внимание на необходимость организации юридических консультаций при судебных участках.

Первое заседание Президиума в 1942 г. проходит 23.02. Только это уже не Президиум, а Оргбюро в количестве трёх человек: Афанасьева А.Г. (председатель), Голубева В.Н. и Пешехонова Н.И. Уже на первом заседании Оргбюро констатирует, что "с января месяца 1942 г. ... значительное оживление работы в юридических консультациях в районах Московской области. Так ныне действующих консультаций доведено до 59 точек с количеством работающих в них адвокатов 104 человека". Данные о численности адвокатов коллегии позднее претерпят изменения, указывается, что на 01.01.1942 г. МОКА насчитывала в своём составе 99 адвокатов. Вообще довоенная численность коллегии будет восстановлена только к 01.10.1946 г.

Одновременно с отмеченным подъёмом, впервые за военные годы возникает вопрос о качестве работы адвокатов. На заседании 27.05.1942 г. слушается Указание Наркомюста РСФСР от 19.05.1942 г. "О поднятии качества работы в среде адвокатов и об укреплении трудовой дисциплины". С этого момента контроль качества работы адвокатов становится одной из приоритетных задач Президиума.

Внимание к этому вопросу вполне обоснованно. Положением "Об адвокатуре СССР" 1939 г. было закреплено, что в адвокатуру могли вступать только лица, имеющие не менее чем 3-х летний стаж работы в качестве судьи, следователя, юрисконсульта и прокурора или юридическое образование. Необязательность юридического образования ощущается. Протоколы заседания Президиума фиксируют широкий спектр "творчества" адвокатов. Так, адвокат Коротков, в кассационной жалобе от имени матери осуждённого просил "... избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы, а связанную с моим материнским и личным поручительством", адвокат Гречищев в жалобе от имени осуждённой указал: "Я девица, всё моё прошлое чисто и безупречно", адвокат Ильин в кассационной жалобе: "Конематка Салька 7 лет и Пулька 7 лет обортировались согласно устному заявлению Грачёвой".

Очевидно, что сложившуюся ситуацию необходимо было исправлять. Для этого начиная с мая 1942 г. постоянно проводится проверка работы консультаций, организуются кустовые семинары, на заседаниях Президиума подробно рассматриваются жалобы на качество работы. С декабря 1942 г. в Президиуме заслушиваются самоотчёты молодых адвокатов, член Оргбюро Пешехонский назначен на "проверку качества выступления адвокатов путём стенографирования речей в Мособлсуде". Эта работа ещё более усилится, приобретёт новые формы в 1943-1945 г.г.

Архивные документы подтверждают значительное участие адвокатов МОКА в сборе средств на строительство танковой колонны "Советский адвокат". Отрадно отметить, что инициатива в этом вопросе исходила не от государства, а от адвокатов. В июне 1942 г. в МОКА поступает письмо Горьковской коллегии адвокатов с просьбой о поддержке строительства танка "Адвокат Московской области". Оргбюро МОКА принимает решение "на основании письма горьковской коллегии адвокатов об отчислении сумм на постройку Танка, составить письмо с обращением к адвокатам МОКА о создании фонда на постройку танка "Адвокат Московской области" из присуждённых сумм по выступлению в судах по ст. 55 УПК. Открыть специальный счёт в Госбанке".

Такая инициатива не могла остаться незамеченной государством, и тем более не могла быть не взята им под контроль. В августе 1942 г. на заседании Оргбюро уже рассматривается Письмо Начальника отдела адвокатуры НКЮ РСФСР от 21.08.1942 г., в котором задача по сбору денежных средств принимает "добровольно-принудительный" характер и значительно расширяется - речь идёт уже о строительстве не одного танка, а целой танковой колонны "Советский адвокат". Оргбюро подтверждает ранее принятое решение и указывает "чтобы каждый адвокат за счёт средств ст. 55 УПК и за счёт экономии процентных отчислений на хозрасходы перечислил на счёт... 250-300 рублей". Повторно аналогичное письмо поступает в МОКА в октябре 1942 г. Оно принимается к сведению, выносятся решение "... проводить работу по увеличению средств на постройку танковой колонны "Адвокат Московской области".

Деньги поступают, несмотря на то, что сама коллегия испытывает серьёзные финансовые трудности. Это вы-

нуждает Оргбюро в июле 1942 г. принять решение о том, чтобы считать отчисленными из МОКА адвокатов "призванных в ряды Р.К.К.А. до возвращения из Красной Армии".

В конце ноября 1942 г. Оргбюро отмечает: "МОКА по линии Оргбюро добилась на 01.11.1942 г. по сбору средств на постройку танков "Адвокат Московской области некоторого сдвига, заняв по республике 3-е место. Перечислено 100170 рублей. Однако, из этой суммы 3/4 средства Президиума, из 75 юридических консультаций откликнулись только 25, большинство заведующих отнеслись к задаче формально. Наша задача реально помочь Красной Армии!". Предлагается увеличить отчисления до 150 000 рублей к 01.01.1943 г., для чего необходимо: 1. снять с фонда Президиума 30 000 рублей; 2. рекомендовать заведующим юрконсультаций обсудить на производственных совещаниях необходимость отчисления 10% заработной платы в фонд строительства; 3. обязать всех заведующих свободный остаток - хозяйственные расходы сдавать в Президиум не позднее 20.12.1942 г.

Несмотря на содержащуюся в протоколах путаницу в названиях, речь идёт о танковой колонне "Советский адвокат". Известно, что такая колонна была создана. 12.01.1943 г. Наркомат юстиции, подводя итоги сбора средств на колонну "Советский адвокат", помощь фронту, выдвинул в число лучших Московскую, Горьковскую и Челябинскую коллегии адвокатов с соответствующим присуждением призовых мест. В президиумы коллегий были направлены Благодарности Верховного Главнокомандующего. В составе колонны было от 8 до 10 танков КВ⁸. Обращает внимание, что себестоимость выпуска одного танка КВ-1 составляла 280 000 - 290 000 рублей⁹. По вопросу о количестве собранных адвокатами денег говорится, что одна только Горьковская коллегия адвокатов собрала 7 000 000 рублей. Учитывая, что в составе танковой колонны "Советский адвокат" было не более 10 танков, вероятно часть денежных средств расходовалась на иные оборонные нужды.

Может показаться, что сбор денежных средств прошёл "из-под палки" и адвокаты не хотели в нём участвовать. Однако, это не так. Специфика протоколов военных лет, присущая не только Президиуму МОКА, но и иным организациям, это значительное количество критики и жёсткое, требовательное "подстёгивание" к действиям.

Помощь армии заключалась не только в реализации таких масштабных проектов, как сбор средств на строительство танковой колонны. Президиум (Оргбюро), по представлению Наркомата юстиции, направляет адвокатов на лесозаготовки. В ноябре положительно решён вопрос о выдаче главному бухгалтеру коллегии Анпиловой А.А. безвозвратной ссуды в 1000 рублей, поскольку в течение года она шесть раз сдавала кровь в фонд помощи бойцам Красной Армии.

К сожалению, о многих таких "тихих" подвигах адвокатов и работников МОКА мы уже не узнаем.

Сбор средств на строительство танковой колонны продолжается и в начале 1943 г. дважды 30.01 и 27.03.1943 г. на заседании Оргбюро заслушивается соответствующее Информационное письмо НКЮ РСФСР. Помимо ра-

нее принятых мер, Оргбюро указывает заведующим на необходимость "...пробудить в среде своих коллег по работе патриотический долг перед Родиной, чтобы все адвокаты участвовали в постройке танка "Адвокат Московской области" и обязывает заведующих предоставлять отдельный ежемесячный отчёт об отчислениях в фонд строительства.

В начале 1943 г. Оргбюро проводит заседания в неизменном составе, но с мая 1943 г. его возглавляет Яновский Сергей Михайлович. Тогда же он докладывает о состоянии кадров коллегии: "За время войны из МОКА выбыло 190 адвокатов, из них в Р.К.К.А. 84 человека, в эвакуацию - 43 человека. За время войны принято 119 адвокатов, из них 12 по возвращению из эвакуации. Из 119 принятых адвокатов 10 мобилизованы в Р.К.К.А., 22 отчислены, 3 исключены. На 01.06.1943 г. действуют 110 юридических консультаций, но в 5 районах консультаций нет,... добавились 9 районов Рязанской и Тульской областей".

Изменения в руководстве коллегии, вероятно, вызваны Приказом НК РСФСР от 22.05.1943 г. № 29, в котором говорилось о необходимости перестройки работы коллегии и в качестве первоначальных задач ставилось изучение кадров, проведение кустовых семинаров и контроль качества работы адвокатов.

В 1943 г. ведётся работа по систематизации военного законодательства. В июне 1943 г. Оргбюро принимает решение об организации пропаганды советского законодательства, особенно законов военного времени путём докладов, лекций, "установления тематических дежурств на фабриках и заводах, МТС и конторах". В каждой консультации составляется план этой работы, заведующие обязаны вести строгий учёт каждого адвоката в отдельности".

Начиная с мая 1943 г. пристальное внимание уделяется бесплатной юридической помощи. В отличие от сегодняшней ситуации в этом вопросе, в 1943 г. правом на получение бесплатной юридической помощи пользуются только военнослужащие и члены их семей, инвалиды ВОВ и только по вопросам льгот и материального обеспечения, а также защите их прав при рассмотрении судами дел частного обвинения, в которых они участвуют в качестве потерпевших. Оргбюро обязывает выделять для ведения таких дел "наиболее квалифицированных адвокатов. Устанавливать время, порядок оказания помощи, освещать население через печать". При этом выделение адвокатов необходимо согласовывать с комиссиями по оказанию помощи военнослужащим и инвалидам ВОВ. С июня 1943 г. заведующие консультациями также ежемесячно отчитываются о состоянии дел по оказанию бесплатной юридической помощи.

В целях повышения качества работы адвокатов, начиная с июля 1943 г., на каждом заседании заслушиваются рецензии адвоката Быховского на выступления адвокатов во второй (кассационной) инстанции Мособлсуда. В августе 1943 г. рассматривается Информационное письмо НКЮ РСФСР о выделении адвокатов для защиты несовершеннолетних обвиняемых. По 34 юрконсультациям выделяется 45 адвокатов. Особое внимание уделяется кустовым производственным совещаниям. Утверждаются руководители и ответственные за работу кустовых

производственных совещаний - 17 человек, к ним прикрепляются адвокаты для работы по консультациям.

В условиях военной обстановки, коллегия не только налаживает собственную деятельность, но и помогает другим коллегиям - Ростовской областной и Сумской областной, а также Рязанской, Тульской, Калининской коллегиям адвокатов (в протоколах заседания их именуют "подшефными"). Так, в сентябре 1943 г. заслушивается отчёт адвокатов Крылова В.К. и Жукова В.Н. "О работе в подшефной Ростовской областной коллегии адвокатов". Докладчики сообщают, что ими обследованы юрконсультации в 7 районах, разъяснены обязанности заведующим, составлены план работы, приведена в порядок финансовая и статистическая отчётность, регистрационные карточки и квитанционные книжки. Ростовской областной коллегии адвокатов выделяется 20 000 рублей на организацию столовой для адвокатов.

Можно говорить, что с Ростовской областной коллегией адвокатов установятся длительные взаимоотношения по обмену опытом. В ноябре 1944 г. в МОКА поступает благодарственное письмо ростовских коллег "об использовании в работе опыта МОКА", с просьбой присылать копии наиболее принципиальных постановлений Президиума по дисциплинарным и политико-воспитательным вопросам. Такой обмен опытом будет признан полезным и аналогичное обращение направлено в Ростовскую областную коллегия адвокатов.

Кроме того, в ноябре 1943 г. Сумской областной коллегии адвокатов выделяется 15 000 рублей на организацию работы, Алтайской краевой коллегии адвокатов - 45 000 рублей на содержание курсов по подготовке адвокатов. Позднее, в начале 1944 г. МОКА поддерживает инициативу Кировской областной коллегии адвокатов и адвоката Канторович А.Б. в организации детских учреждений по воспитанию сирот и выделяет для этой цели 100 000 рублей. По обращению Оргбюро Ленинградской областной коллегии адвокатов выделяется 15 000 рублей для организации юридических консультаций в освобождённых районах области.

Безусловно, вопрос о выделении денежных средств не всегда решался положительно. Так, в 1944 г. меняются границы Московской области - города Петушки и Покров отходят к Владимирской области. Петушинская и Покровская юрконсультации теперь относятся к Владимирской областной коллегии адвокатов. Консультации отходят со своими средствами и имуществом. Поэтому Президиум отказывает Оргбюро Владимирской коллегии адвокатов в выделении денежных средств "в связи с переходом юрконсультаций".

На мой взгляд, одним из немаловажных событий второй половины 1943 г. является подготовка и проведение 25-27.12.1943 г. Общего собрания членов МОКА для заслушивания отчёта Оргбюро о работе, проделанной с 10.02.1942 г. по 01.11.1943 г., и проведения выборов Президиума коллегии.

Отчёт об этом Общем собрании утрачен. Можно достоверно утверждать, что на собрании были установлены отчисления на содержание Президиума в размере 8% "от вала", выделены 50 000 рублей на помощь семьям военнослужащих и инвалидам ВОВ, избран Президиум в количестве 9 человек: Островский, Васин, Молчанов,

Хомяков, Прилуцкий, Гольдберг, Дворникова, Аринштейн, Гинзбург. Председателем Президиума избрана Дворникова Серафима Ивановна, её заместителем Хомяков Юрий Олегович. Назначены дни заседания Президиума - каждый понедельник, с 16.00.

Из акта передачи дел от председателя Оргбюро Янковского С.М. председателю Президиума Дворниковой С.И. следует, что по состоянию на 01.01.1944 г. в состав МОКА входила 101 юридическая консультация, в которых работали 192 адвоката и 9 стажёров. "Остаются незаполненными: Высокиничская, Кривандинская и Осташевская юрконсультации, в которых адвокатов не имеется".

В 1943 г. появляется новая форма контроля качества работы. За каждой консультацией закрепляется член Президиума, который её курирует и отвечает перед Президиумом в том числе и за качество работы адвокатов этой консультации.

К концу 1943 г. линия фронта уже далеко от Москвы. Уже одержаны победы в Сталинградской битве и битве на Курской дуге, прорвана блокада Ленинграда, освобождён Северный Кавказ и Левобережная Украина. Безусловно, это отражается на общем настроении людей. "Кончался 1943-й год. Победа казалась не за горами. Это было время надежд... В Москве жизнь уже шла полным ходом"¹⁰.

В 1944 г. работа Президиума ведётся по ранее означенным направлениям: обследование юридических консультаций, проведение межрайонных кустовых производственных совещаний, рассмотрение жалоб в отношении адвокатов. Не менее пристальное, как и в 1943 г., внимание уделяется бесплатной юридической помощи военнослужащим и членам их семей, защите несовершеннолетних обвиняемых, оказание материальной помощи. Объём бесплатной помощи военнослужащим и инвалидам ВОВ достаточно велик: к маю 1944 г. такая помощь оказана 9 904 гражданам силами адвокатов 82 консультаций.

Дополнительно можно отметить, что с лета 1944 г. НКЮ РСФСР выпускает обобщения о работе судов по различным категориям уголовных и гражданских дел, которые заслушиваются на заседаниях. Также, на каждом Президиуме, заслушиваются протоколы производственных совещаний коллективов юрконсультаций МОКА.

В январе 1944 г., на основании Директивного письма НКЮ РСФСР от 16.12.1943 г. № 6 Д-2, принято решение об обследовании бытовых нужд семей адвокатов, призванных в Красную Армию для оказания им посильной материальной помощи. Кроме того, НКЮ РСФСР требует максимальной экономии в расходовании коллегией денежных средств, привлечения заведующих к дисциплинарной ответственности за несвоевременную сдачу статистической отчётности и небрежное отношение к ней.

Продолжается работа по повышению качества работы адвоката. В НКЮ из судов поступают жалобы на низкий уровень грамотности некоторых адвокатов. В частности, сообщается, что адвокат допустил 11 грамматических ошибок в составленной им кассационной жалобе, другой адвокат подал жалобу, в которой не содержалось

знаков препинания. Данная проблема не является новой. Несмотря на все усилия Президиума, к октябрю 1944 г. 29 адвокатов не имеют высшего юридического образования и не включены в систему заочной учёбы.

06.03.1944 г. Президиум готовит проект письма по рассматриваемому вопросу и назначает на 25.03.1944 г. первое Областное производственное совещание. Повестка дня: 1. информационное сообщение о работе Президиума; 2. о жизни и деятельности коллегии; 3. текущее законодательство; 4. международное положение. Собрание проходит, адвокаты активно участвуют в обсуждении поставленных вопросов. С адвокатов, не явившихся на производственное совещание, запрашиваются письменные объяснения для последующих "соответствующих оргвыводов". В мае того же года создаётся постоянная комиссия по проверке жалоб, составленных адвокатами по делам, рассматриваемым Московским областным судом. В декабре того же года в Президиуме вновь создаются криминалистическая и гражданско-правовая секции, в состав которых входят 36 адвокатов.

В апреле 1944 г. принимается решение о выпуске за счёт средств коллегии 1-го Бюллетеня по текущему законодательству. Второй Бюллетень выйдет в августе, и далее будет выпускаться на постоянной основе, не менее двух раз в год. Продолжается кодификация и систематизация военного законодательства.

Также рассматривается вопрос о дислокации юридических консультаций. Закрываются, с формулировкой "в виду отсутствия судебных участков" Иерусалимская, Гжельская, Трикотажная юрконсультации, и за их счёт открываются Никольская (Балашихинский район), Чрёмушкинская, Одинцовская. К концу 1944 г. на территории Московской области действуют 103 юридические консультации, в них работают 206 адвокатов и 11 стажёров. Планируется увеличение численности адвокатов до 211. К декабрю обследовано 44 юрконсультации, в результате чего были сняты со своих постов 10 заведующих. Вместе с тем, планировалось проверить 69 консультаций, поэтому Президиум констатирует недостаточность работы по данному направлению.

Наркомат юстиции СССР поднимает и новые вопросы. В коллегию приходит Постановление от 29.03.1944 г. "О состоянии кадров адвокатуры г. Москвы", в котором, помимо прочих проблем, говорится об ослаблении политической работы по воспитанию адвокатов. Следует отметить, что коллегию этот вопрос коснулся достаточно поздно. Ещё в декабре 1941 г. Первый Секретарь МК и МГК ВКП (б) А.С. Щербаков докладывает на Пленуме МГК ВКП (б): "Кадры агитаторов растеряли. Доклады, беседы, читки на предприятиях и в учреждениях были прекращены. Многотиражки и стенгазеты перестали выпускаться"¹¹. В ответ на Постановление Наркомата юстиции СССР, Президиум организует лекторий по марксизму-ленинизму. Проводится обобщение общественно-массовой работы, в первом квартале 1944 г. адвокатами проведено 380 лекций, из них 125 "о текущем моменте", и 10 вечеров вопросов и ответов.

27.11.1944 г. Президиум рассматривает проект письма И.В. Сталину о внесении адвокатами МОКА 100 000 рублей в фонд обороны на постройку самолёта с присвоением ему наименования "Адвокат Московской об-

ласти". Инициатива была одобрена и уже в январе 1945 г. в Президиум приходит приветственное письмо т. Сталина. Начинается активная работа: копии письма Верховного Главнокомандующего рассылаются в юридические консультации, финчасть Президиума организует отдельный учёт денежных средств, внесённых адвокатами и консультациями.

История не сохранила сведений о самолёте "Адвокат Московской области", неизвестным остаётся и количество собранных адвокатами денег. Вероятно, самолёт так и не был построен, поскольку до окончания войны остаётся менее полугодя. На мой взгляд, важно другое - собранные денежные средства поступили в Фонд обороны и хотя бы немного приблизили нашу Победу.

В январе 1945 г. происходят небольшие изменения в работе Президиума. Дополнительно ко всем ранее означенным вопросам, на заседаниях заслушивают акты ревизии юридических консультаций и адвокатов. Кроме того, в Президиуме рассматриваются доклады адвокатов - соискателей степени кандидата юридических наук о ходе подготовки ими диссертационных исследований.

На 15.02.1945 г. назначается отчётно-выборное собрание адвокатов МОКА. В связи со сложностями в подготовке, его проводят на неделю позже - 21.02. На Общем собрании избран новый состав Президиума: Дворникова, Хомяков, Гинзбург, Васин, Прилуцкий. Председателем Президиума повторно избрана Дворникова

Серафима Ивановна. Она пробудет на этом посту недолго, в июле 1945 г. на закрытом партсобрании Парторганизации МОКА Дворникова С.И. будет признана "антипартийным человеком" (не состоит на учёте в первичной парторганизации, не посещает партсобраний, антипартийно относится к адвокатам - коммунистам, "отказывает в приёме в Коллегию членов ВКП(б)...") и в августе того же года будет снята с должности по причине "бесхозяйственного отношения к расходованию средств Коллегии". Исполнение обязанностей Председателя Президиума, до проведения выборов, возложено на Хомякова Ю.О.

В октябре 1945 г. Президиум утверждает список адвокатов, "достойных представления к награждению медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне". Это первый случай, когда Президиум по собственной инициативе говорит о необходимости награждения адвокатов государственной наградой. К сожалению, фамилии адвокатов из этого списка утрачены.

Все протоколы заседаний президиума МОКА за 1941-1945 г.г. объединяет немногословность и сухость формулировок. Но даже при этих недостатках, удалось установить, что за военные годы из коллегии с формулировкой "в связи с арестом органами НКВД" был отчислен только один адвокат. Начиная с 1942 г. в коллегии восстанавливаются адвокаты - фронтовики, демобилизованные из армии. Вот их список за 1942-1945 г.г.:

Ф.И.О. адвоката	Адвокатский стаж	Дата восстановления в МОКА	Направлен на работу в юрконсультацию
Максимов Василий Никанорович	неизвестно	04.07.1942 г.	неизвестно
Шулькин Григорий Юрьевич	с 1935 г.	10.01.1944 г.	Калининградская
Козлов Николай Максимович	с 1938 г.	10.01.1944 г.	Высокининская
Горшков Василий Никифорович	неизвестно	10.01.1944 г.	Сталиногородская № 2
Конопатов Василий Иванович	с 1938 г.	31.01.1944 г.	Подольская
Морозов Рафаил Дмитриевич	с 1927 г.	24.04.1944 г.	Серпуховская
Говорухин Василий Михайлович	с 1935 г.	22.05.1944 г.	Неизвестно
Никитин Иван Владимирович	с 1933 г.	02.06.1944 г.	Дмитровская
Иванов Николай Михайлович	с 1939 г.	26.06.1944 г.	Угодско-Заводская
Лебединский Мирон Александрович	неизвестно	18.12.1944 г.	Областная
Назаров Лазарь Яковлевич	с 1941 г.	06.08.1945 г.	Дмитровская
Жучков Андрей Александрович	с 1939 г.	04.09.1945 г.	Коломенская
Марьяновский Михаил Зиновьевич	с 1940 г.	24.09.1945 г.	Осташевская
Рыбак Давид Абрамович	с 1940 г.	08.10.1945 г.	Каширская

Ф.И.О. адвоката	Адвокатский стаж	Дата восстановления в МОКА	Направлен на работу в юрконсультацию
Дерегин Давид Осипович	с 1940 г.	29.10.1945 г.	Рузская
Ямпольский Григорий Исаакович	неизвестно	29.10.1945 г.	Константиновская
Ставицкий Степан Денисович	с 1940 г.	12.11.1945 г.	Ново-Петровская
Щеглов Михаил Васильевич	неизвестно	19.11.1945 г.	Подольская
Иванов Валериан Михайлович	с 1936 г.	26.11.1945 г.	Загорская
Титов Иван Иванович	с 1940 г.	10.12.1945 г.	Кривандинская
Горенков Сергей Мхайлович	с 1940 г.	17.12.1945 г.	Подольская

Ссылки

К декабрю 1945 г. коллегия насчитывает 205 адвокатов, которые распределены в 98 юридических консультациях. Численный состав консультаций выглядит так: 51 - 1 адвокат; 34 - до 3-х адвокатов; 10 - до 5-ти адвокатов; 6 - свыше 5-ти адвокатов. 33 адвоката имеют юридический стаж от 5 до 10 лет, свыше 10 лет - 30 адвокатов, от 2 до 5 лет - 19, от 1 до 3 лет - 16. Высшее юридическое образование есть у 159 адвокатов, 12 окончили двухгодичную юридическую школу, 23 - юридические курсы и 3 адвоката не имеют юридического образования.

По количеству обращений граждан коллегия выходит на довоенный уровень: 32010 - в 1940 г. и, соответственно, 32238 - в 1945 г. Проведено 6704 уголовных и 2508 гражданских дел, составлено 5607 бумаг, дано 15686 устных консультаций.

Архивные данные позволили установить поименный список адвокатов коллегии, погибших на фронтах Великой Отечественной войны:

1. Глазунов Дмитрий Георгиевич.
2. Демченко Семён Михайлович.
3. Иванов Николай Дмитриевич.
4. Кравченко Владимир Федосеевич.
5. Бейлин Ефим Петрович.
6. Белов Анатолий Иванович.
7. Новиков Иван Тимофеевич.
8. Попова Елизавета Владимировна.
9. Холмогоров Яков Сергеевич.
10. Широков Сергей Алексеевич.
11. Красюков Михаил Андреевич.
12. Лейви Михаил Вульфович.

Такой видится военная история коллегии по архивным документам.

С каждым годом война становится всё дальше от нас, но никогда не угаснет свеча памяти о тех героических годах, о людях, совершивших светлый Подвиг спасения страны. Вечная им Слава!

(первая публикация на сайте arto.ru)

¹ См. Москва военная. 1941 год. // www.oboznik.ru
² Из доклада Главного военного прокурора "Об уголовных преступлениях на железной дороге" // В.П. Столбов, Ю.В. Дмитриева, И.А. Баранов. Смятение грозной осенью 1941 г.

³ Цит. по: Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995. С. 410.

⁴ Там же. С. 478

⁵ Цит. по: Справка Сельхозотдела МК ВКП(б) А.С. Щербакову о состоянии районов Московской области, освобожденных от немецко-фашистской оккупации // Партизаны в битве за Москву. 1941-1942. Архивные документы и материалы. М.: Издательство Главархива Москвы, Издательство Патриот, 2008. С. 115-119.

⁶ См. Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995. С. 542.

⁷ Там же. С. 546.

⁸ Информация получена с сайта <http://tankfront.ru/ussr/columns/tank-columns.html>

⁹ Источник: Harrison, Mark. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940-1945. - Cambridge University Press, 2002.

¹⁰ А. Орлова "Он между нами жил" // Журнал Вестник. № 12 (323), 2003.

¹¹ Цит. по: Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995. С. 174.

В. Валерин - член Ленинградской коллегии защитников

**Волчья стая.
Записки члена коллегии защитников
(продолжение, начало в № 4 за 2015г.)**

20 декабря

Мы, защитники, должны быть массовиками - пропагандистами советского права.

Для этого необходимо совершенствоваться в правопознании, и, очевидно, в этих целях при коллегии организованы конференции по основным отраслям права. Оговариваюсь, это мое мнение.

Сейчас я получил повестку - расписание конференций на месяц. Вот оно:

27 декабря. Доклад тов. Марвихера - "Право обратного взыскания третьего лица на имущество должника, положенное в банк".

30 декабря. Доклад т. К.И.Казусова - "О виндикационном иске".

5 января. Доклад т. В.М.Холодной - "Кинофильм "Варьетэ" с точки зрения уголовного закона".

12 января 1926 г. 3 часа утра

Только что вернулся из коллегии. Устал. Голова болит от шума и выпитого. Но записать впечатления необходимо. Сначала было собрание, первое общее адвокатское собрание, на котором мне довелось присутствовать. Потом был концерт с танцами. Настроение поддерживал буфет с винным отделом.

На собрании переизбирали президиум. Когда я сидел в зале, внимательно прислушиваясь к дебатам, мне ярко вспомнилось лето семнадцатого года. Жаркий июль. На центральных улицах кучки людей. Много кучек. Эти кучки составляли словесно воинствующие интеллигенты, обсуждающие "быть или не быть" Учредительному собранию.

В зале, почти десять лет спустя, копошилась такая же кучка. Революция ничего не изменила у этих людей. Обращение "господа" заменили официальным "товарищи". И только.

Избрав председателя, заспорили: платить ему сто пятьдесят или двести двадцать пять рублей? Платить больше не хотели только потому, что председатель был неугодным большинству "ставленником" комфракции. Спорили в надежде, что за сто пятьдесят он не согласится председательствовать.

Потом выносили резолюцию о своей же собственной деятельности. В ней единогласно признавалось, что коллегия защитников, в главном и существенном, удовлетворительно выполняла свои задачи. В конце выразилось пожелание и на будущее время так же их выполнять.

Напрасно я захватил с собой последний номер судебного журнала. Он жег мне руки. На последней странице было напечатано постановление пленума суда по докладу о деятельности коллегии. Там были слова, противополо-

жные тем, какие говорили адвокаты о себе.

Кто-то предложил дополнить резолюцию наказом:

"Вменить в обязанности президиума коллегии изыскать пути для организованного выявления общественной физиономии коллегии, для правильного осведомления пролетарского общественного мнения об истинном характере ее деятельности".

- Кто за дополнение? - возглашает председатель. Обращаюсь и трепетно считаю: раз, два, три...шесть...

- Кто против?

Лес рук.

Пронесло. Я с облегчением вздохнул. Постыдились, видимо, такой позорной неискренности.

Потом веселились, т.е. ждали, чтобы скорее кончился концерт, скорее убрали стулья и очистили место для фокстрота.

Буфет работал ожесточенно. Хлопали пробки, звенели стаканы.

В соседней комнате некто с бокалом пива в руках, раскачиваясь на одной ноге перед уснувшим в кресле судьей, утробным голосом тянул "со святыми упокой".

Рядом вспыхнул скандал. Серьезно поспорили цивилист с криминалистом на извечную тему о том, кто умнее. Спор кончился тем, что криминалист поднял над головой противника табурет. В руках у цивилиста оказался столовый нож. Врагов разняли, но криминалист успел два садануть цивилиста табуретом. Цивилист, оттащенный в угол, вращал белками и рычал:

- Крови, крови!..

Жажду его утолили водкой. Вскоре он безжизненной грудой рухнул на диван и уснул. Вот кажется и все.

19 февраля 1926 г.

Сегодня вынесен приговор по делу польских шпионов. Тринадцать человек присуждено к расстрелу. Трое смертников - мои подзащитные.

Все время мерещится старикашка Техменев. На вопрос председателя о виновности он выпалил:

- Разве стану я, старый генерал, заниматься шпионажем в пользу такой... республики, как Польша?

Последующими ответами Техменев тоже всех рассмешил.

Прокурор спрашивает:

- Чем вы, Техменев, до семнадцатого года занимались?

- Казачьей бригадой командовал.

- А после?

- Генеральской работой занимался.

- Как?

- Генеральской, говорю, работой занимался, - заборы красил, дрова пилил.

- Ну, а потом?

- А потом председателем комитета бедноты в поселке был.

Смех всего зала.

- Как же вы туда попали?

- Очень просто. Во всем поселке осталось двое мужиков, я, и инвалид еще один, девятый десяток ему пошел, остальные все бабы. Ну вот бабы меня и выбрали...

Был еще один шпион, смешной, коротенький такой. Прокурор особенно на его расстреле настаивал. А он в последнем слове, сложив короткие ручки на животике, как-то особенно посмотрел на судью и говорит:

- Граждане судьи, завтра мое рождение, мне тридцать три года исполняется. Неужели же вы меня расстреляете?

Председатель улыбнулся. Слушая приговор, я подумал, что коротенький человечек уверует, будто его наивность умиловтила сурового Вендриха. Вендрих оправдал его в шпионаже, но за душистую контрабанду закатил на шесть лет. Жизнь коротенького была спасена.

2 марта 192...

Начинаю постигать тайны ремесла. Что такое отмычка в руках непосвященного профана? Кусочек проволоки с загогулиной на конце. А профессионал с этакой кистью в руках такой пейзаж разрисует, что в каких-нибудь полчаса любая квартира в Сахару превратится.

Так и тут. Визитная карточка. Визитными карточками обменивались прежде люди, "сатисфакции требуя". При посредстве той же карточки чиновники, сановники и прочий привилегированный люд свидетельствовали взаимное почтение в дни "двунадесятых праздников" и "тезоименитств".

Но что означает визитная карточка на столе канцелярии советского суда, в комнате для ознакомления с делами?

Беру и читаю:

Семен Иванович Сидоров.

Тут же обозначен род занятий, мне самому свойственный. Дальше адрес и часы приема...

Очевидно, человек читал дело, рылся у себя в бумагах и случайно обронил карточку.

Сажусь на скамейку. Что за притча? И здесь валяется кусочек картона. Еще кто-то забыл частицу своего "я".

Думаю: - небрежный народ адвокаты.

Любопытствую: - кто же?

Опять Семен Иванович Сидоров.

Я в недоуменье: - "Роняй раз, роняй два, но не до бесчувствия".

За этим занятием застал меня Семипалатинский.

- Вы что, юный крокодил, здесь изучаете?

- Да вот, видите ли, Аркадий Ферাপонтович, никак в толк не возьму, что за забывчивость странная у людей, - посетовал я, показывая карточки.

- Э, да что тут особенного? Уловление клиентов, вот это что-с. Понятно и совсем просто. Не всякий же человек, получив повестку в суд, сбегает сначала к адвокату. Иной думает своими силеньками справиться, а придет в суд, раскроет дело, да как посмотрит, в кого его следователь разрисовал, так ему вся вселенная с двугривенный покажется. Куда бежать? К защитнику. А к кому, неизвестно. Вот он заметался, запрыгал, ан глядь, карточка забытая. Ну и попался клиент, как щуренок на живца.

Семипалатинский старательно поучал меня:

- Только вам карточками кидаться не советую. Проследит кто - влипнуть можно. Проще способы есть. К примеру, я сам. Зачем рисковать? Вы знаете, я живу в большом доме, квартир в двести. С управдомом дружбу свел. Свел его раза два в пивную. Из-под полы водку в пиво ему подливал. Отсюда и все качества. Управдом для меня по клиентуре старается, а я ему процентик с гонорара жалую. Ну, управдомом долго сыт не будешь, так не стану же я сидеть, сложа руки. Заведующего пивной завербовал. И уж, конечно, швейцара судейского не забываю, всякий раз ему, сукину сыну, полтинник на чай сую. И к нему, нет-нет, как к старожилу, заглядывают за советом - к кому за защитой пойти?

Карандашом сверху и по бокам

Володя назвал ещё двух адвокатов. Замечательные люди. Один русский. Фамилию забыл, не то Заблудный, не то Завидный. Он хорошо устроился. Человек он истово и крепко верующий, разумеется, по-"тихоновски". "Обновленцам" купечество не доверяет. Работает адвокат на виду, в "двадцатке". Купец верит, что благочестивому адвокату способствует бог.

У Заблудного есть своеобразный конкурент. Но сфера его деятельности диаметрально противоположна. Он пристроился к синагоге...

Без числа

Как это глупо! Ну не все ли, в конце концов, равно? Сегодня в "Стройке" напечатан отчет о лжекооператорах, которых вот уже третий день судят в Окружном суде.

Рецензент почему-то отметил вопрос, заданный защитником Чудаковским одному из подсудимых:

- Было это до двенадцати часов или после?

Но вся беда в том, что автором вопроса рецензент сделал меня, вкатив в отчет мою фамилию.

Признаться, я был не рад этому. Вопрос, по сути дела, был глупый. Но ничего, молчу. Вдруг Чудаковский срывается:

- Почему, почему вашу фамилию напечатали? Ведь это же я задал вопрос, а не вы...

- Не важно это, - заметил подошедший журналист.

- Как не важно? - вскипел Чудаковский. - Хорошее дело. Ему неважно. А мне важно, что рекламируют не меня. Я председателю суда, я в редакцию буду жаловаться...

Мне было безразлично, что Чудаковский намеревался предпринять. Но как-то глупо я себя почувствовал, словно я у него что-то украл.

5 марта

Постепенно прозреваю и на все начинаю смотреть другими глазами. Уже понимаю то, чего непосвященный понять не может. Я догадался, зачем обряженный у лучшего портного Соскин всякий день, во время перерыва в своем зале, заходил в наш. Подойдет к нашему столу сияющий, круглый, как пармезанский сыр, душистый и лощеный, с громадным желтым портфелем, и начнет

своим барханным "до третьего ряда" баритоном рассказывать судейские или еврейские анекдоты.

Мы хохочем, хохочет публика "до третьего ряда". Все котиковые и обезьяньи манто оборачиваются. Слышится шепот.

- Кто это, кто это?

- Это же Соскин.

- Соскин. Какой забавный!

А торжествующий Соскин победоносно оглядит зал, скосит глаза в сторону какой-нибудь хорошенькой шляпки и поплывет к выходу, такой свежий, довольный и важный.

Я спрашиваю себя:

- Что же это такое?

Это тоже реклама.

IV.

15 июля 1923

Случай, нет не случай. Это больше, чем случай. Надо записать. И записать так, как мне рассказывали.

Скорый поезд Москва-Ленинград. Вагон-ресторан. Все столики заняты. Официанты не успевают прятать под фартуки чаевые.

У крайнего, маленького столика мужчина в возрасте "за сорок". Одет безукоризненно. Лицо породистое.

В вагон входят два манто. Одно котиковое, другое - кротовое. Обе женщины стоят в проходе, беспомощно озираясь. Сесть некуда.

Безукоризненный, "за сорок", мужчина, с небрежным изяществом предлагает "дамам" разделить с ним столик. Дамы охотно соглашаются. Несколько минут спустя за сверкала, заискрилась яркая и лживая беседа.

Дамы едут в Ленинград. Мужья их такие святые люди. Они всегда с опаской относились к покупке заграничных чулок даже из третьих рук. И вдруг представьте! ГПУ заточило святых людей в дом "предварительного заключения".

Правда, святые люди сознались кое в чем и земном, но, сами понимаете, как не сознаваться, когда кругом крысы и вообще... Теперь мужьям предстоит суд в Ленинграде. В Москве им указали на Быстрицкого, как на лучшего адвоката.

При упоминании этой фамилии незнакомец лет "за сорок" приметно повел плечами и выразительно улыбнулся:

- Странно, странно... Прямо, необычайно, - процедил он сквозь зубы.

- В чем дело? - заинтересовались разом котиковое и кротовое манто. - Вы так говорите, словно наш выбор неудачен.

- О, нет, напротив. Этого я как раз не могу сказать. Тем более...

- Так что же? Скажите! - властно и кокетливо настаивали оба манто.

- Нет, ничего...

Незнакомец значительно задумался. Дамы, возбужденные любопытством, не унимались.

- Вы обязаны, если вы джентльмен, сказать нам, о чем

вы думаете.

Незнакомец молча улыбнулся. Тогда кротовое, посмелее, властно постучав ложечкой по столу, распорядилась.

- Я приказываю вам как дама, слышите, как дама, немедленно сказать все.

- Но...

- Я приказываю.

- Уступаю... - Я Быстрицкий...

- Владимир Александрович?

Разговор, теперь уже деловой, затянулся далеко за полночь. Ресторан пустел, нужно было расходиться.

- У нас к вам, Владимир Александрович, будет сейчас одна небольшая просьба.

- А именно, - осведомился Быстрицкий.

- Избавьте нас, бога ради, поскорее от одной щекотливой обязанности. Позвольте вручить вам вот эту безделушку на предварительные расходы.

С этими словами дама в кротовом вручила Быстрицкому пузатый конверт.

- С этим можно было бы не торопиться, - галантно соскромничал Быстрицкий.

- Ах нет, как можно! - заволновались дамы. Быстрицкий в это время рылся в бумажнике.

- Какая досада! - вырвалось у него. - А что такое?

- Да как же, у меня вышли все карточки. А я должен сообщить вам номер своего телефона.

- Так запишите.

- Но как? Карандаш и бумага у меня в купе.

- Погодите, - одна из дам вынула из сумочки палочку губной помады и, быстро обломив крышку папиросной коробки, передала то и другое Быстрицкому.

- Пишите!

Жирным, карминовым следом Быстрицкий вывел:

- 30-39.

На утро по приезду, приведя себя в порядок, дамы вспомнили, что их ожидает Быстрицкий. Бросились на поиски импровизированной визитной карточки. Увы, все было тщетно. Крышка от "Сафо" бесследно исчезла.

- Что же делать?

- А телефонная книжка на что? - сообразила одна из дам.

Дамы с жаром принялись ее перелистывать.

- Ба, Бе, Бо, Булатов, Быстров... Ах вот - Быстрицкий. Пять-пятьдесят восемь... как будто, он записывал нам не этот номер? Ну, все равно. Давайте звонить.

- Алло, станция. Пять пятьдесят восемь... Владимир Александрович?

- Да, я у аппарата.

- Как вам спалось?

- М-да, как будто бы...

- Что же вы Любань проспали?

- Я...

- Ну да, вы. Или вы еще не проснулись?

- Что?

- Ну, конечно. Может быть, вы забыли, что меня зовут Полиной Андреевной?

- Да, по-моему, я вообще не имею удовольствия быть вам представленным.

- Что, что такое? - заволновалась дама.

- Я вам сказал, что я вас не знаю.

- Это уже слишком. Может быть, вы забыли, что и аванс получили от нас?

- Аванс? - Да.

- В таком случае, я прошу вас немедленно приехать ко мне и мы выясним, кто кого мистифицирует.

Трубки на обоих концах проводов с грохотом опустились на рычаги.

Через час обе дамы вместе с Быстрицким искали виновника. Он оказался адвокатом. Звали его: Николай Константинович Лукин.

V.

Вкладной листок

Здесь записки обрываются. Или, вернее, пресекается хронологическая их последовательность. Первая запись сделана примерно через полтора-два года. Кроме того, самые записки помещены не в тетрадке, как вначале, а на отдельных нумерованных листках. На многих из них ни год, ни дата не помечены. Верный принятому решению, я ничего не изменяю в порядке записей.

Перерыв в записках объясняется горячкой организационного, если можно так выразиться, периода. Мне повезло, и я "начал входить в моду".

6 февраля 1928 г.

- "Куда... куда, куда вы удалились, весны моей золотые дни?.."

Второй строчки я не пою. Я знаю, что "день грядущий" принесет мне разве только нового клиента, может быть клиентку.

Вчера ко мне приходит жена Пищика. Сидит бедный Пищик в изоляторе, предстоящим судом мучается, а жена его ко мне за советом ходит, гонорар хороший вперед выплачивает. Все мужа, бедняжка, вспоминает.

- Как же я так? Он, бедненький, в тюрьме томится, а я...

Ничего, я ее скоро утешил...

Январь

- Совесть, - говорит Пушкин устами "Скупого Рыцаря", - "когтистый зверь, скребущий сердце, совесть, незваный гость, докучный собеседник, заимодавец грубый..."

О совести я думаю иначе.

Где она? Какая она? Как она выглядит? Подумать, так ведь бессовестно то, что я проделал с Севрюгиной. А мне наплевать, сплю спокойно и даже во сне ее ни разу не видал.

С Севрюгиной было так.

Сижу как-то вечером, принимаю. Отпустил кое-как очередного клиента. Клиент ордерной, из коллегии, бросовой. Прошу следующего.

Оказалось: не "щий", а "щая".

Входит длинная, тощая, в тужельках летних, драненькая, а на улице мороз пятнадцать градусов. Делаю быструю наметку глазом и определяю: неплатежеспособна.

Приглашаю садиться.

Называет себя:

- Я, говорит, - Севрюгина. - Я чуть не подскочил в кресле от удивленья.

- Вы, - говорю, - сестрой или родственницей ему приходиться?

- Нет, я жена его.

Самого Севрюгина я еще месяц назад встретил в театре с красивой, разодетой женщиной в тысячных мехах. Когда познакомились, Севрюгин женой ее отрекомендовал.

- Вы с ним в разводе? - спрашиваю, - и думаю про себя: - Ну теперь понятно, куда денежки спиритотрестовские растеклись.

- Хорошо, так вы пожаловали ко мне по делу Алексея Егоровича? - спрашиваю.

- Да, я буду вас просить его защищать. Нельзя ли хлопотать, чтобы его на поруки отпустили.

- С удовольствием.

- А вы знакомы со следователем Дмитриевым?

- С Дмитриевым, - говорю, - прекрасно знаком, мы с ним однокашники.

Заливаю пушку, а сам в глаза Дмитриева никогда не видал, знаю, что есть такой следователь и только.

- Вы понимаете, что по этому делу надо потратить много времени, труда...

- Ну, конечно, - заторопилась Севрюгина. - Я прошу вас только обождать дня три, пока я продам свое каракулевое пальто - единственная вещь, которая уцелела от описи и то случайно. У портнихи в переделке была.

- Три дня, но не позже, сами знаете, в таком деле каждый день дорог.

Как же, как же, можете быть спокойны. Мне бы Алексея Егоровича хоть на денек бы перед судом повидать. Деток тоже показать надо. Ведь Алексей Егорович последнее время так был занят. Так я вас очень буду просить, - заканчивает Севрюгина.

- Хорошо, я сейчас напишу бумажку, вы ее подпишите и завтра же вы пойдете с ней к Дмитриеву. Вы понимаете, что вы должны идти официальным путем, а я уж там подтолкну, где надо.

Через пять минут бумажка готова и подписана. Всего шесть строчек...

"Прошу об освобождении мужа, в виду окончания следствия".

Мотивировка обычная: нет оснований опасаться уклонения его от суда при наличии семьи, постоянного жительства и т. д.

Бедная Севрюгина, ведь такую бумажку ей и управдом настрочить бы мог!

- А как вы полагаете, скоро его освободят? - спрашиваю она.

Я думаю, думаю, смотрю почему-то сперва на часовой циферблат, потом на календарь и отвечаю:

- Думаю, недельки через две.

Почему я ответил, что через две недели, сам хорошо не знаю. По теории вероятности: Севрюгин сознанельно во всем, следствие закончено, прокурор знакомится с делом. На все это уйдет около двух недель, а там ясно, что держать его как будто бы и незачем. Значит, выпустят. И не ошибся.

Приблизительно через полторы недели я приехал за чем-то в тюрьму. Расписываюсь в книге для посетите-

лей. В этот момент входит рассыльный из следственной части...

- Примите ордер на освобождение!

Я одним глазком в ордер, так, на всякий случай. Смотрю - Севрюгин. Скоренько, скоренько проделал все дела. Бегу к первому автомату, вызываю Севрюгину.

- Надежда Петровна! Я только что от Дмитриева, он после долгих просьб подписал постановление об освобождении. Сегодня вечером после поверки Алексея Егоровича отпустят домой...

Что с защитой будет, не знаю, а за "освобождение" пока двести монет заработал!

На другой день

Интересно бы знать, Клопов тоже ведет записки или нет. Ловко он работает и все по административным делам. Ходовой парень. Народ к нему валом валит. Народ все важный, в бобрах, в котиках, с валютными операциями.

По делам о валюте бояться ссылки в Соловки. Клопов - человек "принципиально честный". Разве он возьмет, как я, деньги вперед за "освобождение"? Никогда. Зато честность свою не меньше, чем в две-три тысячи ценит. Приходит к нему жена арестованного, он ей и говорит:

- Вы положите на мое имя векселя в третьи руки. Ну, такому человеку, которому мы оба доверяем. Я поеду в Москву, похлопочу. Если вашему супругу дадут минус шесть, а не Соловки, то я буду считать дело выигранным.

В Москву-то он едет, конечно, не на свои деньги. Не все ли равно, где жить за чужой счет? Пробудет в Москве недельку, всюду погуляет, в театры ходит. Только мимо Лубянки бочком пробирается. Ну и едет обратно.

Если валютчику везет и ему дают минус шесть, Клопов горд. Обращает векселя в червонцы. А определяют валютчику Соловки, честность адвоката остается выше подозрений. Жена валютчика получает векселя обратно. В жертву риска приносятся только деньги, истраченные на поездку в Москву.

20 февраля

Встретил старого своего приятеля Сидорова, где-то служит.

- Тебе, говорит легко, у тебя - практика, клиентура.

А знает ли кто-нибудь, как эту клиентуру доставать приходится? Разбрасывать визитные карточки стыдно. С оправдомом дружбу вести, по пивнушкам таскаться по способу Семипалатинского тоже претит. Вот и приходится выкручиваться по-особенному. Кого-кого, а адвоката, как правило, по одежке встречают, а по уму провожают.

Клиент прежде всего делает оценку внешности адвокатской, начиная от костюма и кончая кабинетом.

Кабинет... Не доешь, не доспишь, а обставить его необходимо.

Мне живо вспоминается случай. Посетил я своего коллегу Курочкина, которому передал дело. Надо было лично съездить к нему, сделать кое-какие пояснения. Поехал вечером. Трамвай, тоскливо лязгая по рельсам, не-

выносимо долго тащил меня куда-то в другой конец города. Наконец, я добрался. Пустынная, мрачная улица. Больше пивных, чем прохожих. Отыскиваю дом.

"Доходный", по старинной кличке, огромный и неопрятный, как лишайная собака, дом. В подворотне отыскиваю доску на сто тридцать семь квартир и восемьдесят комнат-одиночек. Блуждая в неизвестности, наконец, пробираюсь на третий двор, мимо выгребных ям, удушающих вонью отбросов. На темной, облюбованной кошками лестнице, поскользнувшись о картофельную шелуху, я чуть не упал. Извел полкоробка спичек, пока отыскал на одной из дверей засаленную визитную карточку Ивана Акинфиевича Курочкина.

Вхожу и попадаю в кухню. В нос остро ударяет чад скверного подсолнечного масла. Женщина бледная, испитая, с жирными волосами, прилипшими к вискам, устало спрашивает:

- Как о вас сказать?

Называюсь. Она старается сделать приветливое лицо.

- Очень приятно, я - супруга Ивана Акинфиевича. Вы уже не взъщитесь. Пройдите прямо по коридору.

В темноте мне попадают под ноги какие-то копошащиеся ребята. Наконец, я вхожу в кабинет хозяина - маленькую комнатку в десять метров, не больше. Дешевенький конторский столик с продранной кое-где клеенкой. Две жалких этажерки. Не то бурая, не то грязно-зеленая, с проваливавшейся серединой, оттоманка.

По стенам несколько фотографий и вырезанный откуда-то портрет Карабчевского в молодости. Вот и все.

А ведь Курочкин, пожалуй, один из самых знающих местных адвокатов. Человек с громадной эрудицией, серьезный, большой научный мысли. Все в нем признают эти качества, даже судья Косолапов, который вообще ни с кем не считается. Но жить не умеет человек. Нет у него этой самой жилки ловкаческой. Не может он обстроиться. Никто из богатых клиентов к нему не пойдет. Далеко и сложно. А главное, как попадет на кухню, да поведем носом, так сразу и решит:

- Ну, это адвокат не солидный... Разве можно ему серьезное дело поручить?

Был случай, когда Курочкину захотели серьезно помочь. Сжалился над ним один из адвокатских генералов и послал к нему жирного клиента. Клиент добросовестно проделал путешествие к Курочкину и сразу похудел как "американский житель" резиновый, что продают на вербах. Так, по крайней мере, "генерал" рассказал, когда клиент наотрез отказался от курочкинской защиты. "Генерал" настаивал, убеждал клиента, ссылаясь на свой авторитет, принимал на себя ответственность. Все было напрасно. Так и махнул рукой генерал на свое намерение помочь Курочкину.

И сидит бедняга Курочкин, на пятом этаже, в третьем дворе, со входом у выгребной ямы, и выколачивает на жизнь по трешке за выступление.

Другой ловкач без гроша ломаного за душой сумеет при помощи тетеньки или дяденьки и обстановочкой обзавестись. Картиночек на стенке раздобудет. Не беда, что полотна бросовые на барахолке по полтиннику куплены. Зато рамы музею впору, огромные, аляповатые, золоченые. Клиенту все это бьет в глаза, ослепляет.

Вскоре после визита к Курочкину был я у Гоголева.

Спекулянул человек на дровах и пошел жить да наживать.

Живет Гоголев в бельэтаже, на мощеной торцами улице. В доме уцелел швейцар, хоть и без ливреи. На каждой площадке по скамеечке, по углам гипсовые Юоны, Зевсы, да Аполлоны наставлены. У входной двери стеклянная ручка. Звоню, открывает домработница в наколочке и белом передничке.

- Вам барина? Они изволят отдыхать после обеда. Вы подождите немного, я доложу.

Сижу в приемной. Мягкая мебель, хорошие гравюры, на столах журналы. "Столица и усадьба" (журнал красивой жизни), как указано на обложке. Гоголевским клиентам он знаком. В ожидании приема, перелистывая его, они нет-нет и вздохнут по когдатой "красивой жизни". Лежат еще номера "Illustration" парижского и легкомысленно-оголенный, скабрезный журнал "La Vie parisienne". Это уже, видимо, для клиенток.

Наконец, появляется хозяин в ослепительно-стальном коверкотовом костюме, лакированных с замшей башмачках, при золотых часах-браслете и солитере в полтора карата на мизинце. Поблескивает пенсне без оправы.

Галантно шаркнув лакирашками, хозяин пропускает меня в кабинет. Я на мгновение задерживаюсь.

Вся мебель до письменного стола включительно, витающего на бронзовых Трифоновых крыльях, карельская береза. Стиль - ампир. Несомненно, он украшал в прошлом какие-нибудь дворцовые апартаменты. Книжные шкафы полны книг. Юридическая литература: свод законов, сенатская практика, смешанная с золотообрезными "роскошными изданиями": "Трехсотлетие Дома Романовых", "Путешествие Наследника цесаревича на Восток" и т. д.

Мы начали беседу. В это время хозяина вызвали в комнаты. Я подошел к шкафу. Раскрыл его. Взял книгу. Не разрезана. Вторую, третью - тоже.

Я подумал, что если бы Гоголева пересадить к Курочкину, а Курочкина к Гоголеву?

Недавно мне рассказывали о Плотникове. В ожидании приема он разложил на письменном столе две кредитки по червонцу. Положению бумажек был придан небрежно оброненный вид. Новому клиенту он должен был пояснить, что такой суммой расплатился предыдущий счастливец, благодетельственный адвокатским советом.

Около восьми часов вечера в квартире раздался звонок. Вошедший оказался не гостем, не управдомом и не фининспектором: это был самый настоящий клиент, обивавшийся в краже белья с соседнего чердака.

По окончании исповеди, любитель чужих простынь и наволочек поднялся и смущенно стал рыться в карманах.

- Положите на стол, - небрежно бросил Плотников, отвернувшись к окну. Проводив клиента и вернувшись к столу, он убедился, что вместе с клиентом ушли и червонцы.

Горек иногда адвокатский хлеб, ох, как горек!..

VI.

Тогда же

По-моему, наш Знаменитый Березкин все-таки негодяй. Нельзя же, в самом деле, в погоне за клиентурой переходить всякие границы. Самое пикантное, что Березкин - "присяжный революционер". Так, по крайней мере, он сам себя рекомендует. Злые языки утверждают, что если в нем и есть что-нибудь отмеченное революцией, так это его спина...

Боевое крещение она..., т.е. спина, получила в девятьсот пятом году. Березкин, будучи в это время студентом второго курса Санкт-Петербургского университета, со скромным намерением достигнуть общественной уборной пересекал Невский проспект. Студенческая фуражка Березкина ввела в заблуждение казачьего урядника из той самой сотни, что разгоняла демонстрацию. Урядник, лихо стегнув буланого конька, подлетел к студенту и жарко его вытянул нагайкой.

Впоследствии Березкин рассказал, что он стоял в боевой дружине эсеров, подвергся нападению целой казачьей сотни, что казаки чуть не засекали его нагайками до смерти. В свидетели он призывал старшего ординатора Обуховской больницы, умершего за год до революции. Этот ординатор, - говорил Березкин, - залечивал ему рубцы.

Гражданка Ковенская, наслышавшись о революционном прошлом Березкина, решила поручить ему защиту мужа, старого боевого эсера, обвиняемого в растрате. В простоте душевной она решила, что сердце Березкина откроется чувству бескорыстного сострадания к бывшему революционеру. Действительно, Березкин милостиво согласился на гонорар в сто рублей.

Через неделю судьба ей приготовила сюрприз. Она думала расплатиться с Березкиным, продав последнее, что у нее было, что не вошло в опись как оставленное по норме. Она хотела продать супружескую, пятнадцать лет отслужившую, двуспальную кровать.

Но старьевщик, приглашенный для покупки кровати, упрямо твердил:

- За пятьдесят куплю, хочешь? Больше не дам ни копейки.

Бедная женщина бросалась из стороны в сторону, более выгодный покупатель не находился. Тогда, скрепя сердце, она согласилась на предложение старьевщика. Подошел срок, назначенный Березкиным для уплаты денег. Смущенная и растерянная она пришла к знаменитому адвокату. Она решила рассказать ему все, вплоть до истории с продажей кровати.

Красная и потная, сбиваясь в слова, Ковенская боязливо положила на стол конверт с пятьюдесятью рублями.

- Вот здесь пятьдесят. Через неделю я достану, я займу остальные.

Отвернувшись к окну, Березкин холодно слушал ее. Вдруг она замерла на полуслове.

- Вы кончили? - прервал ее спокойно и холодно Березкин.

Ковенская удивленно молчала.

Тогда Березкин, не говоря ни слова, открыл форточку и выбросил на улицу конверт с деньгами. Женщина тупо следила, как за окном, подхваченный ветром, пакет взлетел на мгновение вверх, потом, перевернувшись к боку на бок, пошел книзу. Тут Ковенская обрела способ-

ность речи.

- Зачем?..

- Затем, - отчеканил Березкин, - что мне дорог принцип и аккуратность. Вы наплели мне историю, похожую на святочный рассказ, а своего обещания не выполнили. Вашего мужа я могу защищать даром. А теперь я прошу освободить меня. Я занят. - И, величественно указав женщине на дверь, Березкин опустил в кресло.

Очутившись на лестнице, Ковенская пришла, наконец, в себя и, забыв свои пятьдесят три года, бросилась на улицу. Путь от пятого этажа до тротуара, куда упали деньги, был долог... Деньги кто-то подобрал.

Карандашом

Мой товарищ (описка), мой коллега, которому я когда-то многим помог, хотел предать меня ради гонорара. Вот как это случилось.

Летом, отдыхая в деревне, я подружился с арендатором мельницы. Он оказался участником гражданской войны. Вспоминались знакомые командиры, бои, походы. Словом, мы стали друзьями. Однажды я застал своего друга мрачным. Он страшно ворочал глазами и перебирал цветистый матросский лексикон.

Оказалось, что он сговорился с какой-то артелью об установке на мельнице нового двигателя. В артели сидели, видимо, хорошие зубры. Они заставили мельника подписать договор, по условиям сходный разве что с Версальским.

Двигатель стоил около полутора тысячи в рассрочку. Но зато какая рассрочка! По договору, прежде чем получить к себе двигатель в деревню, Нечипорук, так звали мельника, должен был выплатить артели все деньги полностью. Но если из полутора тысяч он не уплатит к сроку хотя бы одной сотни, артель получала двигатель обратно, да еще удерживала в свою пользу задаток в тысячу четыреста рублей. Таков был договор.

Нечипорук опоздал заплатить сотню. Опоздал на неделю, но когда он все же приехал в артель, деньги от него приняли. Артель приняла платеж с просрочкой, добровольно, тем самым как бы пролонгируя действие договора. В этот день Нечипорук не смог погрузить покупку и приехал за ней через три дня. Предартели поднял на него голубые глаза, цветом схожие с жандармским мундиром, что некогда украшал статную предовскую фигуру, и объявил, что за нарушение договора, вызванное просрочкой последнего платежа, двигатель продан другому лицу и вывезен со склада артели.

- Так чего же вы... последние деньги с меня тащили? - завопил мой приятель.

- А вы, гражданин, в публичном месте не выражайтесь. Неровен час, в суд попадете, - ласково урезонивал пред расхитившегося покупателя.

Нечипорук вскипел и, подняв вымазанный в дегте кулак, пригрозил:

- Я тебе...

- Иван Гаврилыч! Секретарь! - позвал пред, - кликните милиционера.

Как ни был рассержен Нечипорук, милиционера все-таки струсил, но, уходя, так хлопнул дверью, что на председательском столе перегорела лампочка.

Вот почему Никифор Нечипорук в это утро был так мрачен.

Когда, наконец, я выяснил суть самого дела, мне стало ясно, что Нечипоруковы дела не так уж плохи. Если артель не совсем липовая, и у нее или у главков ее было какое-нибудь имущество, то деньги, ими присвоенные, можно было как-нибудь вернуть. Я сообщил свое мнение Нечипоруку. Тот прямо взвыл от радости.

В городе я навел справку. Дело оборачивалось еще лучше, чем я думал. Артель была фиктивная. Мало того, она существовала только в воображении ее правления. Артель имела председателя, секретаря, казначея, печать и бланк для доверчивых крестьян. Впрочем, в артели была еще касса, т. е. не в артели, а на частной квартире председателя.

Одно было скверно. Касса была неуловима. Деньги лежали на текущем счету, записанные на неизвестное чужое имя. Домашняя обстановка преда принадлежала жене. Секретарь жил в полутемной комнате. Имущество его состояло из кровати, распятия и библии. У казначея тоже ничего не было. Надо было действовать на председателя, но каким-то особым способом.

Артель нигде не была зарегистрирована. Это пахло мошенничеством. Но я не шел так далеко. Мне нужно было достать Нечипоруковы деньги.

Я пошел прямо к цели, написав Мезенцеву, так звали преда артели, короткое письмо. Понять его было не трудно: "Получив дело гр. Нечипорука, прошу в течение трех дней прибыть ко мне для переговоров. При неявке вашей, вынужден буду принять соответствующие меры".

Мезенцев меня понял. Это почувствовалось по его медовому голосу, ласкающему телефонную мембрану.

- С вашего разрешения я завтра буду у вас. Мы все уладим миром.

- Буду рад, - ответил я.

Радость моя была преждевременной. На завтра он не пришел. Послезавтра голос его в телефон был ласков, но медвяной сладости в нем не ощущалось.

- Я должен уехать в Москву и переговоры с вами поручил своему поверенному Луговому. Вы не возражаете?

- Буду рад, - отвечаю снова.

Луговой - хороший поверенный, мой друг. На другой день я встретил Лугового в суде.

- Мы противники, - бросил он коротко.

- Полагаю, что нет, - возразил я. - Противниками я считаю людей с колеблющимися, но приблизительно равными шансами. Ты же для меня, вернее твой доверитель - "лежачий". Таких не бьют, им просто предлагают сдать-ся.

- Ты думаешь? - недоверчиво спросил Луговой. - Интересно знать, почему он "лежачий".

- Очень просто. - Я кратко рассказал Луговому дело.

- Полагаю, в интересах Мезенцева не стоит доводить меня до обращения в уголовный розыск.

- Какую цифру ты будешь считать окончательной для миролюбивого соглашения? - деловито осведомился Луговой.

- Нечипорук дал мне полную доверенность, и потому для мирного окончания дела прошу вернуть хотя бы девятьсот рублей. Но только завтра и наличными.

- Хорошо, мы подумаем, - сказал, торопливо прощаясь,

Луговой. - Ответ получишь через неделю, когда Мезенцев вернется из Москвы, - бросил он уже на лестнице.

"Мы" звучало чуждо и как-то враждебно.

Спустя неделю я получил из президиума коллегии пакет. В нем было предложение президиума представить письменное объяснение моих действий по поводу поступившего заявления гр. Мезенцева. Тут же была приложена копия заявления. Копия освещала всю историю дела Нечипорука в совсем ином свете. Я обвинялся в шантаже. В свидетели своей правоты Мезенцев призывал Лугового. Заявление было написано Луговым. Я хорошо знал его стиль и манеру.

Я не мог ругаться как Нечипорук. Я не мог никого бить. Предательство ошеломило. Что делать? С кем посоветоваться? Позвонил Семипалатинскому.

- Это случается, - пробасил он в телефон. - Необстрелянный вы еще юноша. Ну, да ничего, я вам помогу. Дозволяете?

- Ну еще бы.

- Так через час ждите моего звонка.

С опозданием на пятнадцать минут против назначенного часа вызывает меня Семипалатинский.

- Дело в шляпе. Я держу вашего врага в руках.

- Как так?

- Очень просто. Я звонил Луговому. Поговорил с ним о тем, о сем. Потом незаметно перешел на интересующий нас вопрос. Говорю ему: нехорошо, мол, так делать. Вы - говорю, - мне по-приятельски рассказывали: дело мол, уголовное, если подтвердятся некоторые обстоятельства. У вас и в мыслях не было запугивать ни самого Лугового, ни его доверителя. В этом отношении я сам могу быть свидетелем. Тут Луговой попался на удочку и говорит, что если будет гарантия, что вы не подадите заявления в уголовный розыск, то Мезенцев может взять свое заявление в коллегиям обратно... Здорово?

- Здорово-то, здорово. Дальше-то что?

- Ну, дальше просто. Мошенника надо бить по черепу его же оружием. Я Луговому гарантировал именем несуществующего у меня ребенка, что вы не подадите заявления в уголовку. Конечно, гарантия слабая, для Лугового в особенности. Парень он неглупый, соображает, что заявление мое как свидетеля в этом деле ему невыгодно, - хорохорился Семипалатинский.

А теперь нанесем главный удар: садитесь за стол и пишите немедленно объяснение в президиум. Укажите, что вы сделали жертвой шантажа со стороны Лугового и его доверителя, а шантаж-де, мол, заключается в том, что, угрожая вам подачей на вас жалобы в президиум, они вымогали у вас прекращение уголовного дела. Сошлитесь на меня, как на свидетеля всего происшедшего. Поняли?

- Понял.

- Не забудьте еще подать немедленно заявление в уголовный розыск.

- Хорошо.

- Пишите и айда спать. Утро вечера мудренее.

Я сделал так, как советовал Аркадий Феропонтович. Через два дня меня известили о том, что Мезенцев просит считать свою жалобу на меня неподанной, как вызванную недоразумением. В этот же день Нечипорук получил телеграфом девятьсот рублей. Мезенцеву вручи-

ли повестку о явке в уголовный розыск.

С тех пор, при встречах, мы с Луговым не здоровались. Во взглядах бывшего моего друга я читал такую же ненависть, какую видел, вероятно, Мезенцев в глазах Нечипорука.

На другой день

Странный все-таки, человек Аркашка Семипалатинский! Иногда хороший душевный человек, а другой раз такое выкинет, что хоть святых вон выноси!

Я думаю, что это результат "недетского детства". Мать у него умерла вскоре после родов, а отец - присяжный стряпчий в маленьком провинциальном городке, установил с сыном своеобразные отношения. Воспитывая его в гимназии в губернском городе, он, например, приглашал мальчика на вакации телеграммой:

- Приезжай. Дорога за твой счет. Кормить буду даром.

Сам Семипалатинский рассказывал про себя, что он студентом для прокорму в духовом оркестре играл, а кормился "ушным" в трактире. При этом он всегда хитро фыркал на слушателя и говорил: - Небось, не ел "ушного"?!

Июнь

У Быстрицкого хорошая практика. К нему идут, ему верят, зная его подлинную честность, бескорыстие и удивительную добросовестность в делах. Надо отбить у него клиентов. Но как? И вот, Собачкин...

Кстати о Собачкине. Любопытный экземпляр человеческой породы. Сказано, что "людей можно делить на две категории; одних - достойных биографии, других - естественной истории". Рассматривая его, не приходится раздумывать о том, куда его определить. Правда, юрист он дельный, знающий, практика у него хорошая, зарабатывает не мало, но жадность, жадность...

Он и жена - хорошая пара. Муж имеет, по крайней мере, тысячи полторы в месяц, а жена выдает ему ежедневно четырнадцать копеек на трамвай и ни копейки больше. Раз у Собачкина даже неприятность вышла из-за этого: не хватило на лишний трамвай. Пришлось пешком добираться до суда. Ну, и опоздал к заседанию. Председатель выговор сделал, да еще в коллегиям сообщил для наложения дисциплинарного взыскания.

Обычно во время приема у Собачкина, когда он отпускает клиента, за дверьми уже дежурит достойная супруга.

- Миша, - манит она его пальцем, - дай сюда деньги!

И Миша покорно несет. Вероятно, потому что он только глазами видит, как текут бумажки мимо него, а в руки не попадают, у него появилась такая страсть к ним. Все хочется больше и больше. Супруга Мишина всячески поддерживает в нем эту страсть, помогает мужу в делах. Она садится, например, в приемной и изображает из себя ожидающую клиентку, заводит с соседями разговоры.

- Вы чудно сделали, что пришли к Михаилу Семеновичу. Ему не жалко заплатить каких-нибудь лишних двести рублей. За эти деньги он любого человека из петли вытащит. Разве можно его сравнить с каким-нибудь Савели-

ем Яковлевичем? Что он сделает? Он только возьмет деньги и ничего больше!

Иногда мадам Собачкина меняет тактику. Если, проделав под дверью кабинета мужа, Раиса Владимировна услышит, что торг не состоялся, она хватается вышивание и садится с ним в проходной комнате, ожидая, когда мимо пройдет несговорчивый клиент.

Попадая из кабинета в эту комнату, клиент беспомощно оглядывается. Не зная, куда идти дальше, он обращается к трудолюбивой адвокатской жене.

- Вы не можете мне указать, куда пройти?

Раиса Владимировна с достоинством поднимается и, указывая клиенту дорогу, с сожалением говорит:

- Ай, как не хорошо...

- Что? - пугается клиент.

- Я вижу ваших бедных деток голодными, а вашу милую жену в объятиях чужого мужчины.

- Что вы? - вскрикивает клиент, - почему вы так думаете?!

- Если вы хотите знать, я вам охотно расскажу.

Клиент присаживается, не помня себя от удивления.

- Я сидела и вышивала в этой комнате, - степенно начинает Раиса Владимировна, - и слышала, как вы рассказывали Михаилу Семеновичу свое дело. Это же сложное дело, правда?

- Правда, - соглашается клиент.

- Ведь вы же не можете остаться совсем без защитника?

- Не могу.

- Ну, вот видите... Вы уходите от Михаила Семеновича, потому что вам показалось дорого. Да?

- Да, - соглашается клиент.

- А сколько вы могли бы заплатить?

- Мог бы собрать триста пятьдесят, но не пятьсот...

- И вы из-за какой-то сотни хотите продать свою жизнь?! - и Раиса Владимировна прикладывает батистовый платочек к глазам.

- Как свою жизнь?! - уже со слезой в голосе спрашивает клиент.

- Положим, вы не сговорились с Михаилом Семеновичем и пойдете к Быстрицкому. Быстрицкий - хороший защитник, но ведь он же вас пропьет. Он на процессе будет сидеть пьяный. Ну, а если не к Быстрицкому, то к Хенкину. А Хенкин так любит сказать острое слово, что ради острого слова может своего клиента упечь на десять лет в изолятор.

- Что же мне делать? - тоскливо спрашивает клиент. Где мне достать столько денег?

- Мне так жалко вас и ваших деток. Я вас научу. Пойдемте сейчас к Михаилу Семеновичу и скажите, что вы согласны. Понимаете?

- Понимаю, но...

- Постойте, не торопитесь. Так вы пойдете и скажете Михаилу Семеновичу, что вы согласны и заплатите ему триста пятьдесят рублей. Остальные можете отдать через месяц. Не забудьте еще хорошенько попросить Михаила Семеновича, может быть, он вам немножко уступит. Ну, идите!

- Я вижу, что вы правы, - вздыхает клиент и идет в кабинет к адвокату.

Сам Собачкин в суде выступает в старой и грязной

толстовке, с усыпанным перхотью воротником. Речи свои он всегда начинает так:

- Позвольте мне, граждане судья, как советскому защитнику, в советском суде...

5 июня 19..

Я так увлекся характеристикой Собачкиной, что забыл записать ее одну проделку с Быстрицким. Собачкин задумал произвести "налет" на практику Быстрицкого и отбить у него пару-другую клиентов.

Нечего и говорить, что в осуществлении его столь благородных намерений, ему взялась помогать его достойная супруга.

Было решено на семейном совете выбрать подходящий повод, который не замедлил объявиться в виде процесса "Нефтеторга".

Процесс предстоял серьезный, и потому его обслуживал весь "цвет" защиты. Среди других были Быстрицкий и Собачкин.

Наконец, через две недели подошли к прениям сторон. В заключение своей увесистой, хорошо сколоченной речи прокурор потребовал от суда расстрела для нескольких главных подсудимых.

Среди ахающей и охающей публики в зале восседает Раиса Владимировна. Ей не сидится. Она то и дело срыгается с места, напряженно всматриваясь в скамью защиты.

- Что вы так волнуетесь, - сочувственно осведомляются соседи. - У вас кто-нибудь из близких на скамье подсудимых?

- Нет, - отвечает Раиса Владимировна, - но меня тревожит, не пропустила ли я речь защитника Собачкина.

- Так вы пришли вовремя, - успокаивают ее, - потому что сейчас перерыв после речи прокурора, и защита еще не начинала.

- Ах, как чудно, - шумно вздыхает Раиса Владимировна, - я так боялась опоздать на Собачкина. Это же исключительный адвокат.

В перерыве украдкой супруг сообщает ей, что Позднышев (тот самый, что не сторговался с ним из-за пятидесяти рублей), угодил в число будущих смертников. Теперь Позднышева защищал Быстрицкий.

Начались речи защиты. Приторно-слюняво, со ссылкой на голодных деток и на одинокую жену, вежливенько "отлаял" Собачкин.

За ним просто, дельно и хорошо выступил Быстрицкий. Снова объявили небольшой перерыв. Тогда Раиса Владимировна решила, что подходящий момент наступил.

- Какая странная вещь судьба! - Произнесла она значительно и ни к кому не обращаясь. И после этого смеют еще утверждать, что судьбы нет!

- А о чем это вы собственно?.. - интересуется соседка.

- Если бы этот Позднышев, кажется так его фамилия, - отзывается Раиса Владимировна, был умным человеком, он никогда бы сам себя не повел на расстрел: он обратился бы к Собачкину и остался бы жить. А вот теперь и пожинает плоды своего легкомыслия, пошел к Быстрицкому. Быстрицкий же наверное даже дела хорошенько не прочитал и Позднышева, я пари держу, расстреляют!

- Позвольте, - обращается к адвокатской жене какой-то пожилой человек, - а кем вы сами Собачкину приходиться?

- Я? - смущается Раиса Владимировна, - Я - никто... и, вообще, что за странный вопрос?

- Вопрос мой будет вполне понятным, - продолжал пожилой человек, если я осмелюсь разъяснить нашим общим соседям, что вы изволите в супругах у Михаила Семеновича состоять!

- Ловкая дама... Ай да, баба!.. Вот здорово... - слышится отовсюду.

- Какая гадость! - фыркает Раиса Владимировна, горделиво сбивает шляпу на бок и исчезает из зала...

Через час ее видели в другом.

8 июля

Третьего дня ко мне рано утром постучали. Накинул на себя халат, выхожу. Смотрю, крестьянин. По виду и одежде из местных латышских колонистов.

- Мне сащитника нусен, мы слысаль сащитник из города съеть сивет.

- Это, - говорю, - я, а что вам нужно?

- А мне от младенса сасисяться нусно.

- Чего?..

- От младенса, от лиментов саситу хосу.

- Далеко ли, - спрашиваю, - народный суд у вас помещается?

- Верст дватсать пять бутит.

- А когда дело слушается?

- Серез ри дня.

Я прикинул. Перспектива заниматься делами, когда я бежал от них, не улыбалась, но прогулка по новым местам... Я согласился. Мы быстро договорились обо всем. Порешили на другой день ехать читать дело.

В пять часов утра, еще солнце не согнало с полей густого дымчатого тумана, мы двинулись в путь. Мой латыш густо завалил свою тачанку сеном, и я с наслаждением развалился, блаженно, без мыслей, задрал голову в небо.

Всю дорогу ехали молча. Клиент, к счастью, попался неболтливый. Подъезжая уже к цели путешествия, деревне "Крутые пупки", доверитель мой, в полуоборот ко мне, меланхолично процедил:

- А дело мы, се таки, роиграем...

- Почему?..

- Она сутье пятьдесят руплей платиль.

- Кто она?

- Сенсина с репенком.

- Что вы, гражданин Алкснит, говорите? - начал я урезонивать клиента. - Вас же могут привлечь за клевету, дискредитирование, будьте осторожны.

- Се равно, мы дело роиграем...

После этого Алкснит замолчал и разговор больше не возобновлялся. К вечеру мы подъезжали к селу. Кто-то успел рассказать, что Алкснит везет защитника. И у самой околицы нас встретила гурьба голопузых мальчишек, чумазных и визгливых.

- Глянь-ка, защитный дяньенка едет... В очках... А очки-то какие, что твои колеса у машины...

Пока тачанка ныряла в глубоких ухабах, вся беспортошная братия облепила края повозки, цепляясь за ог-

лобли. Алкснит с равнодушным спокойствием отпуская, не оборачиваясь, полновесные удары кнутом, к вящему удовольствию моего почетного эскорта.

В самом деле, взрослые нас встречали с таким же любопытством, как и дети. Бабы с грудными младенцами глазели, подпирая косяки дверей, а мужики недоуменно застывали посреди работы с топором или с граблями в руках, как кадры в замедленном фильме.

У избы-читальни, она же нарсад и квартира судьи, мы остановились. Предстояло ознакомиться с делом, потом ехать ночевать к Алксниту, который жил в пяти верстах на колонистских хуторах.

Возница, он же клиент, остался кормить и поить лошадей, а я, поднявшись "а три ступеньки", смело толкнул скрипучую дверь. Дверь задуло за моей спиной ветром, и я очутился в совершенной темноте. Сделав шаг вперед, я почувствовал, что моя нога, обутая в сандалию, погрузилась во что-то мягкое, а над самым ухом, горячим паром, прямо в лицо полыхнуло:

- Муу-муу!..

Я отскочил, задевая в темноте какие-то шесты. Точно сонм демонов окружил меня. С одной стороны мычало и бляло, с другой густо и сыто хрюкало, под нотами что-то суетилось, шуршало, хлопало крыльями и громко кудахтало.

С большим трудом я нашел путь к отступлению и открыл дверь на улицу. Теперь я увидел, что судейские сени соединялись, вернее, служили продолжением хлеву. А я, не зная этого, грубым своим вторжением потревожил всю мелкую и крупную домашнюю живность.

Оставив наружную дверь открытой, я с возможной тщательностью очистил правую ногу и потом уже вошел в квартиру судьи.

Низенькая, синяя от табачного дыма горница. По стенам ружья, ягдташи, сумки и патронташи. Под столом два огромных пса, один чистокровный лягаш, другой - гончак.

За столом сидели двое. Перед ними стояла полупустая бутылка с зеленой этикеткой. Один, сидевший за столом, был высокого роста, полный, рыжебородый мужчина с трубкой, в болотных сапогах. Другой, сидевший напротив, маленький, шуплый, с подвязанной щекой, видимо в состоянии хронического флюса. Судя по картам в руках и по репликам, они играли в шестьдесят шесть.

Игроки оказались еще менее любопытными, чем их псы, и даже не обернулись в мою сторону. Я постоял несколько минут, потом кашлянул раз, другой. Ничего не помогает. Наконец я не выдержал.

- Где я могу видеть судью?

- Зачем? - спросил сквозь трубку и зубы рыжебородый, не поворачивая головы.

Я объяснил цель моего приезда.

- Прохорыч, - обратился он к партнеру, - сходи и дай гражданину защитнику дело. Впрочем, погоди... А вот дай-ка я твоего валета дамой...

- Зачем же дамой? - обиделся Прохорыч. - Вы всегда так, Федор Калистратыч.

- Чего всегда? Нет, ты погоди. Попробуй теперь увернуться. Гражданин, как вас там звать, защитник, - обратился он ко мне. - Вы пройдите в соседнюю комнату, там шкаф есть. Там на верхней полке барахлишко мое вся-

кое лежит, а на нижней - дела. Вы достаньте дело и читайте. Найдете?

- Найду.

- То-то же, а то, неровен час, этот подлец Прохорыч уйдет в другую комнату и из своей колоды карты подменит.

Когда я просмотрел дело и собирался уходить, председатель и секретарь, не меняя поз, простились со мной.

На хутор к Алксниту мы приехали ночью. Он сохранял все то же упорное молчание, а я не пытался его нарушать. Покончив с национальным блюдом, яичницей в растопленном сале, Алкснит вытер скатертью губы и, дожевывая пищу, изрек:

- А дело мы роиграем.

- Я сказал уже вам, гражданин Алкснит...

- И не потому, - прервал он меня, - сего я вам говорил, а все потому, что она касдому видетелю ри рупля платить.

Сделав это откровение, Алкснит стал похрапывать, сидя за столом. Сон сморил меня. Мать Алкснита отвела меня на сеновал, где я и уснул, утопая в душистом сене.

Утром мы были в суде. Страсти так и кипели. Почтенный старик-заседатель, борода-лопатай, сцепился с Алкснитом.

- Почему ты, парень, упираешься, девке платить не хочешь, а?

- Не долсен, - тоскливо тянет латыш.

- Нет должен, - подсказывает на месте заседатель, - может я тебя самого, под вечер, не один раз у овина с ней видел...

- Митрич, не горячись! - охлаждает рыжебородый судья заседателя. - Не горячись, тебе говорю, ты, брат, сегодня не свидетель, а заседатель, судья, понимаешь.

Митрич понимает и, степенно поглаживая свою великолепную бороду, важно устремляет взоры долу. Но я чувствую, что в совещательной комнате он про овин вспомнит.

Свидетели, действительно, были странные. Они выходили один за другим, до ужаса сходные между собою. Калнын Иоганн, Калнын Елена, Калнын Абрам... Вся деревня носила одну фамилию. И все упрямо твердили:

- Я видетель и могу ттокасать, что репенок его... Пытаюсь внести ясность. Задаю вопрос:

- Почему и на основании каких данных делаете вы, свидетель, ваше заявление?

- Я видетель и могу показать, сто репенок его...

- Что же, вы заставляли ответчика гуляющим с истицей или знаете о том, что они жили вместе?

- Я видетель и моту показать...

- Довольно, я уже слышал, я вас спрашиваю на каком основании.

- Я видетель...

Этаким манером меня быстро вывели из строя. Я увял и больше спрашивать ничего не пытался. Алкснит оказался прав.

Дело мы проиграли...

VII.

1 августа

Завтра я уезжаю в город. Неужели уже завтра. Снова клиенты, снова мелкая ложь и мелкое мошенничество.

Ложь перед клиентами, перед самим собой... Лучше не думать.

Остается подвести итоги. Отдохнул. Да. Жаль только, что мало. Работы не было никакой. Нельзя же считать Алксниту, да еще кошачье дело. А дельце замечательное, нельзя не рассказать о нем.

Пара почтенных старцев. Он - из бывших ливрейных швейцаров в богатом доме. Гладко выбритый, с аккуратно подстриженными усиками, лицо худое, изможденное катаром и геморроем. Только глазки живые, быстрые, лисьи. Они, вероятно, хорошо умели замечать, кто в карете привозил барыню с бала, а также мгновенно подсчитывать, сколько барынин спутник бросал ему на чай: выгодно ли молчать или случайно, мимоходом, обмолвиться баринову камердинеру?

Она - из старших горничных. Некрасивая и потому очень нравственная, всегда с поджатыми тонкими губами. Словом, ходячая сплетня.

После революции он устроился ночным сторожем на одном рынке. Она перестала быть просто женой и числилась "домохозяйкой" из тех, что вечером, после все-нощной, любят задержаться на полчаса в подворотне и перебрать косточки этой "патлатой комсомолке, что как сука живет невенчанная с жиденком из шестого номера".

Почтенные эти старцы приехали отдохнуть в деревню. Чем, спрашивается, они не люди? Но самое главное, что приехали они не одни. Гунявкин, так звали моего старичка, был в преклонном авраамовском возрасте, но в соревнование с библейским однолеткой вступать не собирался. Детей у них не было.

Всю свою "донную" нежность они перенесли на кота. Кот был самый обыкновенный российский кот, даже не холощенный, а потому блудливый. Пегая шейка его, на удивление всем деревенским котам, была перевязана голубой ленточкой. Большого удовольствия, чем наблюдать бесчисленные победы столичного кошачьего донжуана, у старичков не было. Впоследствии этот кот оказался причиной стихийного прироста кошачьего населения в деревне.

Поселились старички у одного деревенского кулачка, как раз напротив дома, где жил егеря, с которым хаживал я на охоту. У егеря был сын, юноша лет восемнадцати, страстный охотник, первоклассный стрелок.

Однажды кот то ли устал ухаживать, то ли просто решил заняться другим видом спорта, увязался за забредшей погулять в прогоне курицей. Курица принадлежала егерю. Кот погнался за курицей, и в тот момент, когда он настиг ее и собирался шутки ради придушить ее, из окна егерской избы грянул выстрел. Узкую улицу заволкло пороховым дымом.

Когда дым рассеялся, мы не увидели ни кота, ни курицы. Вскоре их нашли. Курица, полуоципанная котовыми объятиями, ни жива, ни мертва сидела в канаве. А кот, с изрешетенным дробью задом, забрался под крыльцо.

Старички принялись оказывать пострадавшему коту срочную медицинскую помощь. Была вызвана лошадь, и Гунявкин с бережно укутанным и перевязанным котом потрусил за пятнадцать верст в местный "случной пункт для крестьянского скота" за ветеринаром.

Там на официальном бланке этого учреждения Гуняв-

кину выдали справку о степени серьезности "телесных" повреждений кота. С этим документом он решил возбудить дело против егеря Васьки. Так звали "убийцу".

Гунявкин предъявил иск, ценой не больше не меньше как в пятьсот рублей. Цифра для крестьянского хозяйства серьезная, и как бы ни был вздорен иск этот, беспокорство он все же мог внушить. На совещании, устроенном во время одного из охотничьих привалов, было решено мне выступить в защиту Васькиных интересов.

На этот раз правосудию суждено было свершиться в близлежащем уездном городке. Судья обращается к истцу:

- Какой породы ваш кот?

- Германской, - без запинки отвечает тот.

- А позвольте узнать, с каких пор ведома зоологии такая порода? - спрашиваю я. - Существует ангорская, сибирская и персидская породы, а вот о германской я не слыхивал.

- Как же, - возражает Гунявкин, - чистейшей германской. Жена моя в германском посольстве горничной служила, к ей посольский лакей кота подарил: говорил, что из Германии вывезен.

- Так в чем же дело? - решает судья. - Значит, ваш кот такой же породы, как и мой, бывшей дворянской, только с местом рождения в Германии.

- Оно верно, - соглашается Гунявкин.

- Вот видите, - торжествую я, - какая же породистость!

Спрашиваю дальше.

- Из какого расчета вы исчисляете котовое содержание в триста шестьдесят пять рублей.

- Рубль в день, - без запинки отвечает Гунявкин.

- Здорово!..

Суд на моей стороне. Вижу, судья прячет улыбку.

- Чем же вы его кормили? - интересуется он.

- Телятиной, свиной.

- А чем вы докажете, что именно такими продуктами его кормили?

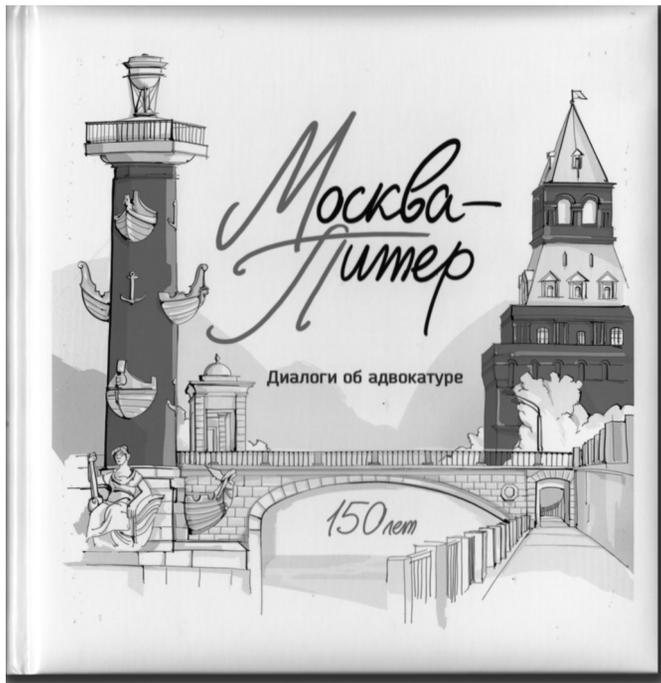
Гунявкин безнадежно машет рукой...

Попутно выясняю личность Гунявкина, его прошлое, навыки. Под конец даю суду громовые объяснения о людях, проживших жизнь при барах, усвоивших барские привычки. Не может же, в самом деле, крестьянин-бедняк, у которого, по собственному выражению истца, "испорчена курица", отвечать всем своим добром за подстреленного блудливого кота.

Суд оправдал Ваську. Он даже пошел дальше, присудив Ваське пять процентов для вознаграждения защитника, каковым я состоял. Очевидно, это была плата за "бесчестье", как говорили в старину, выступать по кошачьему делу.

Некоторая еще пикантность дела заключалась в том, что Гунявкин, затеяв кошачью тяжбу, понес еще вдобавок судебные расходы, в общем, около пятидесяти рублей... Виною тому была местная юридическая консультация, которая не догадалась ему разъяснить, что кошачья шкурка хоть и стоит нынче выделки, но не настолько, чтобы из-за нее создавать "целое дело".

(продолжение следует)

**Москва - Питер. Диалоги об адвокатуре:
Сборник статей
отв. ред. М.В.Петелина.**

Сборник подготовлен к 150-летию российской адвокатуры. Включенные в него статьи представляют собой записи бесед, состоявшихся в канун этого юбилея между яркими, интересными, талантливыми представителями адвокатского сообщества. Их диалоги посвящены наиболее важным проблемам адвокатуры и некоторым страницам ее истории. Сборник подготовлен журналистами, связавшими свою профессиональную жизнь с адвокатурой, и проиллюстрирован рисунками талантливого петербургского художника Алексея Курбатова, а также фотографиями московских и петербургских фотохудожников и корреспондента "Новой адвокатской газеты" Екатерины Горбуновой. Издание предназначено для всех, кто интересуется историей и сегодняшним днем адвокатуры в России.